А. Смирновъ

ИСТОРІЯ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ЗАВОЕВАНІЕ РУСИ

МОНГОЛАМИ.

СОЧИНЕНІЕ

Н. М. КАРАМЗИНА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ Е. ЕВДОКИМОВА. Б. ИТАЛЬЯНСКАЯ, № 11.
1889.

Дозволено цензурою. Спб. 28 сентября 1889 г.

Алексѣй Гавриловичъ

Смирновъ.

ЗАВОЕВАНІЕ РУСИ МОНГОЛАМИ.

ГЛАВА I.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ГЕОРГІЙ ВСЕВОЛОДОВИЧЪ.

Г. 1224—1238.

Происхожденіе татаръ.—Чингисханъ.—Его завоеванія.—Половцы бѣгутъ въ Россію.—Мнѣнія о татарахъ.—Совѣтъ князей.—Избіеніе пословъ татарскихъ.—Битва на Калкѣ.—Правило татаръ.—Побѣдители скрываются.—Удивленіе россіянъ.—Ужасныя предзнаменованія.—Новыя междоусобія.—Набѣги литовскіе.—Походъ въ Финляндію.—Христіанство въ землѣ корельской.—Новгородцы жгутъ волшебниковъ.—Нелюбовь къ Ярославу.—Сношенія съ папою.—Бѣдствія новгородцевъ.—Происшествія въ южной Россіи.—Льготныя грамоты Великаго Ярослава.—Землетрясеніе.—Затмѣніе солнца.—Мятежъ въ Новѣгородѣ.—Голодъ и моръ.—Услуга нѣмцевъ.—Криводушіе Михаила.—Святая Евпраксія.—Война съ нѣмцами и съ литвою.—Бѣдствіе Смоленска.—Подвиги Даніиловы.—Война съ мордвою.—Миръ съ болгарами.—Мученикъ Аврамій.—Смерть Чингисхана.—Его завѣщаніе.—Новое нашествіе татаръ или монголовъ.—Отвѣтъ князей.—Заразъ.—Взятіе Рязани.—Мужество Евпатія.—Коломенская битва.—Сожженіе Москвы.—Взятіе Владиміра.—Опустошеніе многихъ городовъ.—Битва на Сити.—Герой Василько.—Спасеніе Новагорода.—Осада Козельска.—Отшествіе Батыево.

Г. 1224.

Въ нынѣшней Татаріи китайской на югъ отъ Иркутской губерніи, въ степяхъ неизвѣстныхъ ни грекамъ, ни римлянамъ, скитались орды моголовъ, единоплеменныхъ съ восточными турками. Сей народъ дикій, разсѣянный, питаясь ловлею звѣрей, скотоводствомъ и грабежемъ, зависѣлъ отъ татаръ ніучей, господствовавшихъ въ сѣверной части Китая; но около половины XII вѣка усилился и началъ славиться побѣдами. Ханъ его, именемъ Езукай Багадуръ, завоевалъ нѣкоторыя области сосѣдственныя и, скончавъ дни свои въ цвѣтущихъ лѣтахъ, оставилъ въ наслѣдіе тринадцатилѣтнему сыну, Темучину, 40,000 подвластныхъ ему семействъ или данниковъ. Сей отрокъ, воспитанный матерью въ

Происхожденіе татаръ.

простотѣ жизни пастырской, долженствовалъ удивить міръ геройствомъ и счастіемъ, покорить милліоны людей и сокрушить государства знаменитыя сильными воинствами, цвѣтущими искусствами, науками и мудростію своихъ древнихъ законодателей.

По кончинѣ Багадура, многіе изъ данниковъ отложились отъ его сына. Темучинъ собралъ 30,000 воиновъ, разбилъ мятежниковъ и въ семидесяти котлахъ, наполненныхъ кипящею водою, сварилъ главныхъ виновниковъ бунта. Юный ханъ все еще признавалъ надъ собою власть монарха татарскаго и служилъ ему съ честію въ разныхъ воинскихъ предпріятіяхъ; но скоро, надменный блестящими успѣхами своего побѣдоноснаго оружія, захотѣлъ независимости и первенства. Ужасать враговъ местію, питать усердіе друзей щедрыми наградами, казаться народу человѣкомъ сверхъестественнымъ, было его правиломъ. Всѣ особенные начальники могольскихъ и татарскихъ ордъ добровольно или отъ страха покорились ему: онъ собралъ ихъ на берегу одной быстрой рѣки, съ торжественнымъ обрядомъ пилъ ея воду и клялся дѣлить съ ними все горькое и сладкое въ жизни. Но ханъ кераитскій, дерзнувъ обнажить мечъ на сего второго Аттилу, лишился головы, черепъ его, окованный серебромъ, былъ въ Татаріи памятникомъ Темучинова гнѣва. Въ то время, какъ многочисленное войско могольское, расположенное въ девяти станахъ близъ источниковъ рѣки Амура, подъ шатрами разноцвѣтными, съ благоговѣніемъ взирало на своего юнаго монарха, ожидая новыхъ его повелѣній, явился тамъ какой-то святый пустынникъ, или мнимый пророкъ, и возвѣстилъ собранію, что Богъ отдаетъ Темучину всю землю и что сей владѣтель міра долженъ впредь именоваться Чингисханомъ или Великимъ Ханомъ. Воины, чиновники единодушно изъявили ревность быть орудіями воли Небесной: народы слѣдовали ихъ примѣру. Киргизы южной Сибири и славные просвѣщеніемъ игуры или уйгуры, обитавшіе на границахъ Малой Бухаріи, назвалися подданными Чингисхана. Сіи уйгуры, обожая идоловъ, терпѣли у себя магометанъ и христіанъ несторіанскихъ; любили науки, художества и сообщили грамоту всѣмъ другимъ народамъ татарскимъ. Царь Тибета также призналъ Чингисхана своимъ повелителемъ.

Чингисханъ.

Достигнувъ столь знаменитой степени величія, сей гордый ханъ торжественно отрекся платить дань монарху ніучей и сѣверныхъ областей Китая, велѣвъ сказать ему въ насмѣшку: «Китайцы издревле называютъ своихъ государей сынами неба, а ты человѣкъ—и смертный!» Большая каменная стѣна, служащая оградою для Китая, не остановила храбрыхъ моголовъ: они взяли тамъ 90 городовъ, разбили безчисленное войско непріятельское, умертвили множество плѣн-

Его завоеванія.

ныхъ старцевъ, какъ людей безполезныхъ. Монархъ ніучей обезоружилъ своего жестокаго врага, давъ ему 500 юношей и столько же дѣвицъ прекрасныхъ, 3,000 коней, великое количество шелка и золота; но Чингисханъ, вторично вступивъ въ Китай, осадилъ столицу его, или нынѣшній Пекинъ. Отчаянное сопротивленіе жителей не могло спасти города: моголы овладѣли имъ (въ 1215 году), зажгли дворецъ, который горѣлъ около мѣсяца. Свирѣпые побѣдители нашли въ Пекинѣ богатую добычу и мудреца, именемъ Иличуцая, родственника послѣднихъ императоровъ китайскихъ, славнаго въ исторіи благодѣтеля людей: ибо онъ, заслуживъ любовь и довѣренность Чингисхана, спасъ милліоны несчастныхъ отъ гибели, умѣрялъ его жестокость и давалъ ему мудрые совѣты для образованія дикихъ моголовъ.

Еще татары-ніучи противоборствовали Чингисхану: оставивъ сильную рать въ Китаѣ подъ начальствомъ мужественнаго предводителя, онъ устремился къ странамъ западнымъ и сіе движеніе войска его сдѣлалось причиною бѣдствій для Россіи. Мы говорили о туркахъ альтайскихъ, хотя они, утѣсненные съ одной стороны китайцами, а съ другой — аравитянами (въ XII вѣкѣ завладѣвшими Персіею), утратили силу и независимость свою; но единоплеменники ихъ, служивъ долгое время калифамъ, освободились, наконецъ, отъ ига и были основателями разныхъ государствъ могущественныхъ. Такъ, въ исходѣ XI вѣка монархъ турковъ-сельчуковъ, именемъ Челаддинъ, господствовалъ отъ моря Каспійскаго и Малой Бухаріи до рѣки Гангеса, Іерусалима, Никеи, и давалъ повелѣнія багдадскому калифу, папѣ магометанъ. Сіе государство исчезло, ослабленное распрями частныхъ его владѣтелей и завоеваніями крестоносцевъ въ Азіи: на развалинахъ его, въ концѣ XII столѣтія, возвеличилась новая турецкая династія монарховъ харазскихъ или хивинскихъ, которые завладѣли большею частію Персіи и Бухаріею. Въ сіе время тамъ царствовалъ Магометъ II, гордо называясь вторымъ Александромъ Великимъ: Чингисханъ имѣлъ къ нему уваженіе; искалъ его дружбы, хотѣлъ заключить съ нимъ выгодный для обоихъ союзъ; но Магометъ велѣлъ умертвить пословъ могольскихъ... Тогда Чингисханъ прибѣгнулъ къ суду неба и меча своего; три ночи молился на горѣ и торжественно объявилъ, что Богъ въ сновидѣніи обѣщалъ ему побѣду устами епископа христіанскаго, жившаго въ землѣ игуровъ. Сіе обстоятельство, вымышленное для ободренія суевѣрныхъ, было весьма счастливо для христіанъ: ибо они съ того времени пользовались особеннымъ благоволеніемъ хана могольскаго. Началась война, ужасная остервененіемъ варварства и гибельная для Магомета, который, имѣя рать безчисленную, но видя мужество непріятелей, боялся сразиться съ ними въ полѣ и думалъ единственно о защитѣ городовъ. Сія

часть Верхней Азіи, именуемая Великою Бухаріею (а прежде Согдіаною и Бактріею), издревле славилась не только плодоносными своими долинами, богатыми рудами, красотою лѣсовъ и водъ, но и просвѣщеніемъ народнымъ, художествами, торговлею, многолюдными городами и цвѣтущею столицею, донынѣ извѣстною подъ именемъ Бохары, гдѣ находилось знаменитое училище для юношей магометанской вѣры. Бохара не могла сопротивляться: Чингисханъ, принявъ городскіе ключи изъ рукъ старѣйшинъ, въѣхалъ на конѣ въ главную мечеть и, видя тамъ лежащій Алкоранъ, съ презрѣніемъ бросилъ его на землю. Столица была обращена въ пепелъ. Самаркандъ, укрѣпленный искусствомъ, заключалъ въ стѣнахъ своихъ около ста тысячъ ратниковъ и множество слоновъ, главную опору древнихъ воинствъ Азіи: не смотря на то, граждане прибѣгнули въ великодушію моголовъ, которые, взявъ съ нихъ 200,000 золотыхъ монетъ, еще не были довольны: умертвили 30,000 плѣнниковъ и такое же число оковали цѣпями вѣчнаго рабства. Хива, Терметъ, Балхъ (гдѣ находилось 1,200 мечетей и 200 бань для странниковъ) испытали подобную же участь вмѣстѣ со многими иными городами, и свирѣпые воины Чингисхановы въ два или три года опустошили всю землю отъ моря Аральскаго до Инда, такъ что она въ теченіе шести слѣдующихъ вѣковъ уже не могла вновь достигнуть до своего прежняго цвѣтущаго состоянія. Магометъ, гонимый изъ мѣста въ мѣсто жестокимъ, неумолимымъ врагомъ, уѣхалъ на одинъ островъ Каспійскаго моря и тамъ въ отчаяніи кончилъ жизнь свою.

Въ сіе время—около 1223 года—желая овладѣть западными берегами моря Каспійскаго, Чингисханъ отрядилъ двухъ знаменитыхъ военачальниковъ: Судая Баядура и Чепновіана, съ повелѣніемъ взять Шамаху и Дербентъ. Первый городъ сдался и моголы хотѣли идти самымъ кратчайшимъ путемъ къ Дербенту, построенному, вмѣстѣ съ каспійскою стѣною, въ VI вѣкѣ славнымъ царемъ персидскимъ Хозроемъ I, или Нуширваномъ, для защиты государства его отъ козаровъ. Но обманутые путеводителями моголы зашли въ тѣсныя ущелія и были со всѣхъ сторонъ окружены аланами—ясами, жителями Дагестана—и половцами, готовыми къ жестокому бою съ ними. Видя опасность, военачальникъ Чингисхановъ прибѣгнулъ къ хитрости, отправилъ дары къ половцамъ и велѣлъ сказать имъ, что они, будучи единоплеменниками моголовъ, не должны возставать на своихъ братьевъ и дружиться съ аланами, которые совсѣмъ иного рода. Половцы, обольщенные ласковымъ привѣтствіемъ, или дарами, оставили союзниковъ; а моголы, пользуясь симъ благопріятнымъ случаемъ, разбили аланъ. Скоро главный ханъ половецкій, именемъ Юрій Кончаковичъ, раскаялся въ своей оплош-

ности: узнавъ, что мнимые братья намѣрены господствовать въ его землѣ, онъ хотѣлъ бѣжать въ степи; но моголы умертвили его и другого князя, Данила Кобяковича; гнались за ихъ товарищами до Азовскаго моря, до вала Половецкаго, или до самыхъ нашихъ границъ; покорили ясовъ, абазинцевъ, касоговъ или черкесовъ и вообще семь народовъ въ окрестностяхъ азовскихъ.

Многіе половцы ушли въ Кіевскую область съ своими женами, скотомъ и богатствомъ. Въ числѣ бѣглецовъ находился знаменитый Котянъ, тесть Мстислава Галицкаго: сей ханъ взволновалъ Россію вѣстію о нашествіи моголовъ; дарилъ князей вельблюдами, конями, буйволами, прекрасными невольницами, и говорилъ: «нынѣ они взяли нашу землю; завтра возьмутъ вашу». Россіяне ужаснулись, и въ изумленіи спрашивали другъ у друга, кто сіи пришельцы, до того времени неизвѣстные? Нѣкоторые называли ихъ таурменами, другіе печенѣгами, но вообще татарами. Суевѣрные разсказывали, что сей народъ, еще за 1200 лѣтъ до Рождества Христова побѣжденный Гедеономъ и нѣкогда заключенный въ пустыняхъ сѣверо-востока, долженствовалъ предъ концемъ міра явиться въ Азіи, въ Европѣ и завоевать всю землю. Храбрый князь Галицкій, пылая ревностію отвѣдать счастія съ новымъ и столь уже славнымъ врагомъ, собралъ князей на совѣтъ въ Кіевѣ, и представлялъ убѣдительно, что благоразуміе и государственная польза обязываютъ ихъ вооружиться; что утѣсненные половцы, будучи оставлены ими, непремѣнно соединятся съ татарами и наведутъ ихъ на Россію; что лучше сразиться съ опаснымъ непріятелемъ внѣ отечества, нежели впустить его въ свои границы. Мстиславъ Романовичъ Кіевскій (называемый въ лѣтописяхъ старымъ и добрымъ), князь Черниговскій того же имени (братъ Всеволода Чермнаго) и Мстиславъ Галицкій предсѣдательствовали въ Совѣтѣ, гдѣ находились также пылкіе юноши, Даніилъ Романовичъ Волынскій,—Михаилъ, сынъ Чермнаго, и бывшій князь Новгородскій, Всеволодъ Мстиславовичъ. Они долго разсуждали: наконецъ единодушно положили искать непріятеля. Половцы радовались, изъявляя благодарность, и ханъ ихъ Бастый принялъ тогда же вѣру христіанскую.

Половцы бѣгутъ въ Россію.

Мнѣнія о татарахъ.

Совѣтъ князей.

Уже войско наше стояло на Днѣпрѣ у Заруба и Варяжскаго острова: тамъ явились десять пословъ татарскихъ. «Слышимъ»,—говорили они князьямъ россійскимъ,—«что вы, обольщенные половцами, идете противъ насъ; но мы ничѣмъ не оскорбили россіянъ: не входили къ вамъ въ землю; не брали ни городовъ, ни селъ вашихъ, а хотимъ единственно наказать половцевъ, своихъ рабовъ и конюховъ. Знаемъ, что они издревле враги Россіи: будьте же намъ друзьями; пользуясь случаемъ,

отмстите имъ нынѣ, истребите злодѣевъ и возьмите ихъ богатство». Сіе благоразумное миролюбіе показалось нашимъ князьямъ или робостію или коварствомъ: забывъ правила народной чести, они велѣли умертвить пословъ; но татары еще прислали новыхъ, которые, встрѣтивъ войско россійское, въ семнадцатый день его похода, на берегахъ Днѣпра, близь Олешья, сказали князьямъ: «И такъ, вы, слушаясь половцевъ, умертвили нашихъ пословъ и хотите битвы? да будетъ! Мы вамъ не сдѣлали зла. Богъ единъ для всѣхъ народовъ: Онъ насъ разсудитъ». Князья, какъ бы удивленные великодушіемъ татаръ, отпустили сихъ пословъ и ждали остальнаго войска. Мстиславъ Романовичъ, Владиміръ Рюриковичъ и князья Черниговскихъ удѣловъ привели туда, подъ своими знаменами, жителей Кіева, Смоленска, Путивля, Курска, Трубчевска. Съ ними соединились волынцы и галичане, которые на 1,000 ладіяхъ плыли Днѣстромъ до моря, вошли въ Днѣпръ и стали у рѣки Хортицы. Половцы также стекались къ россіянамъ толпами. Войско наше расположилось станомъ на правомъ берегу Днѣпра. Услышавъ, что отрядъ татарскій приближается, юный князь Даніилъ съ нѣкоторыми любопытными товарищами поскакалъ къ нему на встрѣчу. Осмотрѣвъ сіе новое для нихъ войско, они возвратились съ донесеніемъ ко Мстиславу Галицкому. Но вѣсти были не согласны: легкомысленные юноши сказывали, что татары суть худые ратники и не достойны уваженія; а воевода, пришедшій изъ Галича съ ладіями, именемъ Юрій Домарѣчичъ, увѣрялъ, что сіи враги кажутся опытными, знающими и стрѣляютъ лучше половцевъ. Молодые князья нетерпѣливо хотѣли вступить въ бой: Мстиславъ Галицкій, съ тысячею воиновъ ударивъ на отрядъ непріятельскій, разбилъ его совершенно. Стрѣлки наши оказали въ семъ дѣлѣ искусство и мужество. Лѣтописцы говорятъ, что татары, желая спасти начальника своего, Гемябека, скрыли его въ ямѣ, но что россіяне нашли, а половцы, съ дозволенія Мстиславова, умертвили сего могольскаго чиновника.

Избіеніе пословъ татарскихъ.

Надменные первымъ успѣхомъ и, взявъ въ добычу множество скота, всѣ россіяне переправились за Днѣпръ и шли девять дней до рѣки Калки (нынѣ Калеца въ Екатеринославской губерніи, близъ Маріуполя), гдѣ была легкая сшибка съ непріятелемъ. Мстиславъ Галицкій, поставивъ войско свое на лѣвомъ берегу Калки, велѣлъ Яруну, начальнику половцевъ, и Даніилу съ россійскою дружиною идти впередъ; а самъ ѣхалъ на конѣ за ними и скоро увидѣлъ многочисленное войско татаръ. Битва началась. Пылкій Даніилъ изумилъ враговъ мужествомъ; вмѣстѣ съ Олегомъ Курскимъ тѣснилъ густыя толпы ихъ и, копіемъ въ грудь уязвленный, не думалъ о своей ранѣ. Мстиславъ Нѣмый, братъ Ингваря Луцкаго, спѣшилъ дать ему по-

Мая 31. Битва на Калкѣ.

мощь и крѣпкою мышцею разилъ непріятелей. Но малодушные половцы не выдержали удара моголовъ: смѣшались, обратили тылъ; въ безпамятствѣ ужаса устремились на россіянъ, смяли ряды ихъ и даже отдаленный станъ, гдѣ два Мстислава, Кіевскій и Черниговскій, еще не успѣли изготовиться къ битвѣ: ибо Мстиславъ Галицкій, желая одинъ воспользоваться честію побѣды, не далъ имъ никакой вѣсти о сраженіи. Сіе излишнее славолюбіе героя, столь знаменитаго, погубило наше войско: россіяне, приведенные въ безпорядокъ, не могли устоять. Юный Даніилъ вмѣстѣ съ другими искалъ спасенія въ бѣгствѣ; прискакавъ къ рѣкѣ, остановилъ коня, чтобы утолить жажду и тогда единственно почувствовалъ свою рану. Татары гнали россіянъ, убивъ ихъ множество и въ томъ числѣ шесть князей: Святослава Яновскаго, Изяслава Ингваровича, Святослава Шумскаго, Мстислава Черниговскаго съ сыномъ, Юрія Нѣсвижскаго; также отличнаго витязя, именемъ Александра Поповича и еще 70 славныхъ б о г а т ы р е й. Земля русская, по словамъ лѣтописцевъ, отъ начала своего не видала подобнаго бѣдствія: войско прекрасное, бодрое, сильное, совершенно исчезло; едва десятая часть его спаслась; однихъ кіевлянъ легло на мѣстѣ 10.000. Самые мнимые друзья наши, половцы, виновники сей войны и сего несчастія, убивали россіянъ, чтобы взять ихъ коней или одежду. Мстиславъ Галицкій, испытавъ въ первый разъ ужасное непостоянство судьбы, изумленный, горестный, бросился въ ладью, переѣхалъ за Днѣпръ и велѣлъ истребить всѣ суда, чтобы татары не могли за нимъ гнаться. Онъ уѣхалъ въ Галичъ; а Владиміръ Рюриковичъ Смоленскій въ Кіевъ.

Между тѣмъ Мстиславъ Романовичъ Кіевскій еще оставался на берегахъ Калки въ укрѣпленномъ станѣ, на горѣ каменистой; видѣлъ бѣгство россіянъ и не хотѣлъ тронуться съ мѣста: достопамятный примѣръ великодушія и воинской гордости! Татары приступали къ сему укрѣпленію, три дни бились съ россіянами, не могли одолѣть и предложили Мстиславу Романовичу выпустить его свободно, если онъ дастъ имъ выкупъ за себя и за дружину. Князь согласился, воевода Б р о д н и к о в ъ, именемъ Плоскиня, служа тогда моголамъ, отъ имени ихъ клялся въ вѣрномъ исполненіи условій; но обманулъ россіянъ и, связавъ несчастнаго Мстислава вмѣстѣ съ двумя его зятьями, княземъ Андреемъ и Александромъ Дубровецкимъ, выдалъ ихъ полководцамъ Чингисхановымъ. Остервененные жестокимъ сопротивленіемъ великодушнаго Мстислава Кіевскаго и вспомнивъ убіеніе своихъ пословъ въ нашемъ станѣ, моголы изрубили россіянъ, трехъ князей задушили подъ досками и сѣли пировать на ихъ трупахъ!—Такимъ образомъ заключилась сія первая кровопролитная битва нашихъ предковъ съ моголами, которые, по извѣстію татарскаго историка,

умышленно заманили россіянъ въ опасную степь и сражались съ ними цѣлые семь дней.

Полководцы Чингисхановы шли за бѣгущимъ остаткомъ россійскаго войска до самаго Днѣпра. Жители городовъ и селъ, въ надеждѣ смягчить ихъ свирѣпость покорностію, выходили къ нимъ навстрѣчу со крестами; но татары безжалостно убивали и гражданъ, и земледѣльцевъ, слѣдуя правилу, что побѣжденные не могутъ быть друзьями побѣдителей и что смерть первыхъ нужна для безопасности вторыхъ.

Правило татаръ.

Вся южная Россія трепетала: народъ съ воплемъ и стенаніемъ, ожидая гибели, молился въ храмахъ—и Богъ на сей разъ услышалъ его молитву. Татары, не находя ни малѣйшаго сопротивленія, вдругъ обратились къ востоку и спѣшили соединиться съ Чингисханомъ въ Великой Бухаріи, гдѣ сей дикій герой, собравъ всѣхъ полководцевъ и князей, на общемъ сеймѣ давалъ законы странамъ завоеваннымъ. Онъ съ удовольствіемъ встрѣтилъ свое побѣдоносное войско, возвратившееся отъ Днѣпра, съ любопытствомъ слушалъ донесеніе вождей, хвалилъ ихъ и щедро наградилъ за оказанное ими мужество. Оскорбленный тогда могущественнымъ царемъ тангутскимъ, Чингисханъ пошелъ сокрушить его величіе.

Побѣдители скрываются.

Россія отдохнула: грозная туча какъ внезапно явилась надъ ея предѣлами, такъ внезапно и сокрылась. «Кого Богъ во гнѣвѣ Своемъ насылалъ на землю Русскую?» говорилъ народъ въ удивленіи:—«откуда приходили сіи ужасные иноплеменники? куда ушли? извѣстно одному небу и людямъ, искуснымъ въ книжномъ ученіи».—Селенія, опустошенныя татарами на восточныхъ берегахъ Днѣпра, еще дымились въ развалинахъ; отцы, матери, друзья оплакивали убитыхъ; но легкомысленный народъ совершенно успокоился, ибо минувшее зло казалось ему послѣднимъ.

Удивленіе россіянъ.

Князья южной Россіи, готовясь идти на моголовъ, требовали помощи отъ великаго князя Георгія. Племянникъ его, Василько Константиновичъ, шелъ къ нимъ съ дружиною ростовскою, и стоялъ уже близъ Чернигова: тамъ свѣдалъ онъ о несчастіи ихъ и возвратился къ дядѣ, благодаря небо за спасеніе жизни и воинской чести своей. Не предвидя будущаго, владимірцы утѣшались мыслію, что Богъ избавилъ ихъ отъ бѣдствія, претерпѣннаго другими россіянами. Георгій, нѣкогда уничиженный Мстиславомъ Галицкимъ, могъ даже съ тайнымъ удовольствіемъ видѣть его въ злополучіи: долговременная слава и побѣда сего героя возбуждали зависть.—Но скоро несчастныя для суевѣрныхъ знаменія произвели общій страхъ въ Россіи (и во всей Европѣ). Явилась комета, звѣзда величины необыкновенной, и цѣлую недѣлю въ сумерки показыва-

Ужасныя предзнаменованія.

лась на западѣ, озаряя небо лучемъ блестящимъ. Въ сіе же лѣто сдѣлалась необыкновенная засуха: лѣса, болота воспламенялись: густыя облака дыма затмѣвали свѣтъ солнца; мгла тяготила воздухъ, и птицы, къ изумленію людей, падали мертвыя на землю. Вспомнили, что въ княженіе Всеволода I было такое же лѣто въ Россіи, и что отечество наше стенало тогда отъ враговъ иноплеменныхъ, голода и язвы.

Провидѣніе, дѣйствительно, готовое искусить Россію всевозможными для государства бѣдствіями, еще на нѣсколько лѣтъ отложило ихъ; а россіяне какъ бы спѣшили воспользоваться симъ временемъ, чтобы свѣжую рану отечества растравить новыми междоусобіями. Юный сынъ Георгіевъ, исполняя тайное повелѣніе отца, вторично уѣхалъ изъ Новагорода со всѣмъ дворомъ своимъ, занялъ Торжекъ, куда скоро прибылъ и самъ Георгій, братъ его Ярославъ, племянникъ Василько и шуринъ Михаилъ, князь Черниговскій. Они привели войско съ собою, грозя Новугороду, ибо великій князь досадовалъ на многихъ тамошнихъ чиновниковъ за ихъ своевольство. Новгородцы отправили къ Георгію двухъ пословъ и хотѣли, чтобы онъ выѣхалъ изъ Торжка, отпустивъ къ нимъ сына, а великій князь требовалъ, чтобы они выдали ему нѣкоторыхъ знаменитыхъ гражданъ, и сказалъ: «я поилъ коней своихъ Тверцею, напою и Волховомъ». Воспоминая съ гордостію, что самъ Андрей Боголюбскій не могъ ихъ смирить оружіемъ, новогородцы укрѣпили стѣны свои, заняли войскомъ всѣ важныя мѣста на пути къ Торжку, и чрезъ новыхъ пословъ отвѣтствовали Георгію: «Князь! мы тебѣ кланяемся, но своихъ братьевъ не выдадимъ. Дерзнешь ли на кровопролитіе? у тебя мечъ, у насъ головы: умремъ за святую Софію». Георгій смягчился; вступили въ переговоры, и шуринъ его, Михаилъ Черниговскій, поѣхалъ княжить въ Новгородъ.

Новыя междоусобія.

Правленіе сего князя было мирно и счастливо. «Вся область наша»,—говоритъ лѣтописецъ новогородскій,—«благословляла свой жребій, не чувствуя никакой тягости». Георгій вышелъ изъ Торжка, захвативъ казну новогородскую и достояніе многихъ частныхъ людей: Михаилъ, провождаемый знаменитыми чиновниками, ѣздилъ въ Владиміръ и согласилъ Георгія возвратить сію незаконную добычу. Народъ любилъ князя; но Михаилъ считалъ себя пришельцемъ въ сѣверной Россіи. Выѣхавъ изъ Чернигова въ то время, когда татары приближались къ Днѣпру, онъ стремился душою къ своей отчизнѣ, гдѣ снова царствовали тишина и безопасность. Напрасно усердные новогородцы доказывали ему, что князь, любимый народомъ, не можетъ съ покойною совѣстію оставить его: Михаилъ на дворѣ Ярослава простился съ ними, сказавъ имъ, что Черниговъ и Новгородъ должны быть какъ бы единою землею, а

Г. 1225.

жители—братьями и друзьями; что свободная торговля и гостепріимство свяжутъ ихъ узами общихъ выгодъ и благоденствія. Нерѣдко задерживая у себя князей ненавистныхъ, новогородцы давали волю добрымъ жить съ ними, или, говоря тогдашнимъ языкомъ, поклониться святой Софіи: изъявили благодарность Михаилу, отпустили его съ великою честію и послали за Ярославомъ-Θеодоромъ.

Набѣги литовскіе.

Въ то время литовцы, числомъ до 7,000, ворвались въ наши предѣлы; грабили область Торопецкую, Новогородскую, Смоленскую, Полоцкую; убивали купцовъ и плѣняли земледѣльцевъ. Лѣтописцы говорятъ, что сіи разбойники никогда еще не причиняли столь великаго зла государству россійскому. Ярославъ, предводительствуя своею дружиною княжескою, соединился съ Давидомъ Мстиславичемъ Торопецкимъ, съ братомъ его Владиміромъ Псковскимъ

Г. 1226.

и настигъ непріятеля близъ Усвята; положилъ на мѣстѣ 2,000 литовцевъ, взялъ въ плѣнъ ихъ князей, освободилъ всѣхъ нашихъ плѣнниковъ. Князь Давидъ и любимый меченосецъ Ярославовъ находились въ числѣ убитыхъ россіянъ. Новогородцы не были въ сраженіи: доходили только до Русы и возвратились. Однакожъ Ярославъ, пріѣхавъ къ нимъ и выслушавъ ихъ оправданіе, не изъявилъ ни малѣйшаго гнѣва; а въ

Г. 1227.

слѣдующій годъ ходилъ съ войскомъ въ сѣверную, отдаленную часть Финляндіи, гдѣ никогда еще не бывали россіяне; не обогатился въ сей бѣдной странѣ ни серебромъ, ни золотомъ, но отнялъ у многихъ жителей самое драгоцѣннѣйшее благо: отечество и вольность.

Походъ въ Финляндію.

Новогородцы взяли столько плѣнниковъ, что не могли всѣхъ увести съ собою: нѣкоторыхъ безчеловѣчно умертвили, другихъ отпустили домой. — Ярославъ въ сей же годъ отличился дѣломъ гораздо полезнѣйшимъ для человѣчества: отправилъ священниковъ въ корельскую землю и, не употребивъ никакихъ мѣръ насильственныхъ, крестилъ большую часть жителей, уже давно подданныхъ Новагорода и расположенныхъ добровольно къ принятію христіанства.

Христіанство въ землѣ корельской.

Представивъ дѣйствіе благоразумнаго усердія къ вѣрѣ, не скроемъ и несчастныхъ заблужденій суевѣрія: въ то время, какъ наши церковные учители проповѣдывали кореламъ Бога истиннаго и человѣколюбиваго, ослѣпленные новогородцы сожгли четырехъ мнимыхъ волшебниковъ на дворѣ Ярослава. Къ чести духовенства и тогдашняго новогородскаго епископа Антонія—который, въ 1225 году, возвратился изъ Перемышля Галицкаго — замѣтимъ, что въ семъ жалостномъ безуміи дѣйствовалъ одинъ народъ, безъ всякаго внушенія со стороны церковныхъ пастырей.

Новогородцы жгутъ волшебниковъ.

Россіяне думали, что грозно опустошивъ Финляндію, они уже на долгое время будутъ съ сей стороны покойны; но месть даетъ силы. Лишенные отцовъ, братьевъ, дѣтей и пылая справедливою злобою, финляндцы разорили селенія вокругъ Олонца и сразились съ посадникомъ ладожскимъ. Ихъ было около двухъ тысячъ. Ночь прекратила битву. Напрасно предлагавъ миръ, они умертвили всѣхъ плѣнниковъ, бросили лодки свои и бѣжали въ густые лѣса, гдѣ ижеряне и корелы истребили ихъ всѣхъ до одного человѣка. Между тѣмъ Ярославъ, не имѣвъ времени соединиться съ ладожанами, праздно стоялъ на Невѣ и былъ свидѣтелемъ мятежа воиновъ новогородскихъ, хотѣвшихъ убить какого-то чиновника, именемъ Судимира: князь едва могъ спасти несчастнаго, скрывъ его въ собственной ладіи своей.

г. 1228.

Вообще Ярославъ не пользовался любовію народною. Желая имѣть Псковъ въ своей зависимости, онъ поѣхалъ туда съ новогородскими чиновниками; но псковитяне не хотѣли принять его, думая, что сей князь везетъ къ нимъ оковы и рабство. Огорченный Ярославъ, возвратясь въ Новгородъ, собралъ жителей на дворѣ архіепископскомъ и торжественно принесъ имъ жалобу. «Небо свидѣтель», — говорилъ онъ,—«что я не хотѣлъ сдѣлать ни малѣйшаго зла псковитянамъ и везъ для нихъ не оковы, а дары, овощи и паволоки. Оскорбленная честь моя требуетъ мести». Недовольный холодностію гражданъ, князь призвалъ войско изъ Переяславля Залѣсскаго и новогородцы съ изумленіемъ увидѣли шатры его полковъ вокругъ дворца. Славянскій конецъ также наполнился толпами сихъ ратниковъ, съ головы до ногъ вооруженныхъ и страшныхъ для народа своевольнаго. Ярославъ сказывалъ, что хочетъ идти противъ нѣмецкихъ рыцарей, но граждане не вѣрили ему и боялись его тайныхъ замысловъ. Къ тому же, бѣдные жаловались на дороговизну; отъ прибытія многочисленнаго войска цѣна на хлѣбъ и на мясо возвысилась: осмина ржи стоила нынѣшними серебряными деньгами $53^1/_2$ копѣйки, пшеницы $89^1/_2$, а пшена рубль 25 копѣекъ. Ярославъ требовалъ отъ псковитянъ, чтобы они выдали ему клеветниковъ его, а сами шли съ нимъ къ Ригѣ; но псковитяне уже заключили особенный тѣсный союзъ съ Рижскимъ орденомъ и, будучи обнадежены въ помощи рыцарей, прислали въ Новгородъ одного грека съ такимъ отвѣтомъ: «Князь Ярославъ! кланяемся тебѣ и друзьямъ новогородцамъ; а братьевъ своихъ не выдадимъ и въ походъ нейдемъ, ибо нѣмцы намъ союзники. Вы осаждали Колывань (Ревель), Кесь (Венденъ) и Медвѣжью Голову, но брали вездѣ не города, а деньги; раздраживъ непріятелей, сами ушли домой, а мы за васъ терпѣли: наши сограждане положили свои головы на берегахъ Чудскаго озера; другіе были отведены въ плѣнъ. Теперь возстаете противъ насъ; но мы

Нелюбовь къ Ярославу.

готовы ополчиться съ Святою Богородицею. Идите, лейте кровь нашу; берите въ плѣнъ женъ и дѣтей: вы не лучше поганыхъ». Сіи укоризны относились вообще къ новогородцамъ; однакожъ народъ взялъ сторону псковитянъ: рѣшительно объявилъ князю, что не хочетъ воевать ни съ ними, ни безъ нихъ съ орденомъ Нѣмецкимъ и требовалъ, чтобы рать переяславская удалилась. Ярославъ велѣлъ полкамъ выступить, но въ досадѣ и гнѣвѣ самъ уѣхалъ изъ Новагорода, оставивъ тамъ юныхъ сыновей, Ѳеодора и Александра, подъ надзиранiемъ двухъ вельможъ. Псковитяне торжествовали; отпустили нѣмцевъ, чудь, латышей, уже призванныхъ ими для защиты, и выгнали изъ города друзей Ярославовыхъ, сказавъ имъ: «подите къ своему князю; вы намъ не братья». Тогдашній союзъ россіянъ съ Ливонскимъ орденомъ и дружелюбныя ихъ сношенія съ посломъ Гонорія III въ Ригѣ, епископомъ Моденскимъ, столь обрадовали папу, что онъ, въ 1227 году, написалъ весьма благосклонное письмо ко всѣмъ нашимъ князьямъ, обѣщая имъ миръ и благоденствіе въ объятіяхъ латинской церкви и желая видѣть ихъ пословъ въ Римѣ. «Ваши заблужденія въ вѣрѣ (говорилъ онъ) раздражаютъ небо и причиною всѣхъ золъ въ Россіи: бойтесь еще ужаснѣйшихъ, если не обратитесь къ истинѣ. Увѣщаемъ и молимъ, чтобы вы письменно изъявили на то добрую волю чрезъ надежныхъ пословъ, а между тѣмъ жили мирно съ христіанами ливонскими».

Сношенія съ папою.

Съ сего времени Новгородъ былъ нѣсколько лѣтъ жертвою естественныхъ и гражданскихъ бѣдствій. Отъ половины августа до самаго декабря мѣсяца густая тьма покрывала небо и шли дожди безпрестанные; сѣно, хлѣбъ гнили на лугахъ и въ полѣ; житницы стояли пустыя. Народъ, желая кого нибудь обвинить въ семъ несчастіи, возсталъ противъ новаго владыки новгородскаго, Арсенія (ибо Антоній, слабый здоровьемъ, лишился языка и добровольно заключился въ монастырѣ Хутынскомъ). «Богъ наказываетъ насъ за коварство Арсенія», — говорили безразсудные: — «онъ выпроводилъ Антонія въ Хутынскую обитель и несправедливо присвоилъ себѣ его санъ, подкупивъ князя». Добрый, смиренный пастырь молился денно и нощно о благѣ сограждан; но дожди не преставали и народъ, послѣ шумнаго вѣча, извлекъ архіепископа изъ дому, гналъ, толкалъ, едва не умертвилъ его какъ преступника. Арсеній искалъ убѣжища въ Софійскомъ храмѣ, наконецъ въ монастырѣ Хутынскомъ, откуда нѣмый Антоній долженъ былъ возвратиться въ домъ святителей. Новогородцы дали ему въ помощники двухъ свѣтскихъ чиновниковъ и еще не могли успокоиться: вооружились, разграбили домъ тысячскаго, стольниковъ архіерейскаго и софійскаго, хотѣли повѣсить одного старосту и кричали, что сіи

Бѣдствія новогородцевъ.

люди наводятъ князя на зло. Избравъ новаго тысяцкаго, вѣче послало сказать Ярославу, чтобы онъ немедленно ѣхалъ въ Новгородъ, снялъ налогъ церковный, запретилъ княжескимъ судьямъ ѣздить по области и, наблюдая въ точности льготныя грамоты Великаго Ярослава, дѣйствовалъ во всемъ сообразно съ уставомъ Новгородской вольности. «Или, — говорили ему послы вѣча, — наши связи съ тобою навѣки разрываются». Еще князь не далъ отвѣта, когда юные сыновья его, Ѳеодоръ и Александръ, устрашенные мятежемъ новогородскимъ, тайно уѣхали къ отцу съ своими вельможами. «Одни виновные могутъ быть робкими бѣглецами (сказали новогородцы): не жалѣемъ объ нихъ. Мы не сдѣлали зла ни дѣтямъ, ни отцу, казнивъ своихъ братьевъ. Небо отмститъ вѣроломнымъ; а мы найдемъ себѣ князя. Богъ по насъ: кого устрашимся?» Они клялися другъ другу быть единодушными и звали къ себѣ Михаила Черниговскаго, но послы ихъ были задержаны на дорогѣ княземъ Смоленскимъ, другомъ Ярославовымъ.

Льготныя грамоты Великаго Ярослава.

Доселѣ описавъ несчастную калкскую битву, говорили мы только о происшествіяхъ сѣверной Россіи: обратимъ взоръ на полуденную. Михаилъ, возвратясь (въ 1225 году) изъ Новагорода въ Черниговъ, нашелъ опаснаго непріятеля въ Олегѣ Курскомъ и требовалъ помощи отъ Георгія, своего зятя, который самъ привелъ къ нему войско. Къ счастію, тамъ былъ кіевскій митрополитъ Кириллъ, родомъ грекъ, присланный константинопольскимъ патріархомъ, изъ Никеи. Сей мужъ ученый, благонамѣренный, отвратилъ войну и примирилъ враговъ: послѣ чего Михаилъ княжилъ спокойно, будучи союзникомъ Георгія, который, женивъ племянника, Василька, на его дочери, отдалъ южный Переяславль, какъ удѣлъ великаго княженія Суздальскаго, другому племяннику, Всеволоду Константиновичу, а чрезъ годъ брату Святославу. Древняя вражда Ольговичей и Мономаховыхъ потомковъ казалась усыпленною. Тѣ и другіе равно уважали знаменитаго Мстислава Галицкаго, ихъ главу и посредника. Сей герой, долго называемый удачнымъ или счастливымъ, провелъ остатокъ жизни въ безпокойствахъ и въ раскаяніи. Обманутый злобными внушеніями Александра Бельзскаго, онъ возненавидѣлъ было добраго зятя своего, мужественнаго Даніила, союзника поляковъ, и хотѣлъ отнять у него владѣніе; узнавъ же клевету Александрову, спѣшилъ примириться съ Даніиломъ, и, вопреки совѣту другихъ князей, оставилъ клеветника безъ наказанія. Нечаянное бѣгство всѣхъ знатнѣйшихъ бояръ галицкихъ и ссора съ королемъ венгерскимъ были для него также весьма чувствительнымъ огорченіемъ. Одинъ изъ вельможъ, именемъ Жирославъ, увѣрилъ первыхъ, что князь намѣренъ ихъ, какъ враговъ, предать на избіеніе хану половец-

Происшествія въ южной Россіи.

кому, Котяну: они ушли со всѣми домашними въ горы Карпатскія и едва могли быть возвращены духовникомъ княжескимъ, посланнымъ доказать имъ неизмѣнное праводушіе, милосердіе государя, который велѣлъ обличенному во лжи, безстыдному Жирославу, только удалиться, не сдѣлавъ ему ни малѣйшаго зла. Столь же невиненъ былъ Мстиславъ и въ раздорѣ съ венграми. Нареченный его зять, юный сынъ короля Андрея, послушавъ коварныхъ наушниковъ, уѣхалъ изъ Перемышля къ отцу съ жалобою на какую-то мнимую несправедливость своего будущаго тестя. Андрей вооружился; завоевалъ Перемышль, Звенигородъ, Теребовль, Тихомль и послалъ войско осадить Галичъ, боясь самъ идти къ оному: ибо волхвы венгерскіе, какъ говоритъ лѣтописецъ, предсказали ему, что онъ не будетъ живъ, когда увидитъ сей городъ. Воевода сендомирскій находился съ королемъ: самъ герцогъ Лешко хотѣлъ къ нимъ присоединиться, но Даніилъ, вѣрный тестю, убѣжденіями и хитростію удалилъ поляковъ; а Мстиславъ разбилъ венгровъ, и король Андрей могъ бы совершенно погибнуть, еслибы вельможа галицкій,* Судиславъ, вопреки Даніилову мнѣнію не склонилъ побѣдителя къ миру и къ исполненію прежнихъ заключенныхъ съ Андреемъ условій, такъ что Мстиславъ не только прекратилъ военныя дѣйствія, не только выдалъ дочь свою за королевича, но и возвелъ зятя на тронъ галицкій, оставивъ себѣ одно П о н и з ь е, или юго-восточную область сего княженія. Случай безпримѣрный въ нашей исторіи, чтобы князь россійскій, имѣя наслѣдниковъ единокровныхъ, имѣя даже сыновей, добровольно уступалъ владѣніе иноплеменнику, согласно съ желаніемъ нѣкоторыхъ бояръ, но въ противность желанію народа, нелюбившаго венгровъ. Легкомысленный Мстиславъ скоро раскаялся, и внутреннее безпокойство сократило дни его. Онъ считалъ себя виновникомъ передъ Даніиломъ, тѣмъ болѣе, что сей юный князь изъявилъ отмѣнное къ нему уваженіе и вообще всѣ качества души благородной. «Льстецы обманули меня», — говорилъ Мстиславъ боярамъ Даніиловымъ:—«но если угодно Богу, то мы поправимъ сію ошибку. Я соберу половцевъ, а сынъ мой, вашъ князь, свою дружину: изгоню венгровъ, отдамъ ему Галичъ, а самъ останусь въ Понизьѣ». Онъ не успѣлъ сдѣлать того, занемогъ и нетерпѣливо желалъ видѣть Даніила, чтобы поручить ему свое семейство; но кознями вельможъ лишенный и сего утѣшенія, преставился въ Торческѣ схимникомъ, подобно отцу, заслуживъ имя Х р а б р а г о, даже великаго, впрочемъ, слабый характеромъ, во многихъ случаяхъ неблагоразумный, игралище хитрыхъ бояръ и виновникъ перваго бѣдствія, претерпѣннаго Россіею отъ моголовъ. Смертію его воспользовался королевичъ венгерскій, Андрей, немедленно завладѣлъ Понизьемъ, какъ удѣломъ Галицкимъ: князья же юго-западной Россіи, лишенные уважаемаго ими

посредника, возобновили междоусобіе. Мстиславъ Нѣмый, умирая, объявилъ Даніила наслѣдникомъ городовъ своихъ: Пересопницы, Черторижска и Луцка (гдѣ прежде княжилъ Ингварь, братъ Нѣмаго); но Ярославъ, сынъ Ингваревъ, насильственно занялъ Луцкъ, а князь пинскій Черторижскъ. Сіе случилось еще при жизни Мстислава Храбраго. Даніилъ, съ согласія тестя, доставилъ себѣ управу мечемъ, имѣвъ случай показать свое великодушіе: онъ встрѣтилъ Ярослава Луцкаго на богомольѣ, почти одного и безоружнаго; далъ ему свободный путь и сказалъ дружинѣ: «плѣнимъ его не здѣсь, а въ столицѣ». Осажденный имъ въ Луцкѣ, Ярославъ искалъ милости въ Даніилѣ и получилъ отъ него въ удѣлъ Перемиль съ Межибожьемъ. Взявъ Черторижскъ, Даніилъ плѣнилъ сыновей князя пинскаго, Ростислава, который, будучи союзникомъ Владиміра Кіевскаго и Михаила Черниговскаго, требовалъ отъ нихъ вспоможенія, опасаясь, чтобы мужественный, бодрый Даніилъ, по кончинѣ Мстислава Храбраго, не присвоилъ себѣ власти надъ другими князьями. Владиміръ Рюриковичъ вздумалъ мстить сыну за отца: извѣстно, что Романъ Галицкій силою постригъ нѣкогда Рюрика. Тщетно митрополитъ старался прекратить сію вражду. «Такія дѣла не забываются», говорилъ Владиміръ, и собралъ многочисленное войско. Ханъ половецкій, Котянъ, Михаилъ Черниговскій, князья Сѣверскіе, Пинскій, Туровскій, вступивъ въ дружественную связь съ Андреемъ, королевичемъ венгерскимъ, осадили Каменецъ, городъ Даніиловъ; но возвратились съ однимъ стыдомъ и долженствовали сами просить мира: ибо Даніилъ склонилъ Котяна на свою сторону, призвалъ ляховъ и съ воеводою сендомирскимъ, Пакославомъ, готовился осадить Кіевъ.

Михаилъ, по заключеніи сего общаго мира, свѣдалъ о задержаніи пословъ новогородскихъ въ Смоленскѣ: видя Черниговъ со всѣхъ сторонъ безопаснымъ, онъ немедленно поѣхалъ къ Новгородъ, гдѣ народъ принялъ его съ восклицаніями единодушной радости. Желая еще болѣе утвердить общую къ себѣ любовь, Михаилъ клялся ни въ чемъ не нарушать правъ вольности и грамотъ Великаго Ярослава; бѣдныхъ поселянъ, сбѣжавшихъ на чужую землю, освободилъ на пять лѣтъ отъ дани; а другимъ велѣлъ платить легкій оброкъ, уставленный древними князьями. Народъ, какъ бы изъ великодушія, оставилъ друзей ненавистнаго Ярослава въ покоѣ, то есть не грабилъ ихъ домовъ, но хотѣлъ, чтобы они на свои деньги построили новый мостъ Волховскій, ибо старый былъ разрушенъ наводненіемъ минувшей осени. Сію пеню собрали въ особенности съ жителей Городища, гдѣ находился княжескій дворецъ и гдѣ многіе люди держали сторону Ярослава. г. 1229.

Михаилъ, возстановивъ тишину, предложилъ новогородцамъ

избрать иного святителя на мѣсто Антонія, неспособнаго, по его недугу, управлять епархіею. Одни хотѣли имѣть владыкою епископа волынскаго, Іоасафа; другіе—монаха и діакона Спиридона, славнаго благочестіемъ; а нѣкоторые—грека. Судьба рѣшила выборъ: положили три жеребья на олтарь св. Софіи; младенецъ, сынъ Михаиловъ, снялъ два: третій остался Спиридоновъ. Такимъ образомъ діаконъ сдѣлался главою новогородскаго духовенства и попечителемъ республики: ибо архіепископъ, какъ мы уже замѣтили, имѣлъ важное участіе въ дѣлахъ ея.—Михаилъ поѣхалъ въ Черниговъ, оставивъ въ Новѣгородѣ юнаго сына Ростислава и взявъ съ собою нѣкоторыхъ изъ людей нарочитыхъ, для совѣта или въ залогъ народной вѣрности. «Дай Богъ»,—сказалъ онъ гражданамъ,—«чтобы вы съ честію возвратили мнѣ сына и чтобы я могъ быть для васъ посредникомъ истины и правосудія». Между тѣмъ Ярославъ овладѣлъ Волокомъ Ламскимъ и задержалъ у себя пословъ Михаиловыхъ, которые жаловались на сію несправедливость. Отвергнувъ всѣ ихъ мирныя предложенія, Ярославъ ждалъ случая еще болѣе утѣснить новогородцевъ. Сей князь въ то же время поссорился и съ братомъ своимъ Георгіемъ; тайными внушеніями удалилъ отъ него племянниковъ, сыновей Константиновыхъ, и замышлялъ войну междоусобную; но Георгій старался всячески обезоружить его. Дяди и племянники съѣхались, наконецъ, въ Суздалѣ, гдѣ великій князь говорилъ столь благоразумно, столь убѣдительно, что Ярославъ склонился къ искреннему миру, обнялъ брата, и вмѣстѣ съ племянниками назвалъ его своимъ отцомъ и государемъ.

Новогородцы, озабоченные набѣгомъ литовцевъ въ окрестностяхъ Селигерскаго озера, не могли отмстить Ярославу за обиду; разбили непріятелей въ полѣ, но скоро увидѣли гораздо ужаснѣйшее зло въ стѣнахъ своихъ. Предтечею его было землетрясеніе, общее во всей Россіи, и еще сильнѣйшее въ южной, такъ что каменныя церкви разсѣдались. Ударъ почувствовали въ самую обѣдню, когда Владиміръ Рюриковичъ Кіевскій, бояре и митрополитъ праздновали въ лаврѣ память св. Ѳеодосія; трапезница, гдѣ уже стояло кушанье для монаховъ и гостей, поколебалась на своемъ основаніи: кирпичи падали сверху на столъ. Чрезъ десять дней необыкновенное затмѣніе солнца и разноцвѣтныя облака на небѣ, гонимыя сильнымъ вѣтромъ, также устрашили народъ, особенно въ Кіевѣ, гдѣ суевѣрные люди ждали конца своего, стенали на улицахъ и прощались другъ съ другомъ.

г. 1230.

Мая 3. Землетрясеніе.

Мая 14. Затмѣніе солнца.

Михаилъ, какъ бы желая ободрить новогородцевъ, подобно другимъ изумленныхъ сими явленіями, пріѣзжалъ къ нимъ на нѣсколько дней, совершилъ обрядъ торжественныхъ постригъ

надъ юнымъ Ростиславомъ и возвратился въ Черниговъ. Посадникомъ новогородскимъ былъ тогда Водовикъ, человѣкъ свирѣпаго нрава, мстительный, злобный. Вражда его съ сыномъ знаменитаго Твердислава, чиновника гордаго, друга буйной вольности, а послѣ смиреннаго инока Аркадьевской обители, произвела междоусобіе въ городѣ. Народъ волновался, шумѣлъ на вѣчахъ: то посадникъ, то непріятели ого одерживали верхъ; дрались, жгли домы, грабили. Свирѣпый Водовикъ собственною рукою убилъ, наконецъ, одного изъ главныхъ его враговъ и бросилъ въ Волховъ; другіе скрылись или бѣжали къ Ярославу. «Небо», — говоритъ лѣтописецъ, — «оскорбленное сими беззаконіями, отъ коихъ ангелы съ печалію закрываютъ лица свои крылами, наказало мое отечество». Жестокій морозъ 14 сентября побилъ всѣ озими; цѣна на хлѣбъ сдѣлалась неслыханная: за четверть ржи платили въ Новѣгородѣ пять гривенъ или около семи нынѣшнихъ рублей (серебромъ), за пшеницу и крупу вдвое; за четверть овса 4 рубля 65 копѣекъ. Хотя жители славились богатствомъ, но сія неумѣренная дороговизна истощила всѣ средства пропитанія для города. Открылись голодъ, болѣзни и моръ. Добрый архіепископъ, какъ истинный другъ отечества, не имѣя способовъ прекратить зло, старался, по крайней мѣрѣ, уменьшить дѣйствіе онаго. Трупы лежали на улицахъ: онъ построилъ скудельницу, или убогій домъ, и выбралъ человѣколюбиваго мужа, именемъ Станила, для скораго погребенія мертвыхъ, чтобы тлѣніе ихъ не заражало воздуха. Станилъ съ утра до вечера вывозилъ трупы и въ короткое время схоронилъ ихъ 3,030. Съ нетерпѣніемъ ожидали князя: ибо онъ далъ слово возвратиться къ нимъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ и выступить въ поле для защиты ихъ областей; но Михаилъ перемѣнилъ мысли и желалъ мира съ Ярославомъ, готовымъ объявить ему войну за Новгородъ. Митрополитъ Кириллъ, Порфирій, епископъ черниговскій, и посолъ Владиміра Рюриковича Кіевскаго пріѣхали къ великому князю Георгію, моля, его, для общей пользы государства, быть миротворцемъ. Ярославъ упрекалъ Черниговскаго князя вѣроломствомъ. «Коварныя его внушенія»,—говорилъ онъ,—«возбудили противъ меня новогородцевъ». Однакожъ митрополитъ и Георгій успѣли въ благомъ дѣлѣ своемъ, и послы возвратились съ мирною грамотою.

Мятежъ въ Новѣгородѣ.

Голодъ и моръ.

Узнавъ о томъ, новогородцы велѣли сказать юному Михаилову сыну, уѣхавшему въ Торжекъ съ посадникомъ Водовикомъ, что отецъ его измѣнилъ имъ и не достоинъ уже быть ихъ главою; чтобы Ростиславъ удалился, и что они найдутъ себѣ иного князя. Народъ избралъ новаго посадника и тысячскаго, разграбилъ домы и села прежнихъ чиновниковъ, умертвилъ одного славнаго

корыстолюбіемъ гражданина и взялъ себѣ найденое у нихъ богатство. Водовикъ ушелъ съ друзьями своими къ Михаилу въ Черниговъ, гдѣ скоро умеръ въ бѣдности; а новогородцы призвали Ярослава, который далъ имъ на вѣчѣ торжественную клятву дѣйствовать во всемъ согласно съ древними обыкновеніями ихъ вольности; но чрезъ двѣ недѣли уѣхалъ въ Переславль Залѣсскій, вторично оставивъ въ Новѣгородѣ двухъ сыновей, Ѳеодора и Александра.

Между тѣмъ голодъ и моръ свирѣпствовали. За четверть ржи платили уже гривну серебра или семь гривенъ кунами. Бѣдные ѣли мохъ, желуди, сосну, ильмовый листъ, кору липовую, собакъ, кошекъ и самые трупы человѣческіе; нѣкоторые даже убивали людей, чтобы питаться ихъ мясомъ, но сіи злодѣи были наказаны смертію. Другіе въ отчаяніи зажигали домы гражданъ избыточныхъ, имѣвшихъ хлѣбъ въ житницахъ и грабили оные; а безпорядокъ и мятежъ только увеличивали бѣдствія. Скоро двѣ новыя скудельницы наполнились мертвыми, которыхъ было сочтено до 42,000; на улицахъ, на площади, на мосту гладные псы терзали множество непогребенныхъ тѣлъ и самыхъ живыхъ оставленныхъ младенцевъ; родители, чтобы не слыхать вопля дѣтей своихъ, отдавали ихъ въ рабы чужеземцамъ. «Не было жалости въ людяхъ»,—говоритъ лѣтописецъ:—«казалось, что ни отецъ сына, ни мать дочери не любитъ. Сосѣдъ сосѣду не хотѣлъ уломить хлѣбъ!» Кто могъ бѣжалъ въ иныя области; но зло было общее для всей Россіи, кромѣ Кіева: въ одномъ Смоленскѣ, тогда весьма многолюдномъ, умерло болѣе тридцати тысячъ людей.

г. 1231. Новогородцы весною испытали еще иное бѣдствіе: весь богатый Конецъ Славянскій обратился въ пепелъ; спасаясь отъ пламени, многіе жители утонули въ Волховѣ; самая рѣка не могла служить преградою для огня. «Новгородъ уже кончался», по словамъ лѣтописи. Но великодушная дружба иноземныхъ купцовъ отвратила сію погибель. Свѣдавъ о

Услуга нѣмцевъ. бѣдствіи новогородцевъ, нѣмцы изъ-за моря спѣшили къ нимъ съ хлѣбомъ и, думая болѣе о человѣколюбіи, нежели о корысти, остановили голодъ; скоро исчезли ужасные слѣды его и народъ изъявилъ живѣйшую благодарность за такую услугу.

Кривидушіе Михаила. Михаилъ Черниговскій, не смотря на заключенный миръ въ Владимірѣ, дружелюбно принималъ новогородскихъ бѣглецовъ, враговъ Ярославовыхъ, обѣщая имъ покровительство. Самъ великій князь Георгій оскорбился симъ криводушіемъ и выступилъ съ войскомъ къ сѣвернымъ предѣламъ Черниговскимъ: онъ возвратился съ дороги; но Ярославъ, предводительствуя новогородцами, и сыновья Константиновы выжгли Серенскъ (въ нынѣшней Калужской губерніи), осаждали Мо-

сальскъ и сдѣлали много зла окрестнымъ жителямъ. Такимъ образомъ древняя семейная вражда возобновилась. Бѣглецы увѣряли, что Ярославъ ненавидимъ большею частію ихъ согражданъ, готовыхъ взять сторону Ольговичей: для того князь Трубчевскій Святославъ, родственникъ Михаиловъ, отправился въ Новгородъ съ дружественными предложеніями; но свѣдалъ противное, и съ великимъ стыдомъ уѣхалъ назадъ. Послѣднею надеждою новогородскихъ изгнанниковъ остался Псковъ, гдѣ они дѣйствительно были приняты какъ братья. Тамъ находился сановникъ Ярославовъ: они заключили его въ цѣпи и, пылая злобою, желали кровопролитія. Граждане стояли за нихъ усиленно, однакожъ недолго. Ярославъ, самъ прибывъ въ Новгородъ, не пускалъ къ нимъ ни купцовъ, ни товаровъ. Нуждаясь во многихъ вещахъ—платя за берковецъ соли около 10 нынѣшнихъ рублей серебряныхъ — псковитяне смирились. Ярославъ не хотѣлъ дать имъ въ намѣстники сына, юнаго князя Ѳеодора, а далъ шурина своего, Георгія, котораго они приняли съ радостію, выгнавъ бѣглецовъ новогородскихъ. Г. 1232.

Сіи мятежные изгнанники ушли въ Медвѣжью Голову или Оденпе, къ сыну бывшаго князя Псковскаго Владиміра, именемъ Ярославу, и съ помощію ливонскихъ рыцарей взяли Изборскъ; но псковитяне схватили ихъ всѣхъ и выдали князю Новогородскому. Въ числѣ плѣнниковъ находился и Ярославъ Владиміровичъ: подобно отцу то врагъ, то союзникъ нѣмцевъ, онъ считалъ Псковъ своимъ наслѣдіемъ и, хотѣвъ завоевать его съ бѣглецами новогородскими, былъ вмѣстѣ съ ними заточенъ въ Переславль Суздальскій. Чрезъ нѣсколько лѣтъ супруга его, жившая въ Оденпе, приняла смерть мученицы отъ руки злобнаго пасынка и, погребенная въ монастырѣ псковскомъ св. Іоанна, славилась въ Россіи памятію своихъ добродѣтелей и чудесами. Г. 1233. Святая Евпраксія.

Присутствіе Ярослава Всеволодовича было нужно для новогородцевъ; но пораженный внезапною кончиною старшаго сына, онъ уѣхалъ въ Переславль. Юный Ѳеодоръ, цвѣтущій красотою, готовился къ счастливому браку; невѣста пріѣхала; князья и вельможи были созваны, и вмѣсто ожидаемаго пира, вмѣсто общаго веселія, положили жениха во гробъ. Народъ изъявилъ искреннее участіе въ скорби нѣжнаго отца; а князь, едва осушивъ слезы, извлекъ мечъ для защиты новогородцевъ и привелъ къ нимъ свои полки многочисленные.

Ливонскіе рыцари, приставъ къ россійскимъ мятежникамъ и захвативъ близъ Оденпе одного чиновника новогородскаго, дали поводъ Ярославу разорить окрестности сего города и Дерпта. Нѣмцы, требуя мира, заключили его на условіяхъ, выгодныхъ Г. 1234. Война съ нѣмцами и съ литвою.

для россіянъ. Совершивъ сей походъ, Ярославъ спѣшилъ настигнуть литовцевъ, которые едва было не взяли Русы, опустошивъ церкви и монастыри въ окрестности: онъ разбилъ ихъ въ Торопецкомъ княженіи; загналъ въ густые лѣса; взялъ въ добычу триста коней, множество оружія и щитовъ. Сей народъ безпрестанными набѣгами болѣе и болѣе ужасалъ сосѣдовъ; занимался единственно земледѣліемъ и войною; презиралъ мирныя искусства гражданскія, но жадно искалъ плодовъ ихъ въ странахъ образованныхъ и хотѣлъ пріобрѣтать оные не мѣною, не торговлею, а своею кровію. Общая польза государственная предписывала нашимъ князьямъ истребить гнѣздо разбойниковъ и покорить ихъ землю: вмѣсто чего они только гонялись за литовцами, которые чрезъ нѣсколько времени одержали совершенную побѣду надъ сильною ратію ливонскихъ рыцарей; самъ великій магистръ, старецъ Волквинъ, положилъ голову въ битвѣ вмѣстѣ со многими витязями нѣмецкими и псковитянами, бывшими въ ихъ войскѣ.

Бѣдствіе Смоленска.

Изобразивъ бѣдствія Новагорода, опишемъ несчастія и перемѣны, бывшія въ другихъ княженіяхъ россійскихъ. Смоленскъ, опустошенный моромъ, по кончинѣ князя Мстислава Давыдовича (въ 1230 году) не хотѣлъ покориться двоюродному его брату, Святославу Мстиславовичу, внуку Романову. Предводительствуя полочанами, Святославъ взялъ Смоленскъ (въ 1232 году) и безъ жалости лилъ кровь гражданъ.

Подвиги Даніиловы.

Въ Россіи юго-западной война и мятежи не преставали. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ былъ Даніилъ мужественный. Потерявъ союзника въ Лешкѣ Бѣломъ, злодѣйски убитомъ измѣнниками, онъ предложилъ услуги свои брату его, Конраду, и вмѣстѣ съ нимъ осаждалъ Калишъ, гдѣ господствовалъ одинъ изъ главныхъ убійцъ Лешка, герцогъ Владиславъ, сынъ Оттоновъ. Сей городъ, окруженный лѣсами и болотами, могъ долго обороняться, не смотря на усильные приступы, въ коихъ россіяне оказывали гораздо болѣе воинской ревности, нежели Конрадовы ляхи; но граждане хотѣли мира. Здѣсь лѣтописецъ разсказываетъ случай довольно любопытный въ отношеніи къ характеру Даніилову. Конрадъ, увѣренный въ искренней дружбѣ сего князя, желалъ, чтобы онъ былъ свидѣтелемъ переговоровъ. Сендомирскій воевода, Пакославъ, подъѣхалъ къ стѣнамъ крѣпости; а Даніилъ, въ простой одеждѣ и закрывъ шлемомъ лицо свое, сталъ за нимъ. Городскіе чиновники надѣялись ласковыми словами смягчить посла. «Въ насъ течетъ одна кровь»,—сказали они:—«нынѣ служимъ брату Конрадову, а завтра будемъ служить самому Конраду. Можетъ ли онъ мстить намъ, какъ измѣнникамъ или врагамъ и видѣть спокойно ляховъ не-

вольниками россіянъ? Какая будетъ ему честь, если возьметъ сей городъ? Жестокій иноплеменникъ, Даніилъ, присвоитъ ее себѣ одному». Пакославъ отвѣтствовалъ: «Мой и вашъ государь расположенъ къ милости; но князь россійскій не хочетъ о томъ слышать. Говорите съ нимъ сами: вотъ онъ!» Даніилъ снялъ шлемъ и, видя изумленіе городскихъ чиновниковъ, которые столь неосторожно его злословили, засмѣялся отъ добраго сердца; успокоилъ ихъ, доставилъ имъ выгодный миръ и далъ клятву, что россіяне, участвуя въ польскихъ междоусобіяхъ, никогда не будутъ впредь тревожить безоружныхъ земледѣльцевъ съ условіемъ, чтобы и ляхи такимъ же образомъ поступали въ Россіи. При семъ случаѣ сказано въ лѣтописи, что никто изъ нашихъ древнихъ князей, кромѣ Святаго Владиміра, такъ далеко не заходилъ въ землю польскую, какъ Даніилъ.

Возвратясь въ отечество, онъ совершилъ еще важнѣйшій подвигъ: завоевалъ Галицкую область, плѣнилъ королевича Андрея и, помня старую дружбу его отца, дозволилъ ему ѣхать въ Венгрію, вмѣстѣ съ бояриномъ Судиславомъ, который управлялъ Понизьемъ, имѣя въ Галичѣ великолѣпный домъ съ арсеналомъ. Народъ металъ камнями въ сего мятежнаго боярина, восклицая: «удались, злодѣй, навѣки!» Но Судиславъ, нечувствительный къ великодушію Даніилову, думалъ только о мести и король Андрей, имъ возбужденный, послалъ старшаго сына, Белу, снова завоевать Галичъ. Сей походъ имѣлъ весьма горестное слѣдствіе для венгровъ. *Хляби небесныя*, по словамъ лѣтописи, *отверзлись на нихъ* въ горахъ Карпатскихъ: отъ сильныхъ дождей ущелія наполнились водою; обозы и конница тонули. Гордый Бела, не теряя бодрости, достигъ, наконецъ, Галича, въ надеждѣ взять его одною угрозою: видя же твердую рѣшительность тамошняго начальника; слыша, что ляхи и половцы идутъ съ Даніиломъ защитить городъ; приступавъ къ оному нѣсколько разъ безъ успѣха и страшась быть жертвою собственнаго упрямства, онъ спѣшилъ удалиться, гонимый судьбою и войскомъ Даніиловымъ. Множество венгровъ погибло въ Днѣстрѣ, который былъ отъ дождей въ разливѣ, такъ что въ галицкой землѣ осталась пословица: *Днѣстръ сыгралъ злую игру уграмъ*. Множество ихъ пало отъ меча россіянъ или отдалося въ плѣнъ; другіе умирали отъ изнуренія силъ или отъ болѣзней.

Но время спокойнаго или безспорнаго владычества надъ княженіемъ Галицкимъ было еще далеко отъ Даніила. Начались заговоры между боярами подъ тайнымъ руководствомъ Александра Бельзскаго: они хотѣли сжечь Даніила и Василька во дворцѣ или убить ихъ на пиру. Сей ковъ уничтожился страннымъ образомъ. Юный Василько, однажды играя съ придворными, въ шутку обнажилъ мечъ: заговорщики въ ужасѣ, думая, что ихъ намѣреніе

открылось, бѣжали изъ дворца и города. Самъ Александръ, не успѣвъ захватить казны съ собою, ушелъ изъ Бельза въ Венгрію, къ своимъ единомышленникамъ, коимъ удалось снова вооружить короля Андрея противъ Даніила. На сей разъ венгры были счастливѣе. Городъ Ярославъ сдался имъ отъ невѣрности тамошняго воеводы. Они приступили ко Владиміру, гдѣ начальствовалъ бояринъ, дотолѣ извѣстный мужествомъ, имѣя дружину сильную. Видя крѣпкія башни и стѣны блестящія оружіемъ многочисленныхъ воиновъ, король, по словамъ лѣтописца, сказалъ, что такихъ городовъ мало и въ землѣ нѣмецкой. Венгры не могли бы взять Владиміра, но бояринъ Даніиловъ измѣнилъ правиламъ великодушія, оробѣлъ и, безъ воли княжеской заключивъ миръ съ королемъ, отдалъ Бельзъ и Червенъ союзнику его, Александру. Съ другой стороны вельможи галицкіе, нечувствительные къ рѣдкому милосердію Даніила, простившаго имъ два заговора, бѣжали изъ его стана къ непріятелю и довершили торжество венгровъ, которые заняли Галичъ, гдѣ сынъ Андреевъ, утвержденный отцомъ на престолѣ, господствовалъ уже до самой кончины своей, не смотря на покушенія Даніиловы и Васильковы изгнать его. Двѣ кровопролитныя битвы ничего не рѣшили, оказавъ только впослѣдствіи вѣроломство двухъ недостойныхъ князей россійскихъ. Изяславъ Владиміровичъ, внукъ Игоря Сѣверскаго, бывъ другомъ, сдѣлался врагомъ Даніилу; союзникъ же Андреевъ, Александръ Бельзскій, оставивъ венгровъ, взялъ сторону своихъ братьевъ, чтобы снова измѣнить имъ. Наконецъ, внезапная смерть королевича (въ 1234 году) и единодушное желаніе народа возвратили Галичъ Даніилу. Бояре не дерзнули противиться: главный изъ нихъ, извѣстный мятежникъ Судиславъ, спѣшилъ уѣхать за Карпатскія горы, а князь Бельзскій, злобный Александръ, въ Кіевскую область. Сей послѣдній не избавился отъ заслуженнаго имъ наказанія и, схваченный на пути Даніиловыми воинами, умеръ, какъ вѣроятно, въ неволѣ.

Даніилъ могъ еще опасаться венгровъ; но бѣдствіе встрѣтилось ему тамъ, гдѣ онъ не ожидалъ его. Вмѣстѣ съ братомъ Василькомъ, смиривъ хищныхъ ятвяговъ и литовцевъ, которые въ особенности тревожили тогда область Пинскую, сей дѣятельный князь вмѣшался въ ссору зятя своего, Михаила Черниговскаго, съ Владиміромъ Кіевскимъ. Послѣдній, желая быть его другомъ, уступилъ ему Торческъ: Даніилъ великодушно отдалъ сей городъ сыновьямъ Мстислава Храбраго, сказавъ: «за благодѣянія вашего отца». Тщетно желавъ примирить враждующихъ, онъ взялъ нѣсколько городовъ черниговскихъ и, заключивъ миръ съ двоюроднымъ братомъ Михаиловымъ, Мстиславомъ Глѣбовичемъ, думалъ возвратиться въ свое княженіе; но Владиміръ, слыша о нашествіи половцевъ, ведомыхъ къ Кіеву Изяславомъ, внукомъ Игоря

Сѣверскаго, умолилъ Даніила идти къ нимъ навстрѣчу. Когда-жъ они сошлись съ непріятелемъ близъ Торческа, Владиміръ, испуганный многочисленностію варваровъ, хотѣлъ удалиться отъ битвы. «Нѣтъ!»—сказалъ Даніилъ:—«ты заставилъ меня противъ воли съ дружиною утомленною искать враговъ въ полѣ; теперь, видя ихъ передъ собою, могу единственно или побѣдить или умереть». Хотя Даніилъ долго сражался какъ герой, однакожъ принужденъ былъ спасаться бѣгствомъ; а половцы, усиленные черниговцами, взявъ Кіевъ, плѣнили самого князя Владиміра съ его супругою. Бѣдные граждане откупились деньгами отъ свирѣпости варваровъ. Князья же, Изяславъ и Михаилъ, обложили данію всѣхъ иноземцевъ, тамъ обитавшихъ. Первый взялъ себѣ Кіевъ; второй—спѣшилъ вступить въ область Галицкую и занялъ ея столицу, откуда горестный Даніилъ, свѣдавъ новые опасные умыслы тамошнихъ бояръ, долженствовалъ выѣхать.

Въ сіе время не стало Андрея, короля венгерскаго: Бела IV восшелъ на престолъ и Даніилъ, поручивъ брату Васильку оберегать Владиміръ, рѣшился лично искать покровителя въ бывшемъ врагѣ своемъ. Вѣроятно, что онъ тогда, надѣясь съ помощію Андреева преемника удержать за собою Галичъ, далъ ему слово быть данникомъ Венгріи: ибо, участвуя въ совершеніи торжественныхъ обрядовъ Белина коронованія, велъ его коня (что было тогда знакомъ подданства). Уничиженіе безполезное! Даніилъ возвратился къ брату съ одними льстивыми обѣщаніями. Политика венгровъ не измѣнилась: Бела хотѣлъ, чтобы юго-западная Россія принадлежала разнымъ, слѣдственно безсильнымъ владѣтелямъ, и явно поддерживалъ Михаила вмѣстѣ съ Конрадомъ, неблагодарнымъ герцогомъ польскимъ, забывшимъ услуги сыновей Романовыхъ. Напрасно Даніилъ зимою и лѣтомъ не сходилъ съ коня, добывая Галича; хотя иногда одолѣвалъ непріятелей и плѣнилъ такъ называемыхъ князей Болоховскихъ, подручниковъ Галицкаго (имѣвшихъ свой удѣлъ на Бугѣ, недалеко отъ Бреста); однакожъ не могъ изгнать Михаила и, наконецъ, согласился на миръ, взявъ отъ него область Перемышльскую. Кромѣ сей войны междоусобной, кромѣ непрестанныхъ сшибокъ съ ятвягами, бодрый Даніилъ ратоборствовалъ еще съ Нѣмецкимъ орденомъ, занявшимъ какія-то изъ нашихъ древнихъ владѣній: отнялъ ихъ и плѣнилъ нѣмецкаго чиновника Бруно; хотѣлъ даже вести полки свои въ Германію, чтобы защитить герцога австрійскаго, его союзника, утѣсненнаго императоромъ Фредерикомъ, но возвратился изъ Венгріи, уваживъ совѣтъ короля Белы не мѣшаться въ дѣла имперіи.

Такимъ образомъ, не будучи всегда счастливымъ, Даніилъ превосходными достоинствами сердца и неутомимыми подвигами затмѣвалъ другихъ современныхъ князей россійскихъ. Одинъ

Ярославъ Всеволодовичъ Новогородскій могъ спорить съ нимъ въ способностяхъ ума и въ душевной твердости, которая вскорѣ обнаружится въ бѣдствіяхъ нашего отечества. Сіи два князя, связанные дружбою и новымъ свойствомъ (ибо Василько Романовичъ женился на великой княжнѣ, дочери Георгія Всеволодовича), сблизились тогда въ своихъ владѣніяхъ. Союзникъ и родственникъ Михаиловъ, Изяславъ, недолго величался на тронѣ кіевскомъ: Владиміръ Рюриковичъ изгналъ его, выкупивъ себя изъ плѣна; но вслѣдствіе переговоровъ Даніиловыхъ съ великимъ княземъ Георгіемъ долженствовалъ уступить Кіевъ Ярославу Всеволодовичу, который, оставивъ въ Новѣгородѣ сына своего, юнаго Александра, поѣхалъ княжить въ древней столицѣ россійской; а Владиміръ кончилъ жизнь въ Смоленскѣ.

Г. 1236.

Великое княженіе Суздальское или Владимірское наслаждалось внутреннимъ спокойствіемъ. Георгій отъ времени до времени посылалъ войско и самъ ходилъ на мордву жечь села и хлѣбъ, плѣнять людей и брать скотъ въ добычу. Жители обыкновенно искали убѣжища въ густыхъ лѣсахъ, но и тамъ рѣдко спасались отъ россіянъ; иногда же заманивали нашихъ въ сѣти и не давали имъ пощады: такъ отроки или молодые воины ростовской и переславской дружины были однажды жертвою ихъ мести и своей неосторожности. Князь Мордовскій, именемъ Пургасъ, осмѣлился даже приступать къ Нижнему-Новгороду, хотя и не имѣлъ порядочнаго войска; другіе князья Мордовскіе были **ратниками** или присяжными данниками Георгія и многіе россіяне селились въ ихъ землѣ, не смотря на то, что болгары и половцы тревожили оную.—

Война съ мордвою.

Болгары искали дружбы Георгіевой послѣ шестилѣтняго несогласія: размѣнялись плѣнниками, съ обѣихъ сторонъ дали аманатовъ и клятвенно утвердили миръ. Лѣтописецъ сказываетъ, что ихъ **трупы**, или знатные люди, и чернь присягнули въ вѣрномъ исполненіи условій. Впрочемъ, миръ не препятствовалъ симъ ревностнымъ магометанцамъ изъявлять ненависть къ нашей вѣрѣ: они тогда же безчеловѣчно умертвили одного христіанина, богатаго купца, пріѣхавшаго для торговли въ ихъ такъ называемый Великій Градъ и не хотѣвшаго поклониться Магомету. Купцы россійскіе, бывъ свидѣтелями убійства, взяли тѣло сего мученика, именемъ Аврамія, и съ честію отвезли въ Владиміръ, гдѣ великій князь, супруга его, дѣти, епископъ, духовенство, народъ встрѣтили оное со свѣщами и погребли въ монастырѣ Богоматери.

Миръ съ болгарами.

Мученикъ Аврамій.

Послѣ несчастной Калкской битвы, россіяне лѣтъ шесть не слыхали о татарахъ, думая, что сей страшный народъ, подобно

древнимъ обрамъ, какъ бы исчезъ въ свѣтѣ. Чингисханъ, совершенно покоривъ Тангутъ, возвратился въ отчизну и скончалъ жизнь—славную для исторіи, ужасную и ненавистную для человѣчества—въ 1227 году, объявивъ наслѣдникомъ своимъ Октая или Угадая, старшаго сына, и предписавъ ему давать миръ однимъ побѣжденнымъ народамъ: важное правило, коему слѣдовали римляне, желая повелѣвать вселенною! Довершивъ завоеваніе сѣверныхъ областей китайскихъ и разрушивъ имперію ніучей, Октай жилъ во глубинѣ Татаріи, въ великолѣпномъ дворцѣ, украшенномъ китайскими художниками; но, пылая славолюбіемъ и ревностію исполнить волю отца—коего прахъ, недалеко отъ сего мѣста, лежалъ подъ сѣнію высочайшаго дерева—новый ханъ далъ 300,000 воиновъ Батыю, своему племяннику, и велѣлъ ему покорить сѣверные берега моря Каспійскаго съ дальнѣйшими странами. Сіе предпріятіе рѣшило судьбу нашего отечества.

Смерть Чингисхана.

Его завѣщаніе.

Уже въ 1229 году какіе-то саксины—вѣроятно, единоплеменные съ киргизами,—половцы и стража болгарская, отъ береговъ Яика гонимые татарами или моголами, прибѣжали въ Болгарію съ извѣстіемъ о нашествіи сихъ грозныхъ завоевателей. Еще Батый медлилъ; наконецъ, чрезъ три года пришелъ зимовать въ окрестностяхъ Волги, недалеко отъ Великаго Города; въ 1237 году, осенью, обратилъ въ пепелъ сію болгарскую столицу и велѣлъ умертвить жителей. Россіяне едва имѣли время узнать о томъ, когда моголы, сквозь густые лѣса, вступили въ южную часть Рязанской области, пославъ къ нашимъ князьямъ какую-то жену чародѣйку и двухъ чиновниковъ.

Новое нашествіе татаръ или моголовъ.

Г. 1237.

Владѣтели рязанскіе—Юрій, братъ Ингворовъ, Олегъ и Романъ Ингворовичи, также Пронскій и Муромскій—сами встрѣтили ихъ на берегу Воронежа и хотѣли знать намѣреніе Батыево. Татары уже искали въ Россіи не друзей какъ прежде, но данниковъ и рабовъ. «Если желаете мира»,—говорили послы,—«то десятая часть всего вашего достоянія да будетъ наша». Князья отвѣтствовали великодушно: «Когда изъ насъ никого въ живыхъ не останется, тогда все возьмите», и велѣли посламъ удалиться. Они съ такимъ же требованіемъ поѣхали къ Георгію въ Владиміръ; а князья Рязанскіе, давъ ему знать, что пришло время крѣпко стать за отечество и вѣру, просили отъ него помощи. Но великій князь, надменный своимъ могуществомъ, хотѣлъ одинъ управиться съ татарами и, съ благородною гордостію отвергнувъ ихъ требованіе, предалъ имъ Рязань въ жертву. Провидѣніе, готовое наказать людей, ослѣпляетъ ихъ разумъ.

Отвѣтъ князей.

Нѣкоторые лѣтописцы новѣйшіе разсказываютъ слѣдующія

обстоятельства: «Юрій Рязанскій, оставленный великимъ княземъ, послалъ сына своего, Θеодора, съ дарами къ Батыю, который, узнавъ о красотѣ жены Θеодоровой, Евпраксіи, хотѣлъ видѣть ее; но сей юный князь отвѣтствовалъ ему, что христіане не показываютъ женъ злочестивымъ язычникамъ. Батый велѣлъ умертвить его, а несчастная Евпраксія, свѣдавъ о погибели любимаго супруга, вмѣстѣ съ младенцемъ своимъ Іоанномъ, бросилась изъ высокаго терема на землю и лишилась жизни. Съ того времени сіе мѣсто, въ память ея, называлось **заразомъ** или убоемъ. Отецъ Θеодоровъ, Юрій, имѣя войско малочисленное, отважился на битву въ полѣ, гдѣ легли всѣ витязи рязанскіе, вмѣстѣ съ князьями Пронскимъ, Коломенскимъ, Муромскимъ. Только одного князя, Олега Ингворовича **Краснаго**, привели живого къ Батыю, который, будучи удивленъ его красотою, предлагалъ ему свою дружбу и вѣру: Олегъ съ презрѣніемъ отвергнулъ ту и другую; исходилъ кровію отъ многихъ ранъ и не боялся угрозъ, ибо не страшился смерти».—Въ лѣтописяхъ современныхъ нѣтъ о томъ ни слова: послѣдуемъ ихъ достовѣрнѣйшимъ извѣстіямъ.

Заразъ.

Батый двинулъ ужасную рать свою къ столицѣ Юріевой, гдѣ сей князь затворился; татары на пути разорили до основанія Пронскъ, Бѣлгородъ, Ижеславецъ, убивая всѣхъ людей безъ милосердія, и, приступивъ къ Рязани, оградили ее тыномъ или острогомъ, чтобы тѣмъ удобнѣе биться съ осажденными. Кровь лилася пять дней: воины Батыевы перемѣнялись, а граждане, не выпуская оружія изъ рукъ, едва могли стоять на стѣнахъ отъ усталости. Въ шестый день, декабря 21, по утру, изготовивъ лѣстницы, татары начали дѣйствовать стѣнобитными орудіями и зажгли крѣпость; сквозь дымъ и пламя вломились въ улицы, истребляя все огнемъ и мечемъ. Князь, супруга, мать его, бояре, народъ были жертвою ихъ свирѣпости. Веселяся отчаяніемъ и муками людей, варвары Батыевы распинали плѣнниковъ, или, связавъ имъ руки, стрѣляли въ нихъ какъ въ цѣль для забавы; оскверняли святыню храмовъ насиліемъ юныхъ монахинь, знаменитыхъ женъ и дѣвицъ въ присутствіи издыхающихъ супруговъ и матерей; жгли іереевъ или кровію ихъ обагряли олтари. Весь городъ съ окрестными монастырями обратился въ пепелъ. Нѣсколько дней продолжались убійства. Наконецъ исчезъ вопль отчаянія: ибо уже некому было стенать и плакать. На семъ ужасномъ театрѣ опустошенія и смерти ликовали побѣдители, снося со всѣхъ сторонъ богатую добычу.—«Одинъ изъ князей Рязанскихъ, Ингорь, по сказанію новѣйшихъ лѣтописцевъ, находился тогда въ Черниговѣ съ бояриномъ Евпатіемъ Коловратомъ. Сей бояринъ, свѣдавъ о нашествіи иноплемен-

Взятіе Рязани.

никовъ, спѣшилъ въ свою отчизну; но Батый уже выступилъ изъ ея предѣловъ. Пылая ревностію отмстить врагамъ, Евпатій съ 1,700 воиновъ устремился вслѣдъ за ними, настигъ и быстрымъ ударомъ смялъ ихъ полки задніе. Изумленные татары думали, что мертвецы рязанскіе возстали и Батый спросилъ у пяти взятыхъ его войскомъ плѣнниковъ, кто они? Слуги Рязанскаго, полку Евпатіева, отвѣтствовали сіи люди: намъ велѣно съ честію проводить тебя, какъ государя знаменитаго и какъ россіяне обыкновенно провождаютъ отъ себя иноплеменниковъ: стрѣлами и копьями. Горсть великодушныхъ не могла одолѣть рати безчисленной: Евпатій и смѣлая дружина его имѣли только славу умереть за отечество; немногіе отдалися въ плѣнъ живые, и Батый, уважая столь рѣдкое мужество, велѣлъ освободить ихъ. Между тѣмъ Ингорь возвратился въ область Рязанскую, которая представилась глазамъ его въ видѣ страшной пустыни или неизмѣримаго кладбища: тамъ, гдѣ цвѣли города и селенія, остались единственно кучи пепла и труповъ, терзаемыхъ хищными звѣрями и птицами. Убитые князья, воеводы, тысячи достойныхъ витязей лежали рядомъ на мерзломъ ковылѣ, занесенные снѣгомъ. Только изрѣдка показывались люди, которые успѣли скрыться въ лѣсахъ и выходили оплакивать гибель отечества. Ингорь, собравъ іереевъ, съ горестными священными пѣснями предалъ землѣ мертвыхъ. Онъ едва могъ найти тѣло князя Юрія и привезъ его въ Рязань; а надъ гробами Өеодора Юрьевича, нѣжной его супруги Евпраксіи и сына поставилъ каменные кресты, на берегу рѣки Осетра, гдѣ стоитъ нынѣ славная церковь Николая Заразскаго.

Мужество Евпатія.

Батый близъ Коломны встрѣтилъ сына Георгіева, Всеволода. Сей юный князь соединился съ Романомъ Ингоровичемъ, племянникомъ Юрія Рязанскаго, и неустрашимо вступилъ въ битву, весьма неравную. Знаменитый воевода его, Еремей Глѣбовичъ, князь Романъ и большая часть ихъ дружины погибли отъ мечей татарскихъ; а Всеволодъ бѣжалъ къ отцу въ Владиміръ. Батый въ то же время сжегъ Москву, плѣнилъ Владиміра, втораго сына Георгіева, умертвилъ тамошняго воеводу, Филиппа няньку, и всѣхъ жителей. Великій князь содрогнулся: увидѣлъ, сколько опасны сіи непріятели, и выѣхалъ изъ столицы, поручивъ ея защиту двумъ сыновьямъ, Всеволоду и Мстиславу. Георгій удалился въ область Ярославскую съ тремя племянниками, дѣтьми Константина, и съ малою дружиною расположился станомъ на берегахъ Сити, впадающей въ Мологу; началъ собирать войско и съ нетерпѣніемъ ждалъ прибытія своихъ братьевъ, особенно бодраго, умнаго Ярослава.

Коломенская битва.

Сожженіе Москвы.

Г. 1238. Взятіе Владиміра.

2-го февраля татары явились подъ стѣнами Владиміра: народъ съ ужасомъ смотрѣлъ на ихъ многочисленность и быстрыя движенія. Всеволодъ, Мстиславъ и воевода, Петръ Ослядюковичъ, ободряли гражданъ. Чиновники Батыевы, съ коннымъ отрядомъ подъѣхавъ къ Златымъ вратамъ, спрашивали, гдѣ великій князь, въ столицѣ или въ отсутствіи? Владимірцы, вмѣсто отвѣта, пустили нѣсколько стрѣлъ; непріятели также, но кричали нашимъ: не стрѣляйте! и россіяне съ горестію увидѣли предъ стѣною юнаго Владиміра Георгіевича, плѣненнаго въ Москвѣ Батыемъ. «Узнаете ли вашего князя?» говорили татары. Владиміра, дѣйствительно, трудно было узнать: столь онъ перемѣнился въ несчастіи, терзаемый бѣдствіемъ Россіи и собственнымъ. Братья его и граждане не могли удержаться отъ слезъ; однакожъ не хотѣли показывать слабости и слушать предложеній врага надменнаго. Татары удалились; объѣхали весь городъ и поставили шатры свои противъ Златыхъ вратъ въ виду. Пылая мужествомъ, Всеволодъ и Мстиславъ желали битвы. «Умремъ»,—говорили они дружинѣ,—«но умремъ съ честію и въ полѣ». Опытный воевода Петръ удержалъ ихъ, надѣясь, что Георгій, собравъ войско, успѣетъ спасти отечество и столицу.

Батый немедленно отрядилъ часть войска къ Суздалю. Сей городъ не могъ сопротивляться: взявъ его, татары, по своему обыкновенію, истребили жителей, но, кромѣ молодыхъ иноковъ, инокинь и церковниковъ, взятыхъ ими въ плѣнъ. Февраля 6 владимірцы увидѣли, что непріятель готовитъ для приступа орудія стѣнобитныя и лѣстницы; а въ слѣдующую ночь огородилъ всю крѣпость тыномъ. Князья и бояре ожидали гибели: еще могли бы просить мира; но зная, что Батый милуетъ только рабовъ или данниковъ, и любя честь болѣе жизни, рѣшились умереть великодушно. Открылось зрѣлище достопамятное, незабвенное: Всеволодъ, супруга его, вельможи и многіе чиновники собрались въ храмѣ Богоматери и требовали, чтобы епископъ Митрофанъ облекъ ихъ въ схиму или въ великій образъ ангельскій. Священный обрядъ совершился въ тишинѣ торжественной: знаменитые россіяне простились съ міромъ, съ жизнію, но, стоя на прагѣ смерти, еще молили небо о спасеніи Россіи, да не погибнетъ навѣки ея любезное имя и слава! Февраля 7, въ воскресенье мясопустное, скоро по заутренѣ, начался приступъ: татары вломились въ Новый Городъ у Златыхъ вратъ, Мѣдныхъ и святыя Ирины, отъ рѣчки Лыбеди; также отъ Клязмы у вратъ Волжскихъ. Всеволодъ и Мстиславъ съ дружиною бѣжали въ Старый или такъ называемый Печерный городъ; а супруга Георгіева, Агаѳія, дочь его, снохи, внучата, множество бояръ и народа затворились въ соборной церкви. Непріятель зажегъ оную: тогда епископъ, ска-

завъ громогласно: «Господи! простри невидимую руку Свою и пріими въ мирѣ души рабовъ Твоихъ», благословилъ всѣхъ людей на смерть неизбѣжную. Одни задыхались отъ дыма; иные погибали въ пламени или отъ мечей непріятеля: ибо татары отбили, наконецъ, двери и ворвались въ святый храмъ, слышавъ о великихъ его сокровищахъ. Серебро, золото, драгоцѣнные каменья, всѣ украшенія иконъ и книгъ, вмѣстѣ съ древними одеждами княжескими, хранимыми въ сей и въ другихъ церквахъ, сдѣлались добычею иноплеменниковъ, которые, плавая въ крови жителей, немногихъ брали въ плѣнъ и сіи немногіе, будучи нагіе влекомы въ станъ непріятельскій, умирали отъ жестокаго мороза. Князья Всеволодъ и Мстиславъ, не видя уже никакой возможности отразить непріятелей, хотѣли пробиться сквозь ихъ толпы и положили свои головы внѣ города.

Завоевавъ Владиміръ, татары раздѣлились: одни пошли къ Волжскому Городцу и Костромскому Галичу, другіе—къ Ростову и Ярославлю, уже нигдѣ не встрѣчая важнаго сопротивленія. Въ февралѣ мѣсяцѣ они взяли, кромѣ слободъ и погостовъ, четырнадцать городовъ великаго княженія—Переславль, Юрьевъ, Дмитровъ, то есть опустошили ихъ, убивая или плѣняя жителей. Еще Георгій стоялъ на Сити: узнавъ о гибели своего народа и семейства, супруги и дѣтей, онъ проливалъ горькія слезы и, будучи усерднымъ христіаниномъ, молилъ Бога даровать ему терпѣніе Іова. Чрезвычайныя бѣдствія возвеличиваютъ душу благородную: Георгій изъявилъ достохвальную твердость въ несчастіи; забылъ свою печаль, когда надлежало дѣйствовать; поручилъ воеводство дружины боярину Ярославу Михалковичу и готовился къ рѣшительной битвѣ. Передовый отрядъ его, составленный изъ 3,000 воиновъ подъ начальствомъ Дорожа, возвратился съ извѣстіемъ, что полки Батыевы уже обходятъ ихъ. Георгій, братъ его Святославъ и племянники сѣли на коней, устроили войско и встрѣтили непріятеля. Россіяне бились мужественно и долго; наконецъ обратили тылъ, Георгій палъ на берегу Сити. Князь Василько остался плѣнникомъ въ рукахъ побѣдителя.

Опустошеніе многихъ городовъ.

Марта 4. Битва на Сити.

Сей достойный сынъ Константиновъ гнушался постыдною жизнію невольника. Изнуренный подвигами жестокой битвы, скорбію и голодомъ, онъ не хотѣлъ принять пищи отъ руки враговъ. «Будь нашимъ другомъ и воюй подъ знаменами великаго Батыя!» говорили ему татары.—«Лютые кровопійцы, враги моего отечества и Христа не могутъ быть мнѣ друзьями»,—отвѣтствовалъ Василько:—«о темное царство! есть Богъ, и ты погибнешь, когда исполнится мѣра твоихъ злодѣяній». Варвары извлекли мечи и скрежетали зубами отъ ярости; великодушный князь молилъ Бога о спасеніи Россіи, церкви православной и

Герой Василько.

двухъ юныхъ сыновей его, Бориса и Глѣба.—Татары умертвили Василька и бросили въ Шеренскомъ лѣсу.—Между тѣмъ Ростовскій епископъ Кириллъ, возвращаясь изъ Бѣлаозера и желая видѣть мѣсто несчастной для россіянъ битвы на берегахъ Сити, въ кучѣ мертвыхъ тѣлъ искалъ Георгіева. Онъ узналъ его по княжескому одѣянію; но туловище лежало безъ головы. Кириллъ взялъ съ благоговѣніемъ сіи печальные останки знаменитаго князя и положилъ въ Ростовскомъ храмѣ Богоматери. Туда же привезли и тѣло Василька, найденное въ лѣсу сыномъ одного сельскаго священника; вдовствующая княгиня, дочь Михаила Черниговскаго, епископъ и народъ встрѣтили оное со слезами. Сей князь былъ искренно любимъ гражданами. Лѣтописцы хвалятъ его красоту цвѣтущую, взоръ свѣтлый и величественный, отважность на звѣриной ловлѣ, благодѣтельность, умъ, знанія, добродушіе и кротость въ обхожденіи съ боярами. «Кто служилъ ему», говорятъ они:—«кто ѣлъ хлѣбъ его и пилъ съ нимъ чашу, тотъ уже не могъ быть слугою иного князя». Тѣло Василька заключили въ одной ракѣ съ Георгіевымъ, вложивъ въ нее отысканную послѣ голову великаго князя.

Многочисленныя толпы Батыевы стремились къ Новугороду и, взявъ Волокъ Ламскій, Тверь (гдѣ погибъ сынъ Ярославовъ), осадили Торжекъ. Жители двѣ недѣли оборонялись мужественно, въ надеждѣ, что новогородцы усердною помощію спасутъ ихъ. Но въ сіе несчастное время всякій думалъ только о себѣ; ужасъ, недоумѣніе царствовали въ Россіи; народъ, бояре говорили, что отечество гибнетъ и не употребили никакихъ общихъ способовъ для его спасенія. Татары взяли, наконецъ, Торжекъ и не дали никому пощады, ибо граждане дерзнули противиться.

5 марта.

Войско Батыя шло далѣе путемъ Селигерскимъ; села исчезали; головы жителей, по словамъ лѣтописцевъ, падали на землю какъ трава скошенная. Уже Батый находился во 100 верстахъ отъ Новагорода, гдѣ плоды цвѣтущей, долговременной торговли могли обѣщать ему богатую добычу; но вдругъ—испуганный, какъ вѣроятно, лѣсами и болотами сего края—къ радостному изумленію тамошнихъ жителей обратился назадъ къ Козельску (въ губерніи Калужской). Сей городъ, весьма незнаменитый, имѣлъ тогда особеннаго князя еще въ дѣтскомъ возрастѣ, именемъ Василія, отъ племени князей Черниговскихъ. Дружина его и народъ совѣтовались между собою, что дѣлать. «Нашъ князь младенецъ»—говорили они:—«но мы, какъ вѣрные россіяне, должны за него умереть, чтобы въ мірѣ оставить по себѣ добрую славу, а за гробомъ принять вѣнецъ безсмертія». Сказали и сдѣлали. Татары семь недѣль стояли подъ крѣпостію и не могли поколебать твердости жителей никакими угрозами; разбили стѣны и

Спасеніе Новагорода.

Осада Козельска.

взошли на валъ: граждане рѣзались съ ними ножами и въ единодушномъ порывѣ геройства устремились на всю рать Батыеву; изрубили многія стѣнобитныя орудія татарскія и, положивъ 4,000 непріятелей, сами легли на ихъ трупахъ. Ханъ велѣлъ умертвить въ городѣ всѣхъ людей безоружныхъ, женъ, младенцевъ и назвалъ Козельскъ З л ы м ъ городомъ: имя славное въ такомъ смыслѣ! Юный князь Василій пропалъ безъ вѣсти: говорили, что онъ у т о н у л ъ в ъ к р о в и.

Отшествіе Батыево.

Батый, какъ бы утомленный убійствами и разрушеніемъ, отошелъ на время въ землю половецкую, къ Дону, и братъ Георгіевъ, Ярославъ—въ надеждѣ, что буря миновалась—спѣшилъ изъ Кіева въ Владиміръ принять достоинство великаго князя.

ГЛАВА II.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ЯРОСЛАВЪ II ВСЕВОЛОДОВИЧЪ.

Г. 1238—1247.

Бодрость Ярославъ.—Свойства Георгія.—Освобожденіе Смоленска. — Междоусобія.—Батый опустошаетъ южную Россію. — Красота Кіева. — Великодушіе гражданъ. — Осада и взятіе Кіева.—Состояніе Россія.—Причина успѣховъ Батыевыхъ.—Свойства и оружіе моголовъ.—Происшествія въ западной Россія. — Спѣсь венгерскаго короля. — Слава Александра Невскаго.—Россія въ подданствѣ моголовъ. — Кончина и свойства Ярослава. — Убіеніе Михаила.—Даніилъ честимый въ ордѣ. — Любопытныя извѣстія о Россія и татарахъ. — Политика Даніилова.—Даніилъ король галицкій.

Бодрость Ярослава.

Ярославъ пріѣхалъ господствовать надъ развалинами и трупами. Въ такихъ обстоятельствахъ государь чувствительный могъ бы возненавидѣть власть; но сей князь хотѣлъ славиться дѣятельностію ума и твердостію души, а не мягкосердечіемъ. Онъ смотрѣлъ на повсемѣстное опустошеніе не для того, чтобы проливать слезы, но чтобы лучшими и скорѣйшими средствами загладить слѣды онаго. Надлежало собрать людей разсѣянныхъ, воздвигнуть города и села изъ пепла — однимъ словомъ, совершенно обновить государство. Еще на дорогахъ, на улицахъ, въ обгорѣлыхъ церквахъ и домахъ лежало безчисленное множество мертвыхъ тѣлъ: Ярославъ велѣлъ немедленно погребать ихъ, чтобы отвратить заразу и скрыть столь ужасные для живыхъ предметы, ободрялъ народъ, ревностно занимался дѣлами гражданскими и пріобрѣталъ любовь общую правосудіемъ. Возстановивъ тишину и благоустройство, великій князь отдалъ Суздаль брату Святославу, а Стародубъ Іоанну. Народъ, по счастливому обыкновенію человѣческаго серд-

ца, забылъ свое горе; радовался новому спокойствію и порядку; благодарилъ небо за спасеніе еще многихъ князей своихъ; не зналъ, что Россія уже лишилась главнаго сокровища государственнаго: независимости — и слезами искренняго умиленія оросилъ гробъ Георгіевъ, перевезенный изъ Ростова въ Владиміръ. Георгій въ безразсудной надменности допустилъ татаръ до столицы, не взявъ никакихъ мѣръ для защиты государства; но онъ имѣлъ добродѣтели своего времени: любилъ украшать церкви, питалъ бѣдныхъ, дарилъ монаховъ — и граждане благословили его память.

Г. 1239.

Свойства Георгія.

Ко славѣ государя попечительнаго о благѣ народномъ великій князь присоединилъ и славу счастливаго воинскаго подвига. Литовцы, обрадованные бѣдствіемъ Россіи, завладѣли большею частію Смоленской области: Ярославъ, разбивъ ихъ, плѣнилъ князя Литовскаго, освободилъ Смоленскъ и посадилъ на тамошнемъ престолѣ Всеволода Мстиславича, Романова внука, княжившаго прежде въ Новѣгородѣ.

Освобожденіе Смоленска.

Между тѣмъ князья южной Россіи, не имѣвъ участія въ бѣдствіяхъ сѣверной, издали смотрѣли на оныя равнодушно и думали единственно о выгодахъ своего особеннаго властолюбія. Какъ скоро Ярославъ выѣхалъ изъ Кіева, Михаилъ Черниговскій занялъ сію столицу, оставивъ въ Галичѣ сына, Ростислава, который, нарушивъ миръ, овладѣлъ Даніиловымъ Перемышлемъ. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ Даніилъ воспользовался отсутствіемъ Ростислава, ходившаго со всѣми боярами на литву; нечаянно обступилъ Галичъ; подъѣхалъ къ стѣнамъ и, видя на нихъ множество стоящаго народа, сказалъ: «Граждане! доколѣ вамъ терпѣть державу князей иноплеменныхъ? не я ли вашъ государь законный нѣкогда вами любимый?». Всѣ отвѣтствовали единодушнымъ восклицаніемъ: «ты, ты нашъ отецъ, Богомъ данный! иди: мы твои!» Воевода Ростислава и галицкій епископъ Артемій хотѣли удержать народъ, но не могли, и должны были встрѣтить Даніила, скрывая внутреннюю досаду подъ личиною притворнаго веселія. Никогда въ семъ городѣ, славномъ мятежами, измѣнами, злодѣйствами, не являлось зрѣлища столь умилительнаго: граждане, по выраженію лѣтописца, стремились къ Даніилу какъ пчелы къ маткѣ или какъ жаждующіе къ источнику водному, поздравляя другъ друга съ княземъ любимымъ. Даніилъ принесъ благодарность Всевышнему въ соборной церкви Богоматери, поставилъ свою хоругвь на нѣмецкихъ воротахъ, и восхищенный знаками народнаго усердія, говорилъ, что никто уже не отниметъ у него Галича. Свѣдавъ о происшедшемъ, Ростиславъ бѣжалъ въ Венгрію, будучи женихомъ королевны, Белиной дочери; а бояре галицкіе

Междоусобія.

упали къ ногамъ Даніиловымъ. Рѣдкое милосердіе сего князя не истощилось ихъ злодѣяніями; онъ сказалъ только: «исправьтесь!» и надѣялся великодушіемъ обезоружить мятежниковъ. Въ самомъ дѣлѣ они усмирились; но тишина, возстановленная Даніиломъ въ сихъ утомленныхъ междоусобіями странахъ, была предтечею ужасной грозы.

Батый выходилъ изъ Россіи единственно для того, чтобы овладѣть землею половцевъ. Знаменитѣйшій изъ ихъ хановъ, Котянъ, тесть храбраго Мстислава Галицкаго, былъ еще живъ, и мужественно противился татарамъ; наконецъ, разбитый въ степяхъ астраханскихъ, искалъ убѣжища въ Венгріи, гдѣ король, принявъ его въ подданство съ 40,000 единоплеменниковъ, далъ имъ земли для селенія. Покоривъ окрестности Дона и Волги, толпы Батыевы вторично явились на границахъ Россіи; завоевали мордовскую землю, Муромъ и Гороховецъ, принадлежавшій владимірскому храму Богоматери. Тогда жители великаго княженія снова обезпамятѣли отъ ужаса; оставляя домы свои, бѣгали изъ мѣста въ мѣсто и не знали, гдѣ найти безопасность. Но Батый шелъ громить южные предѣлы нашего отечества. Взявъ Переяславль, татары опустошили его совершенно. Церковь св. Михаила, великолѣпно украшенная серебромъ и золотомъ, заслужила ихъ особенное вниманіе: они сравняли ее съ землею, убивъ епископа Симеона и большую часть жителей. Другое войско Батыево осадило Черниговъ, славный мужествомъ гражданъ во времена нашихъ междоусобій. Сіи добрые россіяне не измѣнили своей прежней славѣ и дали отпоръ сильный. Князь Мстиславъ Глѣбовичъ, двоюродный братъ Михаиловъ, предводительствовалъ ими. Бились отчаянно въ полѣ и на стѣнахъ. Граждане съ высокаго вала разили непріятелей огромными камнями. Одержавъ, наконецъ, побѣду, долго сомнительную, татары сожгли Черниговъ; но хотѣли отдыха и, черезъ Глуховъ отступивъ къ Дону, дали свободу плѣненному ими епископу Порфирію. Симъ знакомъ отличнаго милосердія они хотѣли, кажется, обезоружить наше духовенство, ревностно возбуждавшее народъ къ сопротивленію.— Князь Мстиславъ Глѣбовичъ спасъ жизнь свою и бѣжалъ въ Венгрію.

Батый опустошаетъ южную Россію.

Уже Батый давно слышалъ о нашей древней столицѣ днѣпровской, ея церковныхъ сокровищахъ и богатствѣ людей торговыхъ. Она славилась не только въ Византійской Имперіи и въ Германіи, но и въ самыхъ отдаленныхъ странахъ восточныхъ: ибо арабскіе историки и географы говорятъ объ ней въ своихъ твореніяхъ. Внукъ Чингисхана, именемъ Мангу, былъ посланъ осмотрѣть Кіевъ: увидѣлъ его съ лѣвой стороны Днѣпра и, по словамъ лѣтописцевъ, не могъ надивиться красотѣ

г. 1240.

онаго. Живописное положеніе города на крутомъ берегу величественной рѣки, блестящія главы многихъ храмовъ, въ густой зелени садовъ,—высокая бѣлая стѣна съ ея гордыми вратами и башнями, воздвигнутыми, украшенными художествомъ византійскимъ въ счастливые дни Великаго Ярослава, дѣйствительно могли удивить степныхъ варваровъ. Мангу не отважился идти за Днѣпръ: сталъ на Трубежѣ, у городка Песочнаго (нынѣ селенія Песковъ), и хотѣлъ лестію склонить жителей столицы къ подданству. Битва на Калкѣ, на Сити,—пепелъ Рязани, Владиміра, Чернигова и столь многихъ иныхъ городовъ свидѣтельствовали грозную силу моголовъ: дальнѣйшее упорство казалось безполезнымъ; но честь народная и великодушіе не слѣдуютъ внушеніямъ боязливаго разсудка. Кіевляне все еще съ гордостію именовали себя старшими и благороднѣйшими сынами Россіи: имъ ли было смиренно преклонить выю и требовать цѣпей, когда другіе россіяне, гнушаясь уничиженіемъ, охотно гибли въ битвахъ? кіевляне умертвили пословъ Мангу-хана и кровію ихъ запечатлѣли свой обѣтъ — не принимать мира постыднаго. Народъ былъ смѣлѣе князя: Михаилъ Всеволодовичъ, предвидя месть татаръ, бѣжалъ въ Венгрію, вслѣдъ за сыномъ своимъ. Внукъ Давида Смоленскаго, Ростиславъ Мстиславовичъ, хотѣлъ овладѣть престоломъ кіевскимъ, но знаменитый Даніилъ Галицкій, свѣдавъ о томъ, въѣхалъ въ Кіевъ и задержалъ Ростислава какъ плѣнника. Даніилъ уже зналъ моголовъ: видѣлъ, что храбрость малочисленныхъ войскъ не одолѣетъ столь великой силы и рѣшился, подобно Михаилу, ѣхать къ королю венгерскому, тогда славному богатствомъ и могуществомъ, въ надеждѣ склонить его къ ревностному содѣйствію противъ сихъ жестокихъ варваровъ. Надлежало оставить въ столицѣ вождя и искуснаго, и мужественнаго: князь не ошибся въ выборѣ, поручивъ оную боярину Димитрію.

Красота Кіева. *Великодушіе граждан.*

Скоро вся ужасная сила Батыева, какъ густая туча, съ разныхъ сторонъ облегла Кіевъ. Скрыпъ безчисленныхъ телѣгъ, ревъ верблюдовъ и воловъ, ржаніе коней и свирѣпый крикъ непріятелей, по сказанію лѣтописца, едва дозволяли жителямъ слышать другъ друга въ разговорахъ.—Димитрій бодрствовалъ и распоряжалъ хладнокровно. Ему представили одного взятаго въ плѣнъ татарина, который объявилъ, что самъ Батый стоитъ подъ стѣнами Кіева со всѣми воеводами могольскими; что знатнѣйшіе изъ нихъ суть Гаюкъ (сынъ великаго хана), Мангу, Байдаръ (внуки Чингисхановы), орду-Каданъ, Судай-Багадуръ, побѣдитель ніучей китайскихъ, и Бастырь, завоеватель Казанской Болгаріи и княженія Суздальскаго. Сей плѣнникъ сказывалъ о Батыевой рати единственно то, что ей нѣтъ смѣты. Но Димитрій не зналъ страха. Осада началась при-

Осада и взятіе Кіева.

ступомъ къ вратамъ лятскимъ, къ коимъ примыкали дебри; тамъ стѣнобитныя орудія дѣйствовали день и ночь. Наконецъ, рушилась ограда и кіевляне стали грудью противъ враговъ своихъ. Начался бой ужасный: «стрѣлы омрачили воздухъ; копья трещали и ломались; мертвыхъ, издыхающихъ попирали ногами. Долго остервенѣніе не уступало силѣ, но татары ввечеру овладѣли стѣною. Еще воины россійскіе не теряли бодрости; отступили къ церкви Десятинной и ночью, укрѣпивъ оную тыномъ, снова ждали непріятеля; а безоружные граждане съ драгоцѣннѣйшимъ своимъ имѣніемъ заключились въ самой церкви. Такая защита слабая уже не могла спасти города; однакожъ не было слова о переговорахъ: никто не думалъ молить лютаго Батыя о пощадѣ и милосердіи; великодушная смерть казалась и воинамъ, и гражданамъ необходимостію, предписанною для нихъ отечествомъ и вѣрою. Димитрій, исходя кровію отъ раны, еще твердою рукою держалъ свое копіе и вымышлялъ способы затруднять врагамъ побѣду. Утомленные сраженіемъ, моголы отдыхали на развалинахъ стѣны: утромъ возобновили оное и сломили бренную ограду россіянъ, которые бились съ напряженіемъ всѣхъ силъ, помня, что за ними гробъ св. Владиміра и что сія ограда есть уже послѣдняя для ихъ свободы. Варвары достигли храма Богоматери, но устлали путь своими трупами; схватили мужественнаго Димитрія и привели къ Батыю. Сей грозный завоеватель, не имѣя понятія о добродѣтеляхъ человѣколюбія, умѣлъ цѣнить храбрость необыкновенную, и съ видомъ гордаго удовольствія сказалъ воеводѣ россійскому: «дарую тебѣ жизнь!» Димитрій принялъ даръ, ибо еще могъ быть полезенъ для отечества.

Моголы нѣсколько дней торжествовали побѣду ужасами разрушенія, истребленіемъ людей и всѣхъ плодовъ долговременнаго гражданскаго образованія. Древній Кіевъ исчезъ, и навѣки: ибо сія нѣкогда знаменитая столица, мать градовъ россійскихъ, въ XIV и въ XV вѣкѣ представляла еще развалины; въ самое наше время существуетъ единственно тѣнь ея прежняго величія. Напрасно любопытный путешественникъ ищетъ тамъ памятниковъ, священныхъ для россіянъ: гдѣ гробъ Ольгинъ? гдѣ кости св. Владиміра? Батый не пощадилъ и самыхъ могилъ: варвары давили ногами черепы нашихъ древнихъ князей. Остался только надгробный памятникъ Ярославовъ, какъ бы въ знакъ того, что слава мудрыхъ гражданскихъ законодателей есть самая долговѣчная и вѣрнѣйшая... Первое великолѣпное зданіе греческаго зодчества въ Россіи, храмъ Десятинный былъ сокрушенъ до основанія: послѣ, изъ развалинъ онаго, воздвигли новый и на стѣнахъ его видимъ отрывокъ надписи древняго.—Лавра Печерская имѣла ту же участь. Благочестивые иноки и граждане,

усердные къ святынѣ сего мѣста, не хотѣли впустить непріятелей въ ограду его: моголы таранами отбили врата, похитили всѣ сокровища и, снявъ златокованный крестъ съ главы храма, разломали церковь до самыхъ оконъ, вмѣстѣ съ кельями и стѣнами монастырскими. Если вѣрить лѣтописцамъ XVII вѣка, то первобытное строеніе лавры красотою и величіемъ превосходило новѣйшее. Они же повѣствуютъ, что нѣкоторые иноки печерскіе укрылись отъ меча Батыева и жили въ лѣсахъ; что среди развалинъ монастыря уцѣлѣлъ одинъ малый придѣлъ, куда сіи пустынники собирались иногда отправлять службу божественную, извѣщаемые о томъ унылымъ и протяжнымъ звономъ колокола.

Батый, узнавъ, что князья южной Россіи находятся въ Венгріи, пошелъ въ область Галицкую и Владимірскую; осадилъ городъ Ладыжинъ и, не умѣвъ двѣнадцатью орудіями разбить крѣпкихъ стѣнъ его, обѣщалъ помиловать жителей, если они сдадутся. Несчастные ему повѣрили, и ни одинъ изъ нихъ не остался живъ: ибо татары не знали правилъ чести и всегда, обманывая непріятелей, смѣялись надъ ихъ легковѣріемъ. Завоевавъ Каменецъ, гдѣ господствовалъ другъ Михаиловъ, Изяславъ Владиміровичъ, внукъ Игоревъ, татары отступили съ неудачею отъ Кременца, Даніилова города; но взяли Владиміръ, Галичъ и множество иныхъ городовъ. Великодушный воевода кіевскій, Димитрій, находился съ Батыемъ и, сокрушаясь о бѣдствіяхъ Россіи, представлялъ ему, что время оставить сію землю, уже опустошенную, и воевать богатое государство венгерское; что король Бела есть непріятель опасный и готовитъ рать многочисленную; что надобно предупредить его, или онъ всѣми силами ударитъ на моголовъ. Батый, уваживъ совѣтъ Димитріевъ, вышелъ изъ нашего отечества, чтобы злодѣйствовать въ Венгріи: такимъ образомъ сей достойный воевода россійскій и въ самомъ плѣнѣ своемъ умѣлъ оказать послѣднюю, важную услугу несчастнымъ согражданамъ. Благоденствіе и драгоцѣнная народная независимость погибли для нихъ на долгое время: по крайней мѣрѣ они могли возвратиться изъ лѣсовъ на пепелище истребленныхъ жительствъ; могли предать землѣ кости милыхъ ближнихъ, и въ храмахъ, немедленно возобновленныхъ ихъ общимъ усердіемъ, молиться Всевышнему съ умиленіемъ. Вѣра торжествуетъ въ бѣдствіяхъ и смягчаетъ оныя.

Состояніе Россіи.

Состояніе Россіи было самое плачевное; казалось, что огненная рѣка промчалась отъ ея восточныхъ предѣловъ до западныхъ; что язва, землетрясеніе и всѣ ужасы естественные вмѣстѣ опустошили ихъ, отъ береговъ Оки до Сана. Лѣтописцы наши, сѣтуя надъ развалинами отечества о гибели городовъ и большой части народа, прибавляютъ:

«Батый, какъ лютый звѣрь, пожиралъ цѣлыя области, терзая когтями остатки. Храбрѣйшіе князья россійскіе пали въ битвахъ; другіе скитались въ земляхъ чуждыхъ; искали заступниковъ между иновѣрными и не находили; славились прежде богатствомъ, и всего лишились. Матери плакали о дѣтяхъ, предъ ихъ глазами растоптанныхъ конями татарскими, а дѣвы о своей невинности: сколь многія изъ нихъ, желая спасти оную, бросались на острый ножъ или въ глубокія рѣки! Жены боярскія, не знавшія трудовъ, всегда украшенныя златыми монистами и одеждою шелковою, всегда окруженныя толпою слугъ, сдѣлались рабами варваровъ, носили воду для ихъ женъ, мололи жерновомъ и бѣлыя руки свои опаляли надъ очагомъ, готовя пищу невѣрнымъ... Живые завидовали спокойствію мертвыхъ». Однимъ словомъ, Россія испытала тогда всѣ бѣдствія, претерпѣнныя Римскою имперіею отъ временъ Ѳеодосія Великаго до седьмого вѣка, когда сѣверные дикіе народы громили ея цвѣтущія области. Варвары дѣйствуютъ по однимъ правиламъ и разнствуютъ между собою только въ силѣ.

Сила Батыева несравненно превосходила нашу и была единственною причиною его успѣховъ. Напрасно новые историки говорятъ о превосходствѣ моголовъ въ ратномъ дѣлѣ: древніе россіяне, въ теченіе многихъ вѣковъ, воюя или съ иноплеменниками, или съ единоземцами, не уступали какъ въ мужествѣ, такъ и въ искусствѣ истреблять людей, ни одному изъ тогдашнихъ европейскихъ народовъ. Но дружины князей и города не хотѣли соединиться, дѣйствовали особенно, и весьма естественнымъ образомъ не могли устоять противъ полумилліона Батыева: ибо сей завоеватель безпрестанно умножалъ рать свою, присоединяя къ ней побѣжденныхъ. Еще Европа не вѣдала искусства огнестрѣльнаго и неравенство въ числѣ воиновъ было тѣмъ рѣшительнѣе. Батый предводительствовалъ цѣлымъ вооруженнымъ народомъ: въ Россіи жители сельскіе совсѣмъ не участвовали въ войнѣ, ибо плодами ихъ мирнаго трудолюбія питалось государство и казна обогащалась. Земледѣльцы, не имѣя оружія, гибли отъ мечей татарскихъ какъ беззащитныя жертвы; малочисленные же ратники наши могли искать въ битвахъ одной славы и смерти, а не побѣды.

Причина успѣховъ Батыевыхъ.

Впрочемъ, моголы славились и храбростію, вселенною въ нихъ умомъ Чингисхана и сорокалѣтними побѣдами. Не получая никакого жалованья, любили войну для добычи; перевозили на волахъ свои кибитки и семейства, женъ, дѣтей, и вездѣ находили отечество, гдѣ могло пастися ихъ стадо. Въ свободное отъ человѣкоубійствъ время занимались звѣриною ловлею; видя же непріятеля, безчисленныя толпы сихъ варваровъ какъ волны стремились одна

Свойство и оружіе моголовъ.

за другою, чтобы со всѣхъ сторонъ окружить его, и пускали тучу стрѣлъ, но удалялись отъ ручной схватки, жалѣя своихъ людей и стараясь убивать враговъ издали. Ханы и главные начальники не вступали въ бой: стоя назади, разными маяками давали повелѣнія, и не стыдились иногда общаго бѣгства; но смертію наказывали того, кто бѣжалъ одинъ и ранѣе другихъ. Стрѣлы моголовъ были весьма остры и велики, сабли длинныя, копья съ крюками, щиты ивовые или сплетенные изъ прутьевъ.

Происшествія въ западной Россіи.

Въ то время, какъ сіи губители свирѣпствовали въ южной Россіи, ея князья находились въ Польшѣ. Король венгерскій, видя Михаила изгнанникомъ, не хотѣлъ выдать дочери за его сына и велѣлъ имъ удалиться. Даніилъ, готовый тогда ѣхать къ Белѣ IV, имѣлъ случай оказать свое великодушіе, убѣдилъ великаго князя Ярослава, освободить жену Михаилову, еще до нашествія Батыева плѣненную имъ въ Каменцѣ; возвратилъ ее супругу и, забывъ вражду, обѣщалъ навсегда уступить ему Кіевъ, если благость Всевышняго избавитъ Россію отъ иноплеменниковъ; а Ростиславу отдалъ Луцкъ. Чтобы въ общей опасности дѣйствовать согласнѣе съ Белою, Даніилъ, прибывъ въ Венгрію, изъявилъ намѣреніе вступить съ нимъ въ свойство, и сына своего, юнаго Льва,

Спѣсь короля Венгерскаго.

женить на дочери королевской; но спѣсивый Бела отвергнулъ сіе предложеніе, думая, что Батый не дерзнетъ идти за Карпатскія горы, и что несчастіе россійскихъ княженій есть счастіе для Венгріи: мысль ума слабаго, внушаемая обыкновенно взаимною завистію державъ сосѣдственныхъ! Предсказавъ королю гибельное слѣдствіе такой системы, Даніилъ спѣшилъ защитить свое княженіе, но поздно: толпы бѣглецовъ извѣстили его о жалостной судьбѣ Кіева и другихъ нашихъ городовъ знаменитыхъ. Уже татары стояли на границѣ. Даніилъ, окруженный малочисленною дружиною, искалъ убѣжища въ землѣ Конрадовой: тамъ нашелъ онъ супругу, дѣтей, и брата, которые едва могли спастися отъ меча варваровъ; вмѣстѣ съ ними оплакалъ бѣдствіе отечества и, слыша о приближеніи моголовъ, удалился въ Мазовію, гдѣ Болеславъ, сынъ Конрадовъ, далъ ему на время Вышегородъ, и гдѣ Даніилъ съ Василькомъ оставались до самаго того времени, какъ Батый вышелъ изъ юго-западной Россіи. Получивъ сію утѣшительную вѣсть, они возвратились въ отечество; не могли отъ смрада въѣхать въ Брестъ, ни въ Владиміръ, наполненный трупами, и рѣшились жить въ Холмѣ, основанномъ Даніиломъ близъ древняго Червена, и, къ счастію, уцѣлѣвшемъ отъ могольскаго разоренія. Сей городокъ, населенный отчасти нѣмцами, ляхами и многими ремесленниками, среди пепла и развалинъ всей окрестной страны казался тогда очаровательнымъ, имѣя веселые сады,

насажденные рукою его основателя, новыя зданія и церкви, имъ украшенныя (въ особенности церковь св. Іоанна, поставленную на четырехъ, искусно изваянныхъ, головахъ человѣческихъ, съ мѣднымъ помостомъ и съ римскими стеклами въ окнахъ). Какъ бы слѣдуя указанію неба, столь чудесно защитившаго сіе пріятное мѣсто, Даніилъ назвалъ Холмъ своимъ любимымъ городомъ и, подобно Ярославу, Суздальскому великому князю, неутомимо старался воскресить жизнь и дѣятельность въ областяхъ юго-западной Россіи. Ему надлежало не только вызвать людей изъ лѣсовъ и пещеръ, гдѣ они скрывались, но и сражаться съ буйностію легкомысленныхъ бояръ, которые думали, что внукъ Чингисхановъ опустошилъ наше государство для ихъ пользы, и что имъ настало время царствовать. Воевода Дрогичинскій не впустилъ князя въ сей городъ, а бояре галицкіе хотя и называли Даніила своимъ государемъ, однакожъ самовольно повелѣвали областями, явно надъ нимъ смѣялись, присвоили себѣ доходы отъ соли коломенской, употребляемые обыкновенно на жалованье такъ называемымъ княжескимъ оружникамъ, и тайно сносились съ Михаиловымъ сыномъ, Ростиславомъ. Долго бѣгавъ отъ татаръ изъ земли въ землю, Михаилъ, ограбленный нѣмцами близъ Сирадіи, возвратился въ Кіевъ и жилъ на островѣ противъ развалинъ сей древней столицы, пославъ сына въ Черниговъ. Онъ уже не помнилъ благодѣяній шурина и старался ему злодѣйствовать. Ростиславъ хотѣлъ овладѣть Бакотою въ Понизьѣ; былъ отраженъ Даніиловымъ печатникомъ, но занялъ Галичъ и Перемышль. Столь мало князья россійскіе научились благоразумію въ несчастіяхъ, съ безсмысленнымъ властолюбіемъ споря между собою о бѣдныхъ остаткахъ государства растерзаннаго! Не смотря на измѣны бояръ и двухъ епископовъ, галицкаго и перемышльскаго, друзей Михаилова сына; не смотря на изнуреніе своего княжества и малочисленность войска, большею частію истребленнаго татарами, Даніилъ смирилъ мятежниковъ и непріятелей, изгналъ Ростислава изъ Галича и плѣнилъ его союзниковъ, князей Болоховскихъ, прежде облаготворенныхъ имъ и Василькомъ. Достойно замѣчанія, что сіи князья умѣли спасти ихъ землю отъ хищности Батыевой, обязавшись сѣять для татаръ пшеницу и просо.—Въ то же время оскорбленный поляками Даніилъ осаждалъ и взялъ бы Люблинъ, еслибы жители не испросили у него мира. Возстановивъ свою державу, онъ ждалъ съ безпокойствомъ, куда обратится ужасная гроза Батыева. Еще нѣкоторые отряды моголовъ не выходили изъ Россіи, довершая завоеваніе восточныхъ удѣловъ Черниговскихъ, и князь Мстиславъ, потомокъ Святослава Ольговича Сѣверскаго, былъ умерщвленъ татарами.

Одинъ Новгородъ остался цѣлъ и невредимъ, благословляя

милость Небесную и счастіе своего юнаго князя, Александра Ярославича, одареннаго необыкновеннымъ разумомъ, мужествомъ, красотою величественною и крѣпкими мышцами Самсона. Народъ смотрѣлъ на него съ любовію и почтеніемъ; пріятный голосъ сего князя гремѣлъ какъ труба на вѣчахъ. Во дни общихъ бѣдствій Россіи возникла слава Александрова. Достигнувъ лѣтъ юноши, онъ женился на дочери Полоцкаго князя, Брячислава, и, праздвуя свадьбу, готовился къ дѣламъ ратнымъ; велѣлъ укрѣпить берега Шелони, чтобы защитить Новогородскую область отъ внезапныхъ нападеній чуди, и старался окружить себя витязями храбрыми, предвидя, что миръ въ сіи времена общихъ разбоевъ не могъ быть продолжителенъ.

Слава Александра Невскаго.

Ливонскіе рыцари, финны и шведы были непріятелями Новагорода. Первые сдѣлались тогда гораздо сильнѣе и для россіянъ опаснѣе: ибо лишася магистра своего, Волквина, и лучшихъ сподвижниковъ въ несчастной битвѣ съ литвою, присоединились къ славному нѣмецкому ордену св. Маріи. Скажемъ нѣсколько словъ о семъ достопамятномъ братствѣ. Когда государи европейскіе, подвигнутые и славолюбіемъ, и благочестіемъ, вели кровопролитныя войны въ Палестинѣ и въ Египтѣ; когда усердіе видѣть святыя мѣста ежегодно влекло толпы людей изъ Европы въ Іерусалимъ, многіе нѣмецкіе витязи, находясь въ семъ городѣ, составили между собою братское общество, съ намѣреніемъ покровительствовать тамъ своихъ единоземцевъ, бѣдныхъ и недужныхъ, служить имъ деньгами и мечемъ, — наконецъ быть защитниками всѣхъ богомольцевъ и неутомимыми врагами сарациновъ. Сіе общество, въ 1191 году, утвержденное папскою буллою, назвалося орденомъ св. Маріи Іерусалимской и рыцари его ознаменовали бѣлыя свои мантіи черными крестомъ, давъ торжественный обѣтъ цѣломудрія и повиновенія начальникамъ. Великій магистръ говорилъ всякому новому сочлену: «Если вступаешь къ намъ въ общество съ надеждою вести жизнь спокойную и пріятную, то удалися, несчастный! ибо мы требуемъ, чтобы ты отрекся отъ всѣхъ мірскихъ удовольствій, отъ родственниковъ, друзей и собственной воли; чтожъ въ замѣну обѣщаемъ тебѣ? хлѣбъ, воду и смиренную одежду. Но когда придутъ для насъ времена лучшія, тогда орденъ сдѣлаетъ тебя участникомъ всѣхъ своихъ выгодъ». Сіи лучшія времена настали: орденъ св. Маріи, переселясь въ Европу, былъ уже столь знаменитъ, что великій магистръ его, Германъ Зальца, могъ судить папу, Гонорія III, съ императоромъ Фридерикомъ II; завоевалъ Пруссію—ревностно обращая ея жителей въ христіанство, т. е. огнемъ и мечемъ—принялъ ливонскихъ рыцарей подъ свою защиту, далъ имъ магистра, одежду, правила ордена нѣмецкаго и

наконецъ, слово, что ни литовцы, ни датчане, ни россіяне уже не будутъ для нихъ опасны.

Въ сіе время былъ магистромъ ливонскимъ нѣкто Андрей Вельвенъ, мужъ опытный и добрый сподвижникъ Германа Зальцы. Желая, можетъ быть, прекратить взаимныя неудовольствія ливонскихъ рыцарей и новогородцевъ, онъ имѣлъ свиданіе съ юнымъ Александромъ: удивился его красотѣ, разуму, благородству и, возвратясь въ Ригу, говорилъ, по словамъ нашего лѣтописца: «я прошелъ многія страны, знаю свѣтъ, людей и государей, но видѣлъ и слушалъ Александра Новогородскаго съ изумленіемъ». Сей юный князь скоро имѣлъ случай важнымъ подвигомъ возвеличить свою добрую славу.

Король шведскій, досадуя на россіянъ за частыя опустошенія Финляндіи, послалъ зятя своего, Биргера, на ладіяхъ въ Неву, къ устью Ижеры, съ великимъ числомъ шведовъ, норвежцевъ, финновъ. Сей вождь опытный, дотолѣ счастливый, думалъ завоевать Ладогу, самый Новгородъ и велѣлъ надменно сказать Александру: «ратоборствуй со мною, если смѣешь; я стою уже въ землѣ твоей». Александръ не изъявилъ ни страха, ни гордости посламъ шведскимъ, но спѣшилъ собрать войско; молился съ усердіемъ въ софійской церкви, принялъ благословеніе архіепископа Спиридона, отеръ на прагѣ слезы умиленія сердечнаго и вышедши къ своей малочисленной дружинѣ, съ веселымъ лицомъ сказалъ: «насъ немного, а врагъ силенъ; но Богъ не въ силѣ, а въ правдѣ: идите съ вашимъ княземъ!» Онъ не имѣлъ времени ждать помощи отъ Ярослава, отца своего; самые новогородскіе воины не успѣли всѣ собраться подъ знамена: Александръ выступилъ въ поле, и 15 іюля приблизился къ берегамъ Невы, гдѣ стояли шведы. Тамъ встрѣтилъ его знатный ижерянинъ, Пелгуй, начальникъ приморской стражи, съ извѣстіемъ о силѣ и движеніяхъ непріятеля. Здѣсь современный лѣтописецъ разсказываетъ чудо. Ижеряне, подданные новогородцевъ, большею частію жили еще въ идолопоклонствѣ; но Пелгуй былъ христіаниномъ, и весьма усердный. Ожидая Александра, онъ провелъ ночь на берегу Финскаго залива во бдѣніи и молитвѣ. Мракъ исчезъ и солнце озарило необозримую поверхность тихаго моря; вдругъ раздался шумъ: Пелгуй содрогнулся и видитъ на морѣ легкую ладію, гребцовъ, о д ѣ я н н ы х ъ м г л о ю, и двухъ лучезарныхъ витязей въ ризахъ червленныхъ. Сіи витязи совершенно походили на святыхъ мучениковъ Бориса и Глѣба, какъ они изображались на иконахъ, и Пелгуй слышалъ голосъ старшаго изъ нихъ: «поможемъ родственнику нашему Александру!» По крайней мѣрѣ такъ онъ сказывалъ князю о своемъ видѣніи и предзнаменованіи столь счастливомъ; но Александръ запретилъ ему говорить о томъ, и какъ молнія устремился на шве-

довъ. Внезапность, быстрота удара привела ихъ въ замѣшательство. Князь и дружина оказали рѣдкое мужество. Александръ собственнымъ копіемъ возложилъ печать на лицо Биргера. Витязь россійскій, Гавріилъ Олексичъ, гналъ принца, его сына, до самой ладіи; упалъ съ конемъ въ воду, вышелъ невредимъ и бодро сразился съ воеводою шведскимъ. Новогородецъ, Сбыславъ Якуновичъ, съ однимъ топоромъ вломился въ средину непріятелей; другой, именемъ Миша, съ отрядомъ пѣхоты истребилъ шнеки или суда. Княжескій ловчій, Яковъ Полочанинъ, предводительствуя горстію смѣлыхъ, ударилъ на цѣлый полкъ и заслужилъ отмѣнное благоволеніе Александра, который вездѣ былъ самъ и все видѣлъ. Ратмиръ, вѣрный слуга князя, не уступалъ никому въ храбрости: бился пѣшій, ослабѣлъ отъ ранъ и палъ мертвый, къ общему сожалѣнію нашихъ. Еще стоялъ златоверхій шатеръ Биргеровъ: отрокъ Александровъ, Савва, подсѣкъ его столбъ; шатеръ упалъ и россіяне возгласили побѣду. Темная ночь спасла остатки шведовъ. Они не хотѣли ждать утра: нагрузили двѣ шнеки тѣлами чиновниковъ, зарыли прочихъ въ яму и спѣшили удалиться. Главный воевода ихъ, Спиридонъ и епископъ, по разсказамъ плѣнниковъ, находились въ числѣ убитыхъ. Уронъ съ нашей стороны едва былъ замѣтенъ и сія достопамятная битва, обрадовавъ тогда все наше горестное отечество, дала Александру славное прозваніе Невскаго. Обстоятельства ея тѣмъ для насъ любопытнѣе, что лѣтописецъ, служа сему князю, слышалъ ихъ отъ него самого и другихъ очевидцевъ.

Рыцари ливонскіе не помогали шведамъ, однакожъ старались вредить Новугороду. Ярославъ, сынъ Владиміра Псковскаго, въ 1233 году сосланный въ область Суздальскую, получилъ свободу, жилъ тогда у нѣмцевъ въ Эстоніи и питалъ ихъ ненависть къ россіянамъ. Во Псковѣ были также нѣкоторые измѣнники—чиновникъ Твердило и другіе—склонявшіе рыцарей овладѣть симъ городомъ. Обнадеженные ими въ вѣрномъ успѣхѣ, нѣмцы собрали войско въ Оденпе, Дерптѣ, Феллинѣ, и съ княземъ Ярославомъ Владиміровичемъ взяли Изборскъ. Псковитяне сразились съ ними, но, претерпѣвъ великій уронъ и желая спасти городъ, зажженный непріятелемъ, должны были согласиться на миръ постыдный. Рыцари хотѣли аманатовъ: знатнѣйшіе люди представили имъ своихъ дѣтей, и гнусный измѣнникъ, Твердило, началъ господствовать во Псковѣ, дѣляся властію съ нѣмцами, грабя села новогородскія. Многіе добрые псковитяне ушли съ семействами къ Александру и требовали его защиты. Къ несчастію, сей князь имѣлъ тогда распрю съ новогородцами: досадуя на ихъ неблагодарность, онъ уѣхалъ къ отцу въ Переяславль Залѣсскій, съ матерію, супругою и всѣмъ дворомъ.

Между тѣмъ нѣмцы вступили въ область Новогородскую, обложили данію вожанъ и построили крѣпость на берегу Финскаго залива, въ Копорьѣ, чтобы утвердить свое господство въ нынѣшнемъ Ораніенбаумскомъ уѣздѣ; взяли на границахъ Эстоніи россійскій городокъ Тесовъ и грабили нашихъ купцовъ верстъ за 30 до Новагорода, гдѣ чиновники дремали или тратили время въ личныхъ ссорахъ. Народъ, видя бѣду, требовалъ себѣ защитника отъ Ярослава Всеволодовича и призналъ второго сына его, Андрея, своимъ княземъ; но зло не миновалось. Литва, нѣмцы, чудь опустошали берега Луги, уводили скотъ, лошадей и земледѣльцы не могли обработывать полей. Надлежало прибѣгнуть къ герою Невскому: архіепископъ со многими боярами отправился къ Александру, убѣждалъ, молилъ князя и склонилъ его забыть вину Новагорода.

Александръ прибылъ и все перемѣнилось. Немедленно собралось войско: новогородцы, ладожане, корела, ижерцы, весело шли подъ его знаменами къ Финскому заливу; взяли Копорье и плѣнили многихъ нѣмцевъ. Александръ освободилъ нѣкоторыхъ; но вожане и чудскіе измѣнники, служившіе непріятелю, въ страхъ другимъ были повѣшены. г. 1241.

Знаменитая отчизна святой Ольги также скоро избавилась отъ власти предателя Твердила и чужеземцевъ. Александръ завоевалъ Псковъ, возвратилъ ему независимость и прислалъ въ Новгородъ скованныхъ нѣмцевъ и чудь. Лѣтописецъ ливонскій сказываетъ, что 70 мужественныхъ рыцарей положили тамъ свои головы и что князь Новогородскій, плѣнивъ 6 чиновниковъ, велѣлъ умертвить ихъ. Побѣдитель вошелъ въ Ливонію, и когда воины наши разсѣялись для собранія съѣстныхъ припасовъ, непріятель разбилъ малочисленный передовый отрядъ новогородскій. Тутъ Александръ оказалъ искусство благоразумнаго военачальника: зная силу нѣмцевъ, отступилъ назадъ, искалъ выгоднаго мѣста и сталъ на Чудскомъ озерѣ. Еще зима продолжалась тогда въ апрѣлѣ мѣсяцѣ и войско могло безопасно дѣйствовать на твердомъ льду. Нѣмцы острою колонною врѣзались въ наши ряды; но мужественный князь, ударивъ на непріятелей сбоку, замѣшалъ ихъ; сломилъ, истреблялъ нѣмцевъ и гналъ чудь до самаго темнаго вечера. 400 рыцарей пали отъ нашихъ мечей; пятьдесятъ были взяты въ плѣнъ и въ томъ числѣ одинъ, который въ надменности своей хотѣлъ плѣнить самого Александра; тѣла чуди лежали на семи верстахъ. Изумленный симъ бѣдствіемъ, магистръ ордена съ трепетомъ ожидалъ Александра подъ стѣнами Риги и спѣшилъ отправить посольство въ Данію, моля короля спасти рижскую Богоматерь отъ невѣрныхъ, жестокихъ россіянъ; но храбрый князь, довольный ужасомъ нѣмцевъ, вложилъ мечъ въ ножны и возвратился

г. 1242.

Апрѣля 5.

въ городъ Псковъ. Нѣмецкіе плѣнники, потупивъ глаза въ землю, шли въ своей рыцарской одеждѣ за нашими всадниками. Духовенство встрѣтило героя со крестами и съ пѣснями священными, славя Бога и Александра; народъ стремился къ нему толпами, именуя его отцомъ и спасителемъ. Счастливый дѣломъ своимъ и радостію общею, сей добрый князь пролилъ слезы и съ чувствительностію сказалъ гражданамъ: «О, псковитяне! если забудете Александра; если самые отдаленные потомки мои не найдутъ у васъ вѣрнаго пристанища въ злополучіи, то вы будете примѣромъ неблагодарности!»—Новогородцы радовались не менѣе псковитянъ и скоро послы ордена заключили съ ними миръ, размѣнялись плѣнными и возвратили псковскихъ аманатовъ, отказавшись не только отъ Луги и Водской области, но уступивъ Александру и знатную часть Летгалліи.

Въ сіе время литовцы разбили Ярослава Владиміровича, который, оставивъ нѣмцевъ, съ изволенія Александрова начальствовалъ въ Торжкѣ. Соединясь съ тверскою дружиною, Ярославъ гнался за хищниками до Торопца, гдѣ они считали себя уже въ безопасности, овладѣвъ крѣпостію; но герой Невскій приспѣлъ, взялъ городъ, истребилъ ихъ всѣхъ, однихъ на стѣнахъ, другихъ въ бѣгствѣ и въ томъ числѣ 8 князьковъ литовскихъ. Совершивъ подвигъ, Александръ отпустилъ войско, ѣхалъ съ малочисленною дружиною и вдругъ увидѣлъ себя окруженнаго новыми толпами непріятелей: ударилъ неустрашимо, разсѣялъ оныя, благополучно возвратился въ Новгородъ.—Однимъ словомъ, Александръ, въ нѣсколько дней, семь разъ побѣдилъ литовцевъ; воины его, ругаясь надъ ними, привязывали плѣнниковъ къ хвостамъ конскимъ.

г. 1243—1245.

Сіи частные успѣхи не могли премѣнить общей судьбы россіянъ, уже данниковъ татарскихъ. Батый, завоевавъ многія области польскія, Венгрію, Кроацію, Сервію, Дунайскую Болгарію, Молдавію, Валахію и приведши въ ужасъ Европу, вдругъ, къ общему удивленію, остановилъ бурное стремленіе моголовъ и возвратился къ берегамъ Волги. Тамъ, именуясь ханомъ, утвердилъ онъ свое владычество надъ Россіею, землею половецкою, Тавридою, странами кавказскими и всѣми отъ устья Дона до рѣки Дуная. Никто не дерзалъ ему противиться: народы, государи старались смягчить его смиренными посольствами и дарами. Батый звалъ къ себѣ великаго князя. Ослушаніе казалось Ярославу неблагоразуміемъ въ тогдашнихъ обстоятельствахъ Россіи, изнуренной, безлюдной, полной развалинъ и гробовъ; презирая собственную личную опасность, великій князь отправился со многими боярами въ станъ Батыевъ, а сына своего, юнаго Константина, послалъ въ Татарію къ великому хану Октаю, который въ сіе время, празднуя

Россія въ подданствѣ моголовъ.

блестящія завоеванія моголовъ въ Китаѣ и въ Европѣ, угощалъ всѣхъ старѣйшинъ народа. Никогда, по сказанію историка татарскаго, міръ не видалъ праздника столь роскошнаго, ибо число гостей было несмѣтно.—Батый принялъ Ярослава съ уваженіемъ и назвалъ главою всѣхъ князей россійскихъ, отдавъ ему Кіевъ (откуда Михаилъ уѣхалъ въ Черниговъ). Такъ, государи наши торжественно отреклись отъ правъ народа независимаго и склонили выю подъ иго варваровъ. Поступокъ Ярослава служилъ примѣромъ для удѣльныхъ князей Суздальскихъ: Владиміръ Константиновичъ, юный Борисъ Васильковичъ, Василій Всеволодовичъ (внукъ Константиновъ) также били челомъ надменному Батыю, чтобы мирно господствовать въ областяхъ своихъ.

Сынъ Ярославовъ чрезъ два года возвратился изъ Китайской Татаріи; а великій князь, вторично принужденный ѣхать въ орду со всѣми родственниками, долженъ былъ самъ отправиться къ берегамъ Амура, гдѣ моголы, по смерти Октая, занимались избраніемъ новаго великаго хана. Ярославъ простился навѣки съ любезнымъ отечествомъ; сквозь степи и пустыни достигнувъ до ханскаго стана, онъ въ числѣ многихъ иныхъ данниковъ смирялся предъ трономъ Октаева наслѣдника, оправдалъ себя въ какихъ-то доносахъ, сдѣланныхъ на него хану одним россійскимъ вельможею, и, получивъ милостивое дозволеніе ѣхать обратно, кончилъ жизнь на пути. Такимъ образомъ сей князь несчастный, бывъ свидѣтелемъ и жертвою народнаго уничиженія Россіи, не имѣлъ и послѣдняго утѣшенія сомкнуть глаза въ нѣдрахъ святого отечества! Вѣрные бояре привезли его тѣло въ столицу Владимірскую. Говорили, что онъ былъ отравленъ; что мать новаго хана Гаюка, какъ бы въ знакъ особеннаго благоволенія, предложивъ Ярославу пищу изъ собственныхъ рукъ, дала ему ядъ, который въ седьмой день прекратилъ его жизнь и ясно обнаружился пятнами на тѣлѣ умершаго. Но моголы, сильные мечемъ, не имѣли нужды дѣйствовать ядомъ, орудіемъ злодѣевъ слабыхъ. Могъ ли князь Владимірской области казаться страшнымъ монарху, повелѣвавшему народами отъ Амура до устья Дунайскаго?

Г. 1246.

Сентября 30.

Кончина и свойства Ярослава.

Ярославъ, въ юности жестокій и непримиримый отъ честолюбія, украшался и важными достоинствами, какъ мы видѣли: благоразуміемъ дѣятельнымъ и бодростію въ государственныхъ несчастіяхъ, бывъ возобновителемъ разрушеннаго великаго княженія; гибкостію и превосходствомъ ума своего снискалъ почтеніе варваровъ, Батыя и Гаюка, но не заслужилъ р е в н о с т н о й похвалы нашихъ лѣтописцевъ, ибо не раздавалъ имѣнія церквамъ и монахамъ, отличаясь, можетъ быть, вѣрою просвѣщенною, а не суесвятствомъ.—Супруга его, именемъ Ѳеодосія, оставленная

имъ въ Новѣгородѣ, скончалась тамъ въ 1244 году; за малое время до смерти постриглась въ Георгіевскомъ монастырѣ и была схоронена въ оном подлѣ ея сына, Θеодора.

Убіеніе Михаила.

Россія, огорченная смертію Ярослава, почти въ то же время свѣдала ужасныя обстоятельства кончины Михаиловой. Узнавъ, что сынъ его, Ростиславъ, принятъ весьма дружелюбно въ Венгріи и что Бела IV, въ исполненіе прежняго обязательства, наконецъ, выдалъ за него дочь свою, Михаилъ вторично поѣхалъ туда совѣтоваться съ королемъ о средствахъ избавить себя отъ ига татарскаго; но Бела изъявилъ къ нему столь мало уваженія и самъ Ростиславъ такъ холодно встрѣтилъ отца, что сей князь съ величайшимъ неудовольствіемъ возвратился въ Черниговъ, гдѣ сановники ханскіе переписывали тогда бѣдный остатокъ народа и налагали на всѣхъ людей дань поголовную, отъ земледѣльца до боярина. Они велѣли Михаилу ѣхать въ орду. Надлежало покориться необходимости. Принявъ отъ духовника благословеніе и запасные святые дары,—ободренный, утѣшенный его христіанскими наставленіями, онъ съ вельможею Θеодоромъ и съ юнымъ внукомъ, Борисомъ Васильковичемъ Ростовскимъ, прибылъ въ станъ къ моголамъ и хотѣлъ уже вступить въ шатеръ Батыевъ, но волхвы или жрецы сихъ язычниковъ, блюстители древнихъ суевѣрныхъ обрядовъ, требовали, чтобы онъ шелъ сквозь разложенный передъ ставкою священный огнь и поклонился ихъ кумирамъ. «Нѣтъ»,— сказалъ Михаилъ:—«я могу поклониться царю вашему, ибо небо вручило ему судьбу государствъ земныхъ; но христіанинъ не служитъ ни огню, ни глухимъ идоламъ». Услышавъ о томъ, свирѣпый Батый объявилъ ему чрезъ своего вельможу, именемъ Эльдега, что должно повиноваться или умереть. «Да будетъ!» отвѣтствовалъ князь; вынувъ запасные дары, вмѣстѣ съ любимцемъ своимъ, Θеодоромъ, причастился Святыхъ Таинъ и, пылая ревностію христіанскихъ мучениковъ, пѣлъ громогласно святые псалмы Давидовы. Напрасно юный Борисъ хотѣлъ его смягчить моленіемъ и слезами; напрасно вельможи ростовскіе брали на себя грѣхъ и торжественное покаяніе, если Михаилъ исполнитъ волю Батыеву, слѣдуя примѣру другихъ князей нашихъ. «Для васъ не погублю души», — говорилъ онъ и, свергнувъ съ себя мантію княжескую, примолвилъ: «возьмите славу міра; хочу небесной». По данному знаку убійцы бросились какъ тигры на Михаила, били его въ сердце, топтали ногами: бояре россійскіе безмолвствовали отъ ужаса. Одинъ Θеодоръ стоялъ покойно и съ веселымъ лицомъ ободрялъ терзаемаго князя, говоря, что онъ умираетъ какъ должно христіанину; что муки земныя непродолжительны, а награда небесная безконечна. Желая, можетъ быть, прекратить Михаилово страданіе, какой-то отступникъ вѣры хри-

стіанской, именемъ Доманъ, житель Путивля, отсѣкъ ему голову и слышалъ послѣднія, тихо произнесенныя имъ слова: христіанинъ есмь! Пишутъ, что самъ Батый, удивляясь твердости сего несчастнаго князя, назвалъ его великимъ мужемъ. Бояринъ Ѳеодоръ пріялъ также вѣнецъ мученика и доказалъ, что онъ, утѣшая Михаила, не лицемѣрилъ: ибо, раздираемый на части варварами, славилъ благость Небесную и свою долю. Тѣла ихъ, поверженныя на снѣденіе псамъ, были сохранены усердіемъ россіянъ, а церковь признала святыми и великодушнаго князя, и вѣрнаго слугу его, которые, не имѣвъ силъ одолѣть моголовъ въ битвѣ, рѣдкою твердостію доказали, по крайней мѣрѣ, чудесную силу христіанства.—Юный Борисъ Васильковичъ, оплакавъ жребій дѣда, долженъ былъ ѣхать къ Сартаку, Батыеву сыну, кочевавшему на границахъ Россіи, и получилъ дозволеніе возвратиться въ свой удѣлъ; о князьяхъ же Черниговскихъ съ того времени почти совсѣмъ не упоминается въ нашихъ лѣтописяхъ: знаемъ единственно, что тамъ около 1261 года властвовалъ Андрей Всеволодовичъ, зять Даніила, брата Василька. Сыновья Михаиловы, по кончинѣ отца, княжили въ удѣлахъ: Романъ въ Брянскѣ, Мстиславъ въ Карачевѣ, Симеонъ въ Глуховѣ, Юрій въ Торуссѣ; а старшій ихъ братъ, Ростиславъ, зять короля Белы, остался въ Венгріи и, получивъ въ удѣлъ отъ своего тестя Банатъ Маховскій (въ Сервіи), назывался государемъ сей области, герцогомъ Болгаріи и повелителемъ Славоніи (Rex de Madschau, Dux et Imperator Bulgariae et Banus totius Sclavoniae). Отъ сыновей его, Белы и Михаила, пошли герцоги Маховскіе и Боснійскіе; сестра же ихъ совокупилась бракомъ съ Лешкомъ Чернымъ, герцогомъ польскимъ.

Счастливѣе князя Черниговскаго былъ Даніилъ въ своихъ первыхъ сношеніяхъ съ ордою. Послы за послами являлись у него отъ имени ханскаго, требуя, чтобы онъ искалъ милости Батыевой раболѣпствомъ или отказался отъ земли галицкой. Наконецъ Даніилъ поѣхалъ къ сему завоевателю чрезъ кіевскую столицу, управляемую бояриномъ Ярослава Суздальскаго, Димитріемъ Ейковичемъ; встрѣтилъ татаръ за Переяславлемъ, гостилъ у Куремсы, ихъ Темника, и въ окрестностяхъ Волги нашелъ Батыя, который, въ знакъ особеннаго благоволенія, немедленно впустилъ его въ свой шатеръ безъ всякихъ суевѣрныхъ обрядовъ, ненавистныхъ для православія нашихъ князей. «Ты долго не хотѣлъ меня видѣть»,—сказалъ Батый: — «но теперь загладилъ вину повиновеніемъ». Горестный князь пилъ кумысъ, преклоняя колѣна и славя величіе хана. Батый хвалилъ Даніила за соблюденіе татарскихъ обычаевъ; однакожъ велѣлъ дать ему кубокъ вина, говоря: «вы не привыкли къ нашему молоку». Сія честь стоила не дешево; Даніилъ,

Даніилъ чествуемъ въ ордѣ.

пробывъ 25 дней въ Улусахъ, выѣхалъ оттуда съ именемъ слуги и данника ханскаго. — Далѣе откроется, что сей князь, лаская моголовъ, хотѣлъ единственно усыпить ихъ на время, и думалъ о средствахъ избавить отечество отъ ига. Между тѣмъ государи сосѣдственные, устрашенные его дружественною связію съ ордою, начали оказывать къ нему гораздо болѣе уваженія. Незадолго до того времени король Бела имѣлъ съ нимъ новую вражду. Ростиславъ Михайловичъ, зять королевскій, предводительствуя венграми, осаждалъ Ярославль; съ обѣихъ сторонъ изъявляли остервенѣніе и казнили знатнѣйшихъ плѣнниковъ; въ томъ числѣ россіяне умертвили славнаго гордостію полководца венгерскаго Фильнію, и въ кровопролитной битвѣ одержали верхъ. Боясь, чтобы моголы, какъ покровители Даніила, вторично не явились за горами Карпатскими, Бела предложилъ ему тѣсный союзъ и выдалъ меньшую дочь, именемъ Констанцію, за его сына Льва: чему способствовалъ митрополитъ Кириллъ, избранный Даніиломъ и Василькомъ на мѣсто Іосифа; онъ ѣхалъ ставиться въ Константинополь черезъ Венгрію, говорилъ съ Белою и ручался своимъ князьямъ за искренность сего монарха. Утвердивъ вѣчный съ нимъ миръ, Даніилъ жилъ согласно и съ поляками: Конрадъ умеръ его другомъ, Болеславъ Мазовскій также. Послѣдній, женатый на дочери Александра Бельзскаго, Анастасіи, въ угодность Даніилу отказалъ Мазовію брату своему, Самовиту.

Любопытныя извѣстія о Россіи и татарахъ.

Описавъ случаи временъ Ярославовыхъ, мы должны упомянуть о любопытномъ путешествіи Іоанна Планъ-Карпина, монаха францисканскаго, въ Татарію къ великому хану. Европа, приведенная въ ужасъ нашествіемъ Батыевымъ, еще трепетала, взирая на развалины Польши и Венгріи: ибо татары могли возвратиться. Нѣмецкій императоръ писалъ ко всѣмъ государямъ, чтобы они собрали войско для спасенія царствъ и вѣры. Безпокойство, волненіе было общее; народъ постился; духовенство день и ночь молилось въ храмахъ. Одинъ св. Людовикъ, мужественный король французскій, не терялъ бодрости и спокойно отвѣтствовалъ матери, что онъ, въ надеждѣ на Бога и на мечъ свой, смѣло встрѣтитъ варваровъ. Но папа Иннокентій IV, желая миромъ удалить бурю, отправилъ къ хану монаховъ съ дружелюбными письмами. Іоаннъ Карпинъ, одинъ изъ сихъ пословъ, въ 1246 году проѣзжалъ изъ Италіи чрезъ Россію и сообщаетъ слѣдующія извѣстія о тогдашнемъ ея состояніи и моголахъ. Увидимъ, что папа, думая о татарахъ, не забывалъ и нашихъ предковъ, усильно домогаясь подчинить насъ латинской церкви. Несчастія россіянъ давали ему тѣмъ болѣе надежды успѣть въ семъ важномъ дѣлѣ.

«Въ Мазовіи»,—пишетъ Карпинъ,—«встрѣтили мы князя россійскаго, Василька» (брата Даніилова, ходившаго тогда съ мазов-

скимъ герцогомъ на ятвяговъ), который разсказалъ намъ весьма много любопытнаго о татарахъ. Узнавъ, что не должно ѣхать въ орду съ пустыми руками, мы купили нѣсколько бобровыхъ и другихъ шкуръ. Конрадъ, герцогъ краковскій, епископъ и бароны польскіе снабдили насъ также всякими мѣхами, прося князя Василька быть нашимъ покровителемъ. Вмѣстѣ съ нимъ пріѣхали мы въ его столицу (Владиміръ Волынскій), гдѣ отдохнувъ, желали бесѣдовать съ россійскими епископами и предложили имъ письма отъ папы, который убѣждалъ ихъ присоединиться къ латинской церкви; но епископы и Василько отвѣтствовали, что они не могутъ ничего сказать намъ безъ князя Даніила, брата Василькова, бывшаго тогда въ ордѣ. Послѣ чего Василько отправилъ насъ съ вожатымъ въ Кіевъ, куда мы и прибыли благополучно, не смотря на глубокій снѣгъ, холодъ и многія опасности: ибо литовцы безпрестанными набѣгами тревожатъ сію часть Россіи. Жителей вездѣ мало: они истреблены моголами или отведены ими въ плѣнъ. Въ Кіевѣ наняли мы татарскихъ лошадей, а своихъ оставили: ибо онѣ могли бы умереть съ голода въ дорогѣ, гдѣ нѣтъ ни сѣна, ни соломы; а татарскія, разбивая копытами снѣгъ, питаются одною мерзлою травою.

«Первое мѣсто, въ коемъ живутъ моголы (близь Кіева), называется Х а н о в ы м ъ. Они со всѣхъ сторонъ окружили насъ, спрашивая, зачѣмъ и куда ѣдемъ? Я отвѣчалъ, что мы послы отца и владыки всѣхъ христіанъ, который, ничѣмъ не оскорбивъ государей татарскихъ, съ крайнимъ изумленіемъ свѣдалъ о разореніи Венгріи и Польши, гдѣ живутъ е г о п о д д а н н ы е; что онъ, желая мира, въ письмахъ своихъ убѣждаетъ хановъ принять вѣру христіанскую, безъ коей нѣтъ спасенія. Моголы удовольствовались нѣкоторыми подарками и дали намъ вожатыхъ до орды главнаго ихъ начальника. Онъ называется Куремсою, предводительствуетъ шестидесятью тысячами воиновъ и хранитъ западные предѣлы могольскихъ владѣній.—Куремса отправилъ насъ къ Батыю, первѣйшему изъ хановъ послѣ великаго.

«Мы проѣхали всю землю половецкую, обширную равнину, гдѣ текутъ рѣки Днѣпръ, Донъ, Волга, Яикъ и гдѣ лѣтомъ кочуютъ татары, повинуясь разнымъ воеводамъ, а зимою приближаются къ морю Г р е ч е с к о м у (или Черному). Самъ Батый живетъ на берегу Волги, имѣя пышный, великолѣпный дворъ, и 600,000 воиновъ, 160,000 татаръ и 450,000 иноплеменниковъ, христіанъ и другихъ подданныхъ. Въ пятницу Страстныя недѣли провели насъ въ ставку его между двумя огнями для того, какъ говорили татары, что огонь есть чистилище для всякихъ злыхъ умысловъ, отнимая даже силу у скрываемаго яда. Мы должны были нѣсколько разъ кланяться и вступить въ шатеръ, не касаясь порога. Батый сидѣлъ на тронѣ съ одною изъ женъ своихъ; его

братья, дѣти и вельможи на скамьяхъ; другіе на землѣ, мужчины на правой, а женщины на лѣвой сторонѣ. Сей шатеръ, сдѣланный изъ тонкаго полотна, принадлежалъ королю венгерскому: никто не смѣетъ входить туда безъ особеннаго дозволенія, кромѣ семейства ханскаго. Намъ указали мѣсто на лѣвой сторонѣ и Батый съ великимъ вниманіемъ читалъ письма Иннокентіевы, переведенныя на языки славянскій, арабскій и татарскій. Между тѣмъ онъ и вельможи его пили изъ золотыхъ или серебряныхъ сосудовъ, причемъ всегда гремѣла музыка съ пѣснями. Батый имѣетъ лицо красноватое; ласковъ въ обхожденіи съ своими, но грозенъ для всѣхъ; на войнѣ жестокъ, хитръ и славится опытностію.—Онъ велѣлъ намъ ѣхать къ великому хану.

«Хотя мы были весьма слабы, ибо питались во весь постъ однимъ просомъ и пили только снѣжную воду, однакожъ ѣхали скоро, пять или шесть разъ въ день мѣняя лошадей, гдѣ находили ихъ. Земля половецкая во многихъ мѣстахъ есть дикая степь: жители истреблены татарами или бѣжали; другіе признали себя ихъ подданными. Она граничитъ къ сѣверу съ Россіею, Мордвою, Болгаріею, Башкиріею (pays des Bastarques), отечествомъ венгровъ и съ самоѣдами (Samogedes), обитающими на пустынныхъ берегахъ Океана; къ югу съ аланами (оссетинцами), черкесами, козарами и Греціею. За половцами начинается страна кангитовъ (канглей или хвалисовъ), совершенно безводная и мало населенная. Въ сей печальной степи (нынѣ киргизской) умерли отъ жажды бояре Ярослава, князя россійскаго, посланные имъ въ Татарію: мы видѣли ихъ кости. Вся земля опустошена моголами; жители, не имѣя домовъ, обитаютъ въ шатрахъ, и такъ же, какъ половцы, не знаютъ хлѣбопашества, а кормятся однимъ скотоводствомъ.

«Около Вознесенія Христова въѣхали мы въ страну Бесерменовъ» (харазовъ или хивинцевъ), «говорящихъ языкомъ половцевъ, но исповѣдующихъ вѣру сарацинскую. Тамъ представилось намъ множество селъ и городовъ опустошенныхъ. Владѣтель ихъ, называемый великимъ султаномъ, погибъ со всѣмъ родомъ отъ меча татарскаго. Сія земля имѣетъ большія горы и сопредѣльна къ сѣверу (Востоку) съ черными китанами (въ Малой Бухаріи), гдѣ живетъ Сибанъ, братъ Батыевъ, и гдѣ находится дворецъ ханскій. Далѣе мы увидѣли обширное озеро (Байкалъ), оставили его на лѣвой сторонѣ и чрезъ землю кочующихъ наймановъ, въ исходѣ іюля, прибыли въ отечество моголовъ, которые суть истинные татары.

«Уже нѣсколько лѣтъ они готовились къ избранію великаго хана, но Гаюкъ еще не былъ торжественно возглашенъ Октаевымъ преемникомъ: онъ велѣлъ намъ ждать сего времени и послалъ къ матери, вдовствующей супругѣ Октаевой, именемъ Ту-

ракинѣ, у коей собирались всѣ чиновники и старѣйшины: ибо она была тогда правительницею. Ея ставка, обвезенная тыномъ, могла вмѣстить болѣе 2,000 человѣкъ. Воеводы сидѣли на коняхъ, богато украшенныхъ серебромъ, и совѣтовались между собою. Одежда ихъ въ первый день была пурпуровая бѣлая, на другой день красная, на третій синеватая, а на четвертый алая. Народъ толпился внѣ ограды. У воротъ стояли воины съ обнаженными мечами; въ другія ворота, хотя оставленныя безъ стражи, никто не смѣлъ входить, кромѣ Гаюка. Вельможи безпрестанно пили кумысъ и хотѣли насъ также поить, но мы отказались. Они вездѣ давали первое мѣсто намъ и россійскому князю Ярославу; тутъ же находились два сына грузинскаго царя, посолъ калифа багдадскаго и многіе другіе послы сарацинскіе, числомъ до четырехъ тысячъ: одни съ дарами, иные съ дачію.

«Такимъ образомъ мы жили цѣлый мѣсяцъ въ семъ шумномъ станѣ, называемомъ Сыра орда, и часто видѣли Гаюка. Когда онъ выходилъ изъ шатра своего, пѣвцы обыкновенно шли впереди и громко пѣли его славу. Наконецъ дворъ переѣхалъ въ другое мѣсто и расположился на берегу ручья, орошающаго прекрасную долину, гдѣ стоялъ великолѣпный шатеръ, называемый Златая Орда. Столпы сего шатра, внутри и снаружи украшеннаго богатыми тканями, были окованы золотомъ. Тамъ надлежало Гаюку торжественно возсѣсть на престолъ въ день Успенія Богоматери. Но ужасная непогода, градъ и снѣгъ препятствовали совершенію обряда до 24 августа. Въ сей день собрались вельможи и, смотря на югъ, долго молились Всевышнему: послѣ чего возвели Гаюка на златой тронъ и преклонили колѣна; народъ также. Князья и вельможи говорили императору: мы хотимъ и требуемъ, чтобы ты повелѣвалъ нами. Гаюкъ спросилъ: «желая имѣть меня государемъ, готовы ли вы исполнять мою волю; являться, когда позову васъ; идти, куда велю, и предать смерти всякаго, кого наименую?» всѣ отвѣтствовали: «готовы!» «Итакъ» (сказалъ Гаюкъ), «слово мое да будетъ отнынѣ мечемъ!» Вельможи взяли его за руку, свели съ трона и посадили на войлокъ, говоря императору: «Надъ тобою небо и Всевышній; подъ тобою земля и войлокъ. Если будешь любить наше благо, милость и правду, уважая князей и вельможъ по ихъ достоинству, то царство Гаюково прославится въ мірѣ, земля тебѣ покорится и Богъ исполнитъ всѣ желанія твоего сердца. Но если обманешь надежду подданныхъ, то будешь презрителенъ и столь бѣденъ, что самый войлокъ, на которомъ ты сидишь, у тебя отнимется». Тогда вельможи, поднявъ

Гаюка на рукахъ, возгласили его императоромъ и принесли къ нему множество серебра, золота, камней драгоцѣнныхъ и всю казну умершаго хана; а Гаюкъ часть сего богатства роздалъ чиновникамъ въ знакъ ласки и щедрости. Между тѣмъ готовился пиръ для князей и народа; пили до самой ночи и развозили въ телѣгахъ мясо, вареное безъ соли.

«Гаюкъ имѣетъ отъ роду 40 или 45 лѣтъ, росту средняго, отмѣнно уменъ, догадливъ и столь важенъ, что никогда не усмѣется. Христіане, служащіе ему, увѣряли насъ, что онъ думаетъ принять вѣру Спасителеву, ибо держитъ у себя христіанскихъ священниковъ и дозволяетъ имъ всенародно передъ своимъ шатромъ отправлять божественную службу по обрядамъ греческой церкви. Сей императоръ говоритъ съ иностранцами только черезъ переводчиковъ и всякій, кто подходитъ къ нему, долженъ стать на колѣна. У него есть гражданскіе чиновники и секретари, но нѣтъ стряпчихъ: ибо моголы не терпятъ ябеды и слово ханское рѣшитъ тяжбу. Что скажетъ государь, то и сдѣлано; никто не смѣетъ возражать или просить его дважды объ одномъ дѣлѣ. Гаюкъ, пылая славолюбіемъ, готовъ цѣлый міръ обратить въ пепелъ. Смерть Октаева удержала моголовъ въ ихъ стремленіи сокрушить Европу: нынѣ, имѣя новаго хана, они ревностно желаютъ кровопролитія, и Гаюкъ, едва избранный, въ первомъ совѣтѣ съ князьями своими положилъ объявить войну церкви нашей, имперіи Римской, всѣмъ государямъ христіанскимъ и народамъ западнымъ, если св. отецъ — чего Боже избави — не исполнитъ его требованій, то есть не покорится ему со всѣми государями европейскими: ибо моголы, слѣдуя завѣщанію Чингисханову, непремѣнно хотятъ овладѣть вселенною.

«Гаюкъ чрезъ нѣсколько дней принялъ насъ, равно какъ и другихъ пословъ. Секретарь его сказывалъ ему имя каждаго; однакожъ немногіе изъ нихъ были впущены въ ставку императорскую. Дары, поднесенные ими хану, состояли въ шелковыхъ тканяхъ, поясахъ, мѣхахъ, сѣдлахъ, также верблюдахъ и лошакахъ, богато украшенныхъ. Между сими безчисленными дарами мы замѣтили одинъ зонтикъ, весь осыпанный драгоцѣнными камнями. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ шатровъ стояло болѣе пяти сотъ телѣгъ, наполненныхъ золотомъ, серебромъ, шелковыми одеждами: что все было отдано хану, князьямъ и вельможамъ, которые послѣ дарили тѣмъ своихъ чиновниковъ. Одни мы не поднесли ничего, ибо ничего не имѣли.

«Въ намѣреніи воевать Западъ, Гаюкъ не хотѣлъ вступить съ нами въ переговоры и мы около мѣсяца жили праздно, въ скукѣ, въ недостаткѣ, получая отъ моголовъ на пять дней не болѣе того, что надлежало издержать въ одинъ день, а купить было нечего. Къ счастію, добрый россіянинъ, золотарь, именемъ

Комъ, любимецъ Гаюковъ, надѣлялъ насъ всѣмъ нужнымъ. Онъ сдѣлалъ печать для хана и тронъ изъ слоновой кости, украшенный золотомъ и камнями драгоцѣнными съ разными изображеніями, и съ удовольствіемъ показывалъ намъ свою работу.—Наконецъ Гаюкъ, призвавъ насъ, спросилъ, есть-ли у папы люди, знающіе языкъ татарскій, русскій или арабскій? — Нѣтъ, отвѣчали мы: хотя въ Европѣ и находятся нѣкоторые арабы, но далеко отъ того мѣста, гдѣ живетъ папа. Впрочемъ, мы брались сами перевести на латинскій языкъ, что будетъ угодно хану написать къ св. отцу. Вслѣдствіе того пришелъ къ намъ кадакъ, государственный министръ, съ тремя ханскими секретарями для сочиненія грамоты, которую мы, слушая ихъ, писали на латинскомъ языкѣ и толковали имъ каждое слово: ибо они боялись ошибки въ переводѣ и спрашивали, ясно-ли разумѣемъ, что пишемъ? Приставы наши говорили, что ханъ отправитъ съ нами собственныхъ пословъ въ Европу, если будемъ о томъ просить его; но сего мы не хотѣли: во-первыхъ, для того, что они увидѣли бы несогласіе и междоусобіе государей христіанскихъ, столь благопріятное для невѣрныхъ; во-вторыхъ, ежели-бы съ послами Гаюка сдѣлалось какое несчастіе въ Европѣ, то онъ еще болѣе остервенился-бы противъ христіанъ. Къ тому-же ханъ не уполномочилъ-бы сихъ пословъ для заключенія надежнаго мира, а велѣлъ-бы имъ единственно вручить письма св. отцу такого-же содержанія, какъ и данныя намъ за его печатію.

«Откланявшись Гаюку и матери его, которая дала намъ по шубѣ лисьей и по красному кафтану, мы отправились въ обратный путь, 14 ноября, чрезъ необозримыя пустыни; не видали ни селеній, ни лѣсовъ; ночевали въ степяхъ, на снѣгу и пріѣхали къ Вознесенію въ станъ Батыевъ, чтобы взять у него письма къ папѣ. Но Батый сказалъ, что онъ не можетъ ничего прибавить къ отвѣту хана, и далъ намъ пропускъ, съ коимъ мы благополучно доѣхали да Кіева, гдѣ считали насъ уже мертвыми, равно какъ и въ Польшѣ. Князь Россійскій Даніилъ и братъ его, Василько, оказали намъ много ласки въ своемъ владѣніи и, собравъ епископовъ, игуменовъ, знатныхъ людей, съ общаго согласія объявили, что они намѣрены признать св. отца главою ихъ церкви, подтверждая все сказанное ими о томъ прежде чрезъ особеннаго посла, бывшаго у папы».

Сіе важное извѣстіе согласно съ грамотами Иннокентія IV, съ лѣтописями польскими и нашими собственными. Занимаясь великимъ намѣреніемъ свергнуть иго Батыево, Даніилъ съ горестію видѣлъ слабость Россіи, уныніе князей и народа, не могъ надѣяться на ихъ содѣйствіе и долженствовалъ искать способовъ внѣ отечества. Еди-

Политика Даніилова.

новѣрная Греція, стѣсненная аравитянами, турками, крестоносцами, едва существовала: Даніилъ обратилъ глаза на Западъ, гдѣ Римъ былъ душою и средоточіемъ всѣхъ государственныхъ движеній. Сей князь (въ 1245 или 1246 году) далъ знать Иннокентію, что желаетъ соединить церковь нашу съ латинскою, готовый подъ ея знаменами идти противъ моголовъ. Началось дружелюбное сношеніе съ Римомъ. Папа, называя Даніила королемъ и любезнѣйшимъ сыномъ, велѣлъ архіепископу прусскому ѣхать въ Галицію и выбрать тамъ святителей изъ ученыхъ монаховъ католическихъ; объявилъ снисходительно, что всѣ обряды греческой вѣры, не противные латинской, могутъ и впредь быть у насъ соблюдаемы невозбранно (какъ-то служеніе на квасныхъ просфорахъ), и въ знакъ особенной благосклонности утвердилъ супружество князя Василька, женатаго на родственницѣ въ третьемъ и четвертомъ колѣнѣ (такъ сказано въ письмѣ Иннокентіевомъ, гдѣ сія дочь Георгія Суздальскаго именована Добравою); наконецъ, чтобы обольстить Даніилово честолюбіе, предложилъ ему вѣнецъ королевскій. Разумный князь отвѣтствовалъ: «требую войска, а не вѣнца, украшенія суетнаго, пока варвары господствуютъ надъ нами». Иннокентій обѣщалъ войско, но Даніилъ въ ожиданіи того медлилъ объявить себя католикомъ; оба хитрили, досадовали и въ 1249 году легатъ папскій съ неудовольствіемъ выѣхалъ изъ Галиціи. Посредничество короля венгерскаго утушило сію явную ссору: въ залогъ милости Иннокентій (въ 1253 или 1254 году) прислалъ къ Даніилу вѣнецъ съ другими царскими украшеніями. Достойно замѣчанія, что князь Галицкій, нечаянно встрѣтивъ пословъ римскихъ въ Краковѣ, не хотѣлъ видѣть ихъ, сказавъ: «мнѣ, какъ государю, непристойно бесѣдовать съ вами въ землѣ чуждой». Онъ вторично не хотѣлъ принять и короны, но убѣжденный матерію, вдовствующею супругою Романовою, и герцогами польскими, согласился, требуя, чтобы Иннокентій взялъ дѣйствительнѣйшія мѣры для обороны христіанъ отъ Батыя и до всеобщаго собора не осуждалъ догматовъ греческой церкви: вслѣдствіе чего Даніилъ призналъ папу своимъ отцомъ и намѣстникомъ св. Петра, коего властію посолъ Иннокентіевъ, аббатъ мессинскій, въ присутствіи народа и бояръ возложилъ вѣнецъ на главу его. Сей достопамятный обрядъ совершился въ Дрогичинѣ и князь Галицкій съ того времени именовался королемъ; а папа написалъ грамоту къ богемскому, моравскому, польскому, сербскому и другимъ народамъ, чтобы они вмѣстѣ съ галичанами, подъ знаменіемъ креста ударили на моголовъ; но какъ отъ безразсуднаго междоусобія христіанскихъ государей сіе ополченіе не состоялось, то Даніилъ снялъ съ себя личину, отрекся отъ связи съ Римомъ и

Даніилъ король Галицкій.

презрѣлъ гнѣвъ папы, Александра IV, который (въ 1257 году) писалъ къ нему, что «онъ забылъ духовныя и временныя благодѣянія церкви, вѣнчавшей и помазавшей его на царство; не исполнилъ своихъ обѣтовъ и погибнетъ, если съ новымъ раскаяніемъ не обратится на путь истинный; что клятва церковная и булатъ мірскій готовы наказать неблагодарнаго». Въ надеждѣ смирить моголовъ посольствами и дарами, новый король галицкій, богатый казною, сильный войскомъ, окруженный сосѣдями или несогласными или слабыми, уже смѣялся надъ злобою папы и, строго наблюдая уставы греческой церкви, доказалъ, что мнимое присоединеніе его къ латинской было одною государственною хитростію.

Обращаясь къ путешествію Карпина, предложимъ сказанное имъ о свойствѣ, нравахъ и вѣрѣ моголовъ: сіи извѣстія также достойны замѣчанія, сообщая намъ ясное понятіе о народѣ, который столь долгое время угнеталъ Россію.

«Татары (повѣствуетъ Карпинъ) отличны видомъ отъ всѣхъ иныхъ людей, имѣя щеки выпуклыя и надутыя, глаза едва примѣтные, ноги маленькія; большею частію ростомъ не высоки и худы; лицомъ смуглы и рябы. Они брѣютъ волосы за ушами и спереди на лбу, отпуская усы, бороду и длинныя косы назади; выстригаютъ себѣ также гуменцо, подобно нашимъ священникамъ. Мужчины и женщины носятъ кафтаны парчевые, шелковые и клееношные, или шубы навыворотъ (получая ткани изъ Персіи, а мѣха изъ Россіи, Болгаріи, земли мордовской, Башкиріи) и какія-то странныя высокія шапки. Живутъ въ шатрахъ, сплетенныхъ изъ прутьевъ и покрытыхъ войлоками; вверху дѣлается отверстіе, чрезъ которое входитъ свѣтъ и выходитъ дымъ: ибо у нихъ всегда пылаетъ огонь въ ставкѣ. Стада и табуны могольскіе безчислены: въ цѣлой Европѣ нѣтъ такого множества лошадей, верблюдовъ, овецъ, козъ и рогатой скотины. Мясо и жидкая просяная каша есть главная пища сихъ дикарей, довольныхъ малымъ ея количествомъ. Они не знаютъ хлѣба; ѣдятъ все нечистыми руками, обтирая ихъ объ сапоги или траву; не моютъ ни котловъ, ни самой одежды своей; любятъ кумысъ и пьянство до крайности, а медъ, пиво и вино получаютъ иногда изъ другихъ земель. Мужчины не занимаются никакими работами: иногда присматриваютъ только за стадами или дѣлаютъ стрѣлы. Младенцы трехъ и двухъ лѣтъ уже садятся на лошадь; женщины также ѣздятъ верхомъ и многія стрѣляютъ изъ лука не хуже воиновъ; въ хозяйствѣ же удивительно трудолюбивы; стряпаютъ, шьютъ платья, сапоги; чинятъ телѣги, навьючиваютъ верблюдовъ. Вельможи и богатые люди имѣютъ до ста женъ; двоюродные совокупляются бракомъ, пасынокъ съ мачихою, невѣстки съ деверемъ. Женихъ обыкновенно покупаетъ невѣсту у роди-

телей и весьма дорогою цѣною. Не только прелюбодѣяніе, но и блудъ наказывается смертію, равно какъ и воровство столь необыкновенно, что татары не употребляютъ замковъ; боятся, уважаютъ чиновниковъ и въ самомъ пьянствѣ не ссорятся или, по крайней мѣрѣ, не дерутся между собою; скромны въ обхожденіи съ женщинами и ненавидятъ срамословіе; терпѣливо сносятъ зной, морозъ, голодъ и съ пустымъ желудкомъ поютъ веселыя пѣсни; рѣдко имѣютъ тяжбы и любятъ помогать другъ другу, но за то всѣхъ иноплеменныхъ презираютъ, какъ мы видѣли собственными глазами: напримѣръ, Ярославъ, великій князь россійскій, и сынъ царя грузинскаго, будучи въ ордѣ, не смѣли иногда сѣсть выше своихъ приставовъ. Татаринъ не обманываетъ татарина, но обмануть иностранца считается похвальною хитростію.

«Что касается до ихъ закона, то они вѣруютъ въ Бога, Творца Вселенныя, награждающаго людей по ихъ достоинству, но приносятъ жертвы идоламъ, сдѣланнымъ изъ войлока или шелковой ткани, считая ихъ покровителями скота; обожаютъ солнце, огонь, луну, называютъ оную великою царицею, и преклоняютъ колѣна, обращаясь лицомъ къ югу, славятся терпимостію и не проповѣдуютъ вѣры своей; однакожъ принуждаютъ иногда христіанъ слѣдовать обычаямъ могольскимъ, въ доказательство чего разскажемъ случай, которому мы были свидѣтелями. Батый велѣлъ умертвить одного князя россійскаго, именемъ Андрея, будто бы за то, что онъ, вопреки ханскому запрещенію, выписывалъ для себя лошадей изъ Татаріи и продавалъ чужеземцамъ. Братъ и жена убитаго князя, пріѣхавъ къ Батыю, молили его не отнимать у нихъ княженія; онъ согласился, но принудилъ деверя къ брачному совокупленію съ невѣсткою, по обычаю моголовъ.

«Не вѣдая правилъ истинной добродѣтели, они вмѣсто законовъ имѣютъ какія-то преданія и считаютъ за грѣхъ бросить въ огонь ножикъ, опереться на хлыстъ, умертвить птенца, вылить молоко на землю, выплюнуть изо рта пищу; но убивать людей и разорять государства кажется имъ дозволенною забавою. О жизни вѣчной не умѣютъ сказать ничего яснаго, а думаютъ, что они и тамъ будутъ ѣсть, пить, заниматься скотоводствомъ и проч. Жрецы ихъ суть такъ называемые волхвы, гадатели будущаго, коихъ совѣтъ уважается ими во всякомъ дѣлѣ. (Глава ихъ, или патріархъ, живетъ обыкновенно близь шатра ханскаго. Имѣя астрономическія свѣдѣнія, они предсказываютъ народу солнечныя и лунныя затмѣнія).

«Когда занеможетъ татаринъ, родные ставятъ передъ шатромъ копье, обвитое чернымъ войлокомъ: сей знакъ удаляетъ отъ больного всѣхъ постороннихъ. Умирающаго оставляютъ и родные. Кто былъ при смерти человѣка, тотъ не можетъ видѣть ни хана,

ни князей до новой луны. Знатныхъ людей погребаютъ тайно, съ пищею, съ осѣдланнымъ конемъ, серебромъ и золотомъ; телѣга и ставка умершаго должны быть сожжены и никто не смѣетъ произнести его имени до третьяго поколѣнія.—Кладбище хановъ, князей, вельможъ неприступно: гдѣ бы они ни скончали жизнь свою, моголы отвозятъ ихъ тѣла въ сіе мѣсто; тамъ погребены многіе, убитые въ Венгріи. Стражи едва было не застрѣлили насъ, когда мы нечаянно приблизились къ гробамъ.

«Таковъ сей народъ, ненасытимый въ кровопролитіи. Побѣжденные обязаны давать моголамъ десятую часть всего имѣнія, рабовъ, войско и служатъ орудіемъ для истребленія другихъ народовъ. Въ наше время Гаюкъ и Батый прислали въ Россію вельможу своего съ тѣмъ, чтобы онъ бралъ вездѣ отъ двухъ сыновей третьяго; но сей человѣкъ нахваталъ множество людей безъ всякаго разбора и переписалъ всѣхъ жителей, какъ данниковъ, обложивъ каждаго изъ нихъ шкурою бѣлаго медвѣдя, бобра, куницы, хорька и черною лисьею; а не платящіе должны быть рабами моголовъ. Сіи жестокіе завоеватели особенно стараются искоренять князей и вельможъ; требуютъ отъ нихъ дѣтей въ аманаты и никогда уже не позволяютъ имъ выѣхать изъ орды. Такъ сынъ Ярославъ и князь Ясскій живутъ въ неволѣ у хана. Начальники могольскіе въ земляхъ завоеванныхъ именуются баскаками и при малѣйшемъ неудовольствіи льютъ кровь людей безоружныхъ; такъ истребили они великое число россіянъ, обитавшихъ въ землѣ половецкой.

«Однимъ словомъ, татары хотятъ исполнить завѣщаніе Чингисханово и покорить всю землю: для того Гаюкъ именуетъ себя въ письмахъ государемъ міра, прибавляя: Богъ на небесахъ, я на землѣ. Онъ готовится послать въ мартѣ 1247 году одну рать въ Венгрію, а другую въ Польшу; черезъ три года перейти за Донъ и 18 лѣтъ воевать Европу. Моголы и прежде, побѣдивъ короля венгерскаго, думали идти безпрестанно далѣе и далѣе; но внезапная смерть хана, отравленнаго ядомъ, остановила тогда ихъ стремленіе. Гаюкъ намѣренъ еще завоевать Ливонію и Пруссію. Государи европейскіе должны соединенными силами предупредить замыслы хана или будутъ его рабами».

Провидѣніе спасло Европу: ибо Гаюкъ жилъ недолго и преемникъ его, Мангу, озабоченный внутренними безпорядками въ своихъ азіатскихъ владѣніяхъ, не могъ исполнить Гаюкова намѣренія. Но Западъ еще долгое время страшился Востока и святый Людовикъ, находясь въ Кипрѣ, въ 1253 году вторично отправилъ монаховъ въ Татарію съ дружелюбными письмами, услышавъ, что великій ханъ принялъ вѣру Спасителеву. Сей слухъ оказался ложнымъ: Гаюкъ и Мангу терпѣли при себѣ христіан-

скихъ священниковъ, позволяли имъ спорить съ идолопоклонниками и магометанами, даже обращать женъ ханскихъ; но сами держались вѣры отцовъ своихъ. Рубруквисъ, посолъ Людовиковъ, ѣхалъ изъ Тавриды или Козаріи (гдѣ жили многіе греки съ готѳами подъ властію моголовъ), чрезъ нынѣшнюю землю донскихъ казаковъ, Саратовскую, Пензенскую и Симбирскую губернію, гдѣ въ густыхъ лѣсахъ и въ бѣдныхъ, разсѣянныхъ хижинахъ обитали мокшане и мордовскіе ихъ единоплеменники, богатые только звѣриными кожами, медомъ и соколами. Князь сего народа, принужденный воевать за Батыя, положилъ свою голову въ Венгріи и мокшане, узнавъ тамъ нѣмцевъ, говорили объ нихъ съ великою похвалою, желая, чтобы они избавили міръ отъ ненавистнаго ига татарскаго. Батый кочевалъ въ Казанской губерніи, на Волгѣ, обыкновенно проводя тамъ лѣто, а въ августѣ мѣсяцѣ начиная спускаться внизъ по ея теченію, къ странамъ южнымъ. Въ станѣ могольскомъ и въ окрестностяхъ находилось множество россіянъ, венгровъ, ясовъ, которые, заимствуя нравы своихъ побѣдителей, скитались въ степяхъ и грабили путешественниковъ. При дворѣ сына Батыева, Сартака, жилъ одинъ изъ славныхъ рыцарей храма и пользовался довѣренностію моголовъ, часто разсказывая имъ о европейскихъ обычаяхъ и силѣ тамошнихъ государей.—Рубруквисъ отъ береговъ Волги отправился въ южную Сибирь и, пріѣхавъ къ великому хану, старался доказать ему превосходство вѣры христіанской; но Мангу равнодушно отвѣтствовалъ: «Моголы знаютъ, что есть Богъ и любятъ Его всею душею. Сколько у тебя на рукѣ пальцевъ, столько или болѣе можно найти путей ко спасенію. Богъ далъ вамъ Библію, а намъ волхвовъ: вы не исполняете ея предписаній, а мы слушаемся своихъ наставниковъ и ни съ кѣмъ не споримъ... Хочешь ли золота? Взявъ его изъ казны моей, иди, куда тебѣ угодно». Посолъ Людовиковъ нашелъ при дворѣ ханскомъ россійскаго архитектора и діакона, венгровъ, англичанъ и весьма искуснаго золотаря парижскаго, именемъ Гильйома, жившаго у Мангу въ чести и въ великомъ изобиліи. Сей Гильйомъ сдѣлалъ для хана огромное серебряное дерево, утвержденное на четырехъ серебряныхъ львахъ, которые служили чанами въ пиршествахъ: кумысъ, медъ, пиво и вино подымались изъ нихъ до вершины дерева и лились сквозь отверстый зѣвъ двухъ вызолоченныхъ драконовъ на землю въ большіе сосуды; на деревѣ стоялъ крылатый ангелъ и трубилъ въ трубу, когда надлежало гостямъ пить. Моголы вообще любили художниковъ, обязанные симъ новымъ для нихъ вкусомъ мудрому правленію безсмертнаго Иличутсая, о коемъ мы выше упоминали и который, бывъ долгое время министромъ Чингисхана и преемника его, ревностно старался образовать ихъ подданныхъ: спасъ жизнь многихъ ученыхъ китай-

цевъ, основалъ училища, вмѣстѣ съ математиками арабскими и персидскими сочинилъ календарь для моголовъ, самъ переводилъ книги, чертилъ географическія карты, покровительствовалъ художникамъ; и когда умеръ, то завистники сего великаго мужа, къ стыду своему, нашли у него, вмѣсто предполагаемыхъ сокровищъ, множество рукописныхъ твореній о наукѣ править государствомъ, объ астрономіи, исторіи, медицинѣ и земледѣліи.

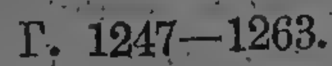
Великій ханъ, отпуская Людовикова посла, далъ ему гордое письмо къ королю французскому, заключивъ оное сими словами: «Именемъ Бога Вседержителя повелѣваю тебѣ, королю Людовику, быть мнѣ послушнымъ и торжественно объявить, чего желаешь: мира или войны? Когда воля Небесъ исполнится и весь міръ признаетъ меня своимъ властителемъ, тогда воцарится на землѣ блаженное спокойствіе и счастливые народы увидятъ, что мы для нихъ сдѣлаемъ! Но если дерзнешь отвергнуть повелѣніе Божественное и скажешь, что земля твоя отдалена, горы твои неприступны, моря глубоки, и что насъ не боишься, то Всесильный, облегчая трудное и приближая отдаленное, покажетъ тебѣ, что можетъ сдѣлать!» Такова была надменность моголовъ!

Рубруквисъ возвратился къ берегамъ Волги и пріѣхалъ въ Сарай, новый городъ, построенный Батыемъ въ 60 верстахъ отъ Астрахани, на берегу Ахтубы. Недалеко оттуда, на среднемъ протокѣ Волги, находился и древнѣйшій городъ Сумеркентъ, въ коемъ обитали ясы и сарацины: татары осаждали его восемь лѣтъ и едва могли взять, по словамъ нашего путешественника.— Имѣвъ случай видѣть россіянъ, сей посолъ Людовиковъ сказываетъ, что жены ихъ, украшая голову, подобно француженкамъ, опушиваютъ низъ своего платья бѣлками и горностаями, а мужчины носятъ епанчи нѣмецкія и поярковыя шапки, остроконечныя и высокія. Онъ прибавляетъ еще, что обыкновенная монета россійская состоитъ изъ кожаныхъ, пестрыхъ лоскутковъ. Чрезъ Дербентъ, Ширванъ (гдѣ находилось великое число жидовъ), Шамаху, Тифлисъ (гдѣ начальствовалъ могольскій воевода Баку), Рубруквисъ прибылъ въ Арменію и благополучно достигъ Кипра.

ГЛАВА III.

ВЕЛИКІЕ КНЯЗЬЯ СВЯТОСЛАВЪ ВСЕВОЛОДОВИЧЪ, АНДРЕЙ ЯРОСЛАВОВИЧЪ И АЛЕКСАНДРЪ НЕВСКІЙ.

(Одинъ послѣ другого).

Г. 1247—1263.

Александръ въ ордѣ.—Князь Московскій убитъ литвою.—Дряхлость Батыева.—Посольств
изъ Рима.—Болѣзнь Александрова.—Посольство въ Норвегію.—Бѣгство Андреево.—Бла-
горазуміе Александра.—Вѣтренность новогородцевъ.—Смерть Батыева.—Исчисленіе жите-
лей въ Россіи.—Казнь бояръ. — Покушеніе Даніилово свергнуть иго. — Откупщики бесер-
менскіе.—Кончина и добродѣтели Александровы.—Выходцы изъ чужихъ земель.—Мятежи
въ ордѣ.

Узнавъ о кончинѣ отца, Александръ спѣшилъ въ Владиміръ, чтобы оплакать оную вмѣстѣ съ родными и взять нужныя мѣры для государственнаго порядка. Слѣдуя обыкновенію, дядя Невскаго, Святославъ, наслѣдовалъ престолъ великокняжескій, утвердивъ сыновей Ярославовыхъ на ихъ частныхъ княженіяхъ.

Г. 1247.

Доселѣ Александръ не преклонялъ выи въ ордѣ и россіяне еще съ гордостію именовали его своимъ независимымъ княземъ; даже стращали имъ моголовъ. Батый слышалъ о знаменитыхъ его достоинствахъ и велѣлъ сказать ему: «Князь Новогородскій! извѣстно ли тебѣ, что Богъ покорилъ мнѣ множество народовъ? Ты ли одинъ будешь независимымъ? Но если хочешь властвовать спокойно, то явись немедленно въ шатрѣ моемъ, да познаешь славу и величіе моголовъ». Александръ любилъ отечество болѣе своей княжеской чести: не хотѣлъ гордымъ отказомъ подвергнуть оное новымъ бѣдствіямъ и, презирая личную опасность не менѣе тщеславія, вслѣдъ за братомъ Андреемъ поѣхалъ въ станъ могольскій, гдѣ Батый, принявъ ихъ съ ласкою, объявилъ вельможамъ, что слава не увеличила достоинствъ Александровыхъ и что сей князь, дѣйствительно, есть человѣкъ необыкновенный: такое сильное впечатлѣніе сдѣлали въ немъ мужественный видъ Невскаго и разумныя слова его, одушевленныя любовію къ народу россійскому и благородствомъ сердца!—Но Александръ и братъ его долженствовали, подобно Ярославу, ѣхать въ Татарію къ великому хану. Сіи путешествія были ужасны: надлежало проститься съ отечествомъ на долгое время, терпѣть голодъ и жажду, отдыхать на снѣгу или на землѣ, раскаленной лучами солнца; вездѣ голая печальная степь, лишенная

Александръ въ ордѣ.

убранства и тѣни лѣсовъ, усѣянная костями несчастныхъ странниковъ; вмѣсто городовъ и селеній представлялись взору одни кладбища народовъ кочующихъ. Можетъ быть въ самой глубокой древности ходили тамъ караваны купеческіе: скиѳы и греки сражались съ опасностію, нуждою и скукою, по крайней мѣрѣ въ надеждѣ обогатиться золотомъ; но что ожидало князей россійскихъ въ Татаріи? уничиженіе и горесть. Рабство, тягостное для народа, еще несноснѣе для государей, рожденныхъ съ правомъ властвовать. Сыновья Ярославовы, скитаясь въ сихъ мертвыхъ пустыняхъ, воспоминали плачевный конецъ отца своего и думали, что они также, можетъ быть, навѣки простились съ любезнымъ отечествомъ.

Въ отсутствіе Александра меньшій братъ его, Михаилъ Московскій, прозваніемъ Храбрый, изгналъ — какъ сказано въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ—дядю ихъ, Святослава, изъ Владиміра, но въ ту же зиму, воюя съ литвою, положилъ свою голову въ битвѣ. Тѣло его осталось на берегу Протвы; епископъ суздальскій, Кириллъ, ревностный блюститель княжеской чести, велѣлъ привезти оное въ Владиміръ и положилъ въ стѣнѣ храма соборнаго; а братья Михаиловы отмстили литовцамъ, разбивъ ихъ близъ Зубцова.

Г. 1248. Князь Московскій убитъ литвою.

Наконецъ Александръ и братъ его благополучно возвратились отъ великаго хана, который столь былъ доволенъ ими, что поручилъ Невскому всю южную Россію и Кіевъ, гдѣ господствовали чиновники Батыевы. Андрей же сѣлъ на престолѣ владимірскомъ; а дядя ихъ, Святославъ, безъ успѣха ѣздивъ жаловаться на то въ орду, чрезъ два года скончался въ Юрьевѣ Польскомъ. Удѣльные князья Владимірскіе зависѣли тогда въ особенности отъ Сартака и часто бывали въ его станѣ — какъ-то Борисъ Ростовскій и Глѣбъ Васильковичъ Бѣлозерскій,—ибо дряхлый Батый, отецъ Сартаковъ, хотя жилъ еще нѣсколько лѣтъ, но уже мало занимался дѣлами покоренной Россіи.

Г. 1249.

Г. 1250.

Дряхлость Батыева.

Въ сіе время герой Невскій, коего имя сдѣлалось извѣстно въ Европѣ, обратилъ на себя вниманіе Рима и получилъ отъ папы, Иннокентія IV, письмо, врученное ему, какъ сказано въ нашихъ лѣтописяхъ, двумя хитрыми кардиналами, Гальдомъ и Гемонтомъ. Иннокентій увѣрялъ Александра, что Ярославъ, отецъ его, находясь въ Татаріи у великаго хана, съ вѣдома или по совѣту какого-то боярина далъ слово монаху Карпину принять вѣру латинскую и, безъ сомнѣнія, исполнилъ-бы свое обѣщаніе, если-бы не скончался внезапно, уже присоединенный къ истинному стаду Христову; что сынъ обязанъ слѣдовать благому примѣру отца, если хочетъ душевнаго спасенія и мірскаго счастія, что въ против-

Посольство изъ Рима.

номъ случаѣ онъ доказалъ-бы свою безразсудность, не слушаясь Бога и римскаго его намѣстника; что князь и народъ россійскій найдутъ тишину и славу подъ сѣнію Западныя церкви; что Александръ долженъ, какъ вѣрный стражъ христіанъ, немедленно увѣдомить рыцарей Ливонскаго ордена, если моголы снова пойдутъ на Европу. Папа въ заключеніе хвалитъ Невскаго за то, что онъ не призналъ надъ собою власти хана: ибо Иннокентій еще не слыхалъ тогда о путешествіи сего князя въ орду. Александръ, призвавъ мудрыхъ людей, совѣтовался съ ними и написалъ къ папѣ: «мы знаемъ истинное ученіе церкви, а вашего не пріемлемъ и знать не хотимъ». Онъ, безъ сомнѣнія, не повѣрилъ клеветѣ на память отца его: самъ Карпинъ въ описаніи своего путешествія не говоритъ ни слова о мнимомъ обращеніи Ярослава.

г. 1251. Новогородцы встрѣтили Невскаго съ живѣйшею радостію: также и митрополита Кирилла, который прибылъ изъ Владиміра и, къ общему удовольствію, посвятилъ имъ архіепископа, Далмата. Внутреннее спокойствіе Новагорода было нарушено только случайнымъ недостаткомъ въ хлѣбѣ, пожарами и весьма опасною болѣзнію князя Александра, въ коей все государство принимало участіе, возлагая на него единственную свою надежду: ибо онъ, умѣвъ заслужить почтеніе моголовъ, разными средствами благотворилъ несчастнымъ согражданамъ и посылалъ въ орду множество золота для искупленія россіянъ, бывшихъ тамъ въ неволѣ. Богъ услышалъ искреннюю молитву народа, бояръ и духовенства: Александръ выздоровѣлъ и, желая оградить безопасностію сѣверную область Новогородскую, отправилъ посольство къ норвежскому королю Гакону въ Дронтгеймъ, предлагая ему, чтобы онъ запретилъ финмаркскимъ своимъ подданнымъ грабить нашу Лопь и Корелію. Посламъ россійскимъ велѣно было также узнать лично Гаконову дочь, именемъ Христину, на коей Александръ думалъ женить сына своего, Василія. Король норвежскій, согласный на то и другое, послалъ въ Новгородъ собственныхъ вельможъ, которые заключили миръ и возвратились къ Гакону съ богатыми дарами; но съ обѣихъ сторонъ желаемый бракъ не могъ тогда совершиться, ибо Александръ, свѣдавъ о новыхъ несчастіяхъ Владимірскаго княженія, отложилъ семейственное дѣло до иного, благопріятнѣйшаго времени и спѣшилъ въ орду, чтобы прекратить сіи бѣдствія.

г. 1251—52. Болѣзнь Александрова.

Посольство въ Норвегію.

Братъ его, Андрей, зять Даніила Галицкаго, хотя имѣлъ душу благородную, но умъ вѣтреный и неспособный отличать истинное величіе отъ ложнаго; княжа въ Владимірѣ, занимался болѣе звѣриною ловлею, нежели правленіемъ; слушался юныхъ совѣтниковъ

и, видя безпорядокъ, обыкновенно происходящій въ государствѣ отъ слабости государей, винилъ въ томъ не самого себя, не любимцевъ своихъ, а единственно несчастныя обстоятельства времени. Онъ не могъ избавить Россію отъ ига: по крайней мѣрѣ, слѣдуя примѣру отца и брата, могъ бы дѣятельнымъ, мудрымъ правленіемъ и благоразумною уклончивостію въ разсужденіи моголовъ облегчить судьбу подданныхъ: въ семъ состояло тогда истинное великодушіе. Но Андрей пылкій, гордый, положилъ, что лучше отказаться отъ престола, нежели сидѣть на немъ данникомъ Батыевымъ, и тайно бѣжалъ изъ Владиміра съ женою своею и съ боярами. Неврюй, Олабуга, прозваніемъ Храбрый, и Котья, воеводы татарскіе, уже шли въ сіе время наказать его за какое-то ослушаніе: настигнувъ Андрея у Переславля, разбили княжескую дружину и едва не схватили самого князя. Обрадованные случаемъ мстить россіянамъ какъ мятежникамъ, толпы неврюевы разсыпались по всѣмъ областямъ Владимірскимъ; брали скотъ, людей; убили въ Переславлѣ воеводу, супругу юнаго Ярослава Ярославича, плѣнили его дѣтей и съ добычею удалились.— Несчастный Андрей искалъ убѣжища въ Новѣгородѣ, но жители не хотѣли принять его. Онъ дождался своей княгини въ Псковѣ; оставилъ ее въ Колыванѣ или Ревелѣ у датчанъ и моремъ отправился въ Швецію, куда чрезъ нѣкоторое время пріѣхала къ нему и супруга. Но добродушная ласка шведовъ не могла утѣшить его въ семъ произвольномъ изгнаніи; отечество и престолъ не замѣняются дружелюбіемъ иноземцевъ.

Бѣгство Андреево.

Г. 1252, іюля 24.

Александръ благоразумными представленіями смирилъ гнѣвъ Сартака на россіянъ и, признанный въ ордѣ великимъ княземъ, съ торжествомъ въѣхалъ въ Владиміръ. Митрополитъ Кириллъ, игумены, священники встрѣтили его у Золотыхъ воротъ: также всѣ граждане и бояре подъ начальствомъ тысячскаго столицы, Романа Михайловича. Радость была общая. Александръ спѣшилъ оправдать ее неусыпнымъ попеченіемъ о народномъ благѣ и скоро воцарилось спокойствіе въ великомъ княженіи: люди, испуганные нашествіемъ Неврюя, возвратились въ домы, земледѣльцы къ плугу и священники къ алтарямъ.—Въ сіе время татары отпустили отъ себя Рязанскаго князя, Олега Ингварича, который, долгое время страдавъ въ неволѣ, чрезъ 6 лѣтъ умеръ въ отчизнѣ монахомъ и схимникомъ. Сынъ его, Романъ, наслѣдовалъ престолъ рязанскій.

Благоразуміе Александра.

Выѣхавъ изъ Новагорода, Александръ оставилъ тамъ сына своего, Василія, который счастливо отразилъ литовцевъ. Псковъ, внезапно осажденный ливонскими рыцарями, защищался мужественно. Непріятель отступилъ, свѣдавъ, что идутъ новогородцы; а россіяне и корела, опустошивъ

Г. 1253.

часть Ливоніи, въ окрестностяхъ Наровы разбили нѣмцевъ, такимъ образомъ наказанныхъ за нарушеніе мира и принужденныхъ согласиться на всѣ требованія побѣдителей.

Между тѣмъ какъ великій князь радовался успѣхамъ оружія новогородскаго, онъ былъ изумленъ нечаяннымъ извѣстіемъ, что сынъ его, Василій, съ безчестіемъ изгнанъ оттуда и пріѣхалъ въ Торжекъ. За годъ до сего времени братъ Невскаго, Ярославъ, княживъ въ Твери, по какимъ-то неудовольствіямъ выѣхалъ оттуда съ боярами, сдѣлался княземъ Псковскимъ и разными хитростями преклонилъ къ себѣ новогородцевъ. Они стали жаловаться на Василія, хотѣли послать архіепископа съ челобитьемъ къ Александру и вдругъ, забывъ благодѣянія Невскаго героя, объявили Ярослава своимъ правителемъ. Великій князь, огорченный поступкомъ брата и народа, ему любезнаго, вооружился, въ надеждѣ смирить ихъ безъ кровопролитія. Ярославъ, не посмѣвъ обнажить меча, скрылся; но граждане, призывая имя Богоматери, клялися на вѣчѣ умереть другъ за друга и стали полками на улицахъ. Впрочемъ, не всѣ дѣйствовали единодушно: многіе бояре думали единственно о личныхъ выгодахъ: они желали торговаться съ великимъ княземъ, чтобы предать ему народъ. Въ числѣ ихъ былъ нѣкто Михалко, гражданинъ властолюбивый, который, лаская посадника Ананію, тайно намѣревался заступить его мѣсто и бѣжалъ въ Георгіевскій монастырь, велѣвъ собраться тамъ своимъ многочисленнымъ единомышленникамъ. Граждане устремились за нимъ въ погоню; кричали: «онъ измѣнникъ! убьемъ злодѣя!» Но посадникъ, не зная Михалкова умыслу, спасъ сего мнимаго друга и говорилъ имъ съ твердостію: «у б е й т е п р е ж д е м е н я с а м о г о!» Въ благодарность за такую услугу Михалко, встрѣтивъ Александра, описалъ ему Ананію какъ перваго мятежника, и посолъ великаго князя, пріѣхавъ въ Новгородъ, объявилъ жителямъ на вѣчѣ, чтобы они выдали ему посадника, или разгнѣванный государь будетъ ихъ непріятелемъ. Народъ отправилъ къ Александру Далмата архіепископа и Клима тысячскаго. «Новгородъ любитъ тебя и не хочетъ противиться своему законному князю», — говорили ему сіи послы:—«иди къ намъ съ Богомъ, но безъ гнѣва и не слушайся нашихъ измѣнниковъ. Ананія есть добрый гражданинъ». Александръ, отвергнувъ всѣ ихъ убѣжденія, требовалъ головы посадника. Въ подобныхъ случаяхъ новогородцы стыдились казаться малодушными. «Нѣтъ»,—говорилъ народъ:—«если князь вѣритъ новогородскимъ клятвопреступникамъ болѣе, нежели Новугороду, то Богъ и святая Софія не оставятъ насъ. Не винимъ Александра, но будемъ тверды». Они три дни стояли вооруженные. Наконецъ князь велѣлъ объявить имъ, что онъ удовольствуется смѣною посадника. Тогда

г. 1255.

Вѣтреность новогородцевъ.

Ананія съ радостію отказался отъ своего верховнаго сана, а коварный Михалко принялъ начальство. Александръ вступилъ въ Новгородъ, давъ слово не стѣснять правъ народныхъ, и съ честію возвратился въ столицу владимірскую.

Скоро шведы, финны и нѣмцы явились на берегахъ Наровы и заложили тамъ городъ. Встревоженные новогородцы послали гонцовъ къ Александру и въ свои области для собранія людей ратныхъ. Хотя опасность миновалась—ибо шведы ушли, не устроивъ крѣпости—но великій князь, немедленно прибывъ въ Новгородъ съ митрополитомъ Кирилломъ, велѣлъ полкамъ изготовиться къ важному предпріятію, не сказывая ничего болѣе. Только у Копорья, гдѣ митрополитъ далъ Невскому благословеніе на путь, свѣдали воины, что они идутъ въ Финляндію: устрашенные дальнимъ зимнимъ походомъ, многіе новогородцы возвратились домой; прочіе сносили терпѣливо ужасныя вьюги и мятели. Погибло множество людей; однакожъ россіяне достигли своей цѣли, то есть опустошили знатную часть Финляндіи, гдѣ, по сказанію шведскихъ историковъ, нѣкоторые жители держали нашу сторону, недовольные правленіемъ шведовъ и насильственными ихъ поступками. Г. 1256.

Поручивъ Новгородъ сыну своему Василію, Александръ долженствовалъ снова ѣхать въ орду, гдѣ произошла тогда великая перемѣна. Батый умеръ: сынъ его—вѣроятно Сартакъ — хотѣлъ господствовать надъ татарами, но былъ жертвою властолюбиваго дяди, именемъ Берки, который, умертвивъ племянника, согласно съ волею великаго хана, объявилъ себя преемникомъ Батыевымъ и ввѣрилъ дѣла россійскія своему намѣстнику Улавчію. Сей вельможа принималъ нашихъ князей и дары ихъ: къ нему явился Александръ съ Борисомъ Васильковичемъ и братомъ Андреемъ (ибо сей послѣдній уже возвратился тогда въ отечество и жилъ въ Суздалѣ). Вѣроятно, что они, свѣдавъ намѣреніе татаръ обложить сѣверную Россію, подобно Кіевскому и Черниговскому княженію, опредѣленною данію по числу людей, желали отвратить сію тягость, но тщетно: вслѣдъ за ними пріѣхали чиновники татарскіе въ область Суздальскую, Рязанскую, Муромскую, сочли жителей и поставили надъ ними десятниковъ, сотниковъ, темниковъ для собранія налоговъ, увольняя отъ сей общей дани только церковниковъ и монаховъ. Хитрость, достойная замѣчанія. Моголы, вступивъ въ наше отечество, съ равною свирѣпостію лили кровь и мирянъ, и духовныхъ, ибо не думали жить близь его предѣловъ и, страшась оставить за собою многочисленныхъ враговъ, хотѣли мимоходомъ истребить всѣхъ людей, но обстоятельства перемѣнились. Орда Батыева расположилась навсегда кочевать

Смерть Батыева.

Г. 1257.

Исчисленіе жителей въ Россіи.

въ привольныхъ окрестностяхъ Волги и Дона: ханъ ея для своихъ выгодъ долженъ былъ въ нѣкоторомъ смыслѣ щадить подданную ему Россію, богатую естественными и для самыхъ варваровъ нужными произведеніями; узнавъ же власть духовенства надъ совѣстію людей, вообще усердныхъ къ вѣрѣ, моголы старались задобрить его, чтобы оно не возбуждало россіянъ противоборствовать игу татарскому и чтобы ханъ тѣмъ спокойнѣе могъ повелѣвать нами. Изъявляя уваженіе къ духовенству, сіи завоеватели хотѣли доказать, что они не суть враги Бога русскаго, какъ думалъ народъ. — Въ одно время съ Александромъ возвратился изъ орды Глѣбъ Васильковичъ: сей князь Бѣлозерскій ѣздилъ къ великому хану и тамъ женился, безъ сомнѣнія, на какой нибудь могольской христіанкѣ, ибо самыя жены хановъ явно исповѣдывали вѣру Спасителеву. Онъ надѣялся симъ брачнымъ союзомъ доставить нѣкоторыя выгоды своему утѣсненному отечеству.

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ великій князь вторично ѣздилъ къ Улавчію съ Борисомъ Ростовскимъ, съ Андреемъ
г. 1257—58. Суздальскимъ и Ярославомъ Тверскимъ (который, признавъ вину свою, уже снова пользовался искреннею дружбою Александра). Намѣстникъ ханскій требовалъ, чтобы Новгородъ также платилъ дань поголовную: герой Невскій, нѣкогда ревностный поборникъ новогородской чести и вольности, долженъ былъ съ горестію взять на себя дѣло столь непріятное и склонить къ рабству народъ гордый, пылкій, который все еще славился своею исключительною независимостію. Вмѣстѣ съ татарскими чиновниками и съ князьями, Андреемъ и Борисомъ, Александръ поѣхалъ въ Новгородъ, гдѣ жители, свѣдавъ о его намѣреніи, пришли въ ужасъ. Напрасно говорили нѣкоторые и посадникъ Михалко, что воля сильныхъ есть законъ для благоразумія слабыхъ и что сопротивленіе безполезно: народъ отвѣтствовалъ грознымъ воплемъ, умертвилъ посадника и выбралъ другого. Самъ юный князь Василій, по внушенію своихъ бояръ, уѣхалъ изъ Новагорода во Псковъ, объявивъ, что не хочетъ повиноваться отцу, везущему съ собой оковы и стыдъ для людей вольныхъ. Въ семъ расположеніи Александръ нашелъ большую часть гражданъ и не могъ ничѣмъ перемѣнить его: они рѣшительно отказались отъ дани, но отпустили могольскихъ чиновниковъ съ дарами, говоря, что желаютъ быть въ мирѣ съ ханомъ, однакожъ свободными отъ ига рабскаго.

Великій князь, негодуя на ослушнаго сына, велѣлъ схватить его во Псковѣ и подъ стражею отвезти въ суздаль-
Казнь бояръ. скую землю; а бояръ, наставниковъ Василіевыхъ, казнилъ безъ милосердія. Нѣкоторые были ослѣплены, другимъ обрѣзали носъ: казнь жестокая; но современники признавали ее

справедливою и самый народъ считалъ ихъ виновными, ибо они возмутили сына противъ отца: столь власть родительская казалась священною.

Александръ остался въ Новѣгородѣ и, предвидя, что ханъ не удовольствуется дарами, ждалъ слѣдствій непріятныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, пришло извѣстіе изъ Владиміра, что войско ханово уже готово идти къ Новугороду. Сія вѣсть, впрочемъ ложная, имѣла такое дѣйствіе въ народѣ, что онъ на все согласился и великій князь увѣдомилъ моголовъ о его покорности. Чиновники ихъ, Беркай и Касачикъ, съ женами и со многими товарищами, явились на берегахъ Волхова для переписи людей и начали было уже собирать дань въ окрестностяхъ столицы, но столь наглымъ и для бѣдныхъ утѣснительнымъ образомъ, что граждане, свѣдавъ о томъ, вдругъ перемѣнили мысли. Сдѣлалось волненіе: чиновники могольскіе требовали стражи для своей безопасности. Александръ приставилъ къ нимъ посадникова сына и боярскихъ дѣтей, чтобы они днемъ и ночью стерегли ихъ домы. Мятежъ не утихалъ. Бояре совѣтовали народу исполнить волю княжескую, а народъ не хотѣлъ слышать о дани и собирался вокругъ софійской церкви, желая умереть за честь и свободу: ибо разнесся слухъ, что татары и сообщники ихъ намѣрены съ двухъ сторонъ ударить на городъ. Наконецъ Александръ прибѣгнулъ къ послѣднему средству: выѣхалъ изъ дворца съ могольскими чиновниками, объявивъ, что онъ предаетъ мятежныхъ гражданъ гнѣву хана и несчастной судьбѣ ихъ, навсегда разстается съ ними и ѣдетъ въ Владиміръ. Народъ поколебался: бояре воспользовались симъ расположеніемъ, чтобы склонить его упорную выю подъ ненавистное ему иго, дѣйствуя, какъ говоритъ лѣтописецъ, согласно съ своими личными выгодами. Дань поголовная, требуемая моголами, угнетала скудныхъ, а не богатыхъ людей, будучи для всѣхъ равная; бѣдствіе же войны отчаянной страшило послѣднихъ гораздо болѣе, нежели первыхъ. И такъ, народъ покорился, съ условіемъ, кажется, не имѣть дѣла съ баскаками и доставлять опредѣленное количество серебра прямо въ орду или чрезъ великихъ князей.— Моголы ѣздили изъ улицы въ улицу, переписывая домы: безмолвіе и скорбь царствовали въ городѣ. Бояре еще могли утѣшаться своею знатностію и роскошнымъ избыткомъ: добрые, простые граждане, утративъ народную честь, лишились своего лучшаго достоянія.—Вельможи татарскіе, распорядивъ налоги, удалились. Александръ поручилъ Новгородъ сыну Димитрію и возвратился въ великое княженіе черезъ Ростовъ, гдѣ вдовствующая супруга Василькова, Марія, князь Борисъ и Глѣбъ угостили его съ любовію; но сей государь великодушный могъ ли быть счастливъ и веселъ въ тогдашнихъ обстоятельствахъ Россіи?

Г. 1259.

Отечество наше рабствовало отъ Днѣстра до Ильменя. Даніилъ Галицкій, будучи смѣлѣе Александра, тщетно думалъ по смерти Батыя избавиться отъ власти моголовъ. Дѣятельностію ума необыкновеннаго возстановивъ свое княженіе и загладивъ въ немъ слѣды татарскаго опустошенія, онъ бралъ участіе въ дѣлахъ Европы и два раза ходилъ помогать Белѣ венгерскому, непріятелю императора Фридерика и короля богемскаго. (Венгры, по словамъ лѣтописца, удивлялись стройности полковъ россійскихъ, ихъ татарскому оружію и пышности самого князя, его богатой одеждѣ греческой, обшитой золотыми кружевами,—саблѣ, стрѣламъ, сѣдлу, окованнымъ драгоцѣнными металлами съ блестящею рѣзьбою). Сія вражда была за области умершаго герцога австрійскаго, Фридерика: Бела, императоръ и король богемскій хотѣли овладѣть ими. Первый объявилъ себя защитникомъ дочери Фридериковой, именемъ Гертруды, уступившей ему свои наслѣдственныя права; женилъ на ней Даніилова сына, Романа; отправилъ ихъ въ Юденбургъ и клялся Гертрудѣ отдать ей Австрію и Стирію, какъ скоро завоюетъ оныя. Тѣмъ усерднѣе Даніилъ доброжелательствовалъ королю венгерскому; не смотря на глазную болѣзнь, которая мѣшала ему видѣть, выступилъ въ поле съ краковскимъ герцогомъ, разорилъ Богемскую Силезію, взялъ Носсельтъ, выжегъ окрестности Троппавскія и возвратился, довольный мыслію, что никто изъ древнихъ героевъ россійскихъ, ни св. Владиміръ, ни великій отецъ его, не воевалъ столь далеко въ землѣ нѣмецкой. Хотя Бела не исполнилъ даннаго Гертрудѣ слова и даже не защитилъ ея супруга, осажденнаго богемскимъ принцемъ въ Юденбургѣ (такъ что Романъ, оставивъ беременную жену, принужденъ былъ уйти къ отцу), но Даніилъ остался другомъ венгровъ.—Счастливыя войны съ ятвягами и съ литвою болѣе и болѣе прославляли мужество сего князя. Первые, не находя безопасности и за своими лѣсистыми болотами, согласились платить ему дань черными куницами и серебромъ. Въ Литвѣ господствовалъ тогда славный Миндовгъ, баснословно производимый нѣкоторыми лѣтописцами отъ племени римлянъ, а другими отъ нашихъ князей полоцкихъ. Онъ жилъ въ Керновѣ, повелѣвалъ всѣми иными князьками литовскими и, грабя сосѣдственныя земли христіанскія, искалъ пріязни одного Даніила, который женился вторымъ бракомъ на его племянницѣ. Нѣсколько времени бывъ друзьями, они сдѣлались непріятелями. Миндовгъ, опасаясь честолюбивыхъ братьевъ Данііловой супруги, Товтивила и Эдивида, велѣлъ имъ воевать Смоленскую область, но въ то же время замышлялъ ихъ убить. Племянники свѣдали и бѣжали въ Владиміръ Волынскій. Обрадованный случаемъ унизить гордость Миндовга, Даніилъ представилъ ляхамъ и рижскимъ нѣм-

Покушеніе Даніилово свергнуть иго.

цамъ, что междоусобіе князей литовскихъ есть счастіе для христіанъ и что надобно онымъ воспользоваться. Нѣмцы, дѣйствительно, вооружились; россіяне также: самые ятвяги и жмудь, въ угодность имъ, возстали на Литву. Даніилъ завоевалъ Гродно и другія мѣста литовскія, но скоро нѣмцы измѣнили, отчасти подкупленные Миндовгомъ, отчасти имъ обманутые: ибо сей хитрый язычникъ, видя бѣду, принялъ вѣру латинскую и заслужилъ покровительство легкомысленнаго папы, Александра IV, давшаго ему санъ королевскій. Чрезъ два года увидѣли обманъ: Миндовгъ, въ крайности уступивъ Даніилову сыну, Роману, Новогродокъ, Слонимъ, Волковискъ и выдавъ дочь свою за его меньшого брата, именемъ Шварна, отдохнувъ и собравъ силы, снова обратился къ идолослуженію и къ разбоямъ, гибельнымъ для рижскаго ордена, Мазовіи, смоленскихъ, черниговскихъ, даже новогородскихъ областей.

Въ сіе время Даніилъ, ободряемый королемъ венгерскимъ, ляхами и собственными успѣхами воинскими, дерзнулъ объявить себя врагомъ моголовъ. Они вступили въ Понизье и заняли Бакоту: юный Левъ Даніиловичъ, выгнавъ ихъ оттуда, плѣнилъ баскака ханскаго. Темникъ Батыевъ, Куремса, не могъ взять Кременца и, сильно убѣждаемый Изяславомъ Владиміровичемъ (внукомъ Игоря Сѣверскаго) идти къ Галичу, отвѣтствовалъ: «Даніилъ страшенъ!» Вся южная Россія съ безпокойствомъ ждала слѣдствій; а мужественный Даніилъ, плѣнивъ Изяслава и пользуясь изумленіемъ татаръ, отнялъ у нихъ города между рѣками Бугомъ и Тетеревомъ, гдѣ баскаки господствовали какъ въ своихъ улусахъ. Онъ хотѣлъ даже освободить и Кіевъ, но возвратился съ пути, чтобы защитить Луцкую область, разоряемую литовцами, мнимыми его союзниками. Уже Даніилъ веселился мыслію о совершенной независимости, когда новыя безчисленныя толпы моголовъ, ведомыя свирѣпымъ Бурондаемъ, преемникомъ слабаго Куремсы, явились на границахъ Литвы и Россіи. «Желаю знать, другъ ли ты хану или врагъ?» сказали королю галицкому послы Бурондаевы: «если другъ, то иди съ нами воевать Литву». Даніилъ колебался, видѣлъ превосходство силъ татарскихъ, медлилъ и, наконецъ, послалъ Василька къ Бурондаю съ дружиною и съ ласковыми словами, которыя сперва имѣли счастливое дѣйствіе. Сонмы моголовъ устремились на Литву, дотолѣ имъ неизвѣстную; одни дремучіе лѣса и вязкія болота могли спасти жителей; города и веси исчезли. Ятвяги испытали то же бѣдствіе. Хваля мужество, оказанное братомъ Даніиловымъ въ разныхъ сшибкахъ, Бурондай отпустилъ его въ Владиміръ. Прошло два года въ тишинѣ и спокойствіи для юго-западной Россіи. Даніилъ, именуя себя другомъ ханскимъ, строилъ, укрѣплялъ города и не преставалъ надѣяться, что державы сосѣдственныя

рано или поздно увидятъ необходимость дѣйствовать общими силами противъ варваровъ; но Бурондай открылъ глаза и, вступивъ въ область Галицкую, далъ знать ея королю, чтобы онъ явился въ его станѣ какъ смиренный данникъ, или ждалъ казни. Даніилъ послалъ къ нему брата, сына, холмскаго епископа Іоанна и дары. «Хотите ли увѣрить насъ въ искренней покорности?»— говорилъ темникъ хановъ: — «разберите или предайте огню стѣны крѣпостей вашихъ; сравняйте ихъ окопы съ землею». Василько и Левъ не смѣли ослушаться: города Даниловъ, Стожекъ, Кременецъ, Луцкъ, Львовъ, незадолго до того времени основанный и названный именемъ старшаго сына Даніилова, обратились въ села, бывъ лишены своихъ укрѣпленій, ненавистныхъ татарамъ. Бурондай веселился, смотря на пылающія стѣны и башни владимірскія; хвалилъ повиновеніе Василька и, въ знакъ особеннаго удовольствія нѣсколько дней пировавъ въ его дворцѣ, пошелъ къ Холму, откуда горестный Даніилъ уѣхалъ въ Венгрію. Провидѣніе вторично спасло сей городъ хитростію Василька, который, будучи посланъ съ двумя мурзами (знавшими русскій языкъ), чтобы склонить жителей къ сдачѣ, взялъ въ руку камень и, сказавъ: «не велю вамъ обороняться», кинулъ его на землю. Воевода холмскій угадалъ мысль князя и съ притворнымъ гнѣвомъ отвѣтствовалъ ему: «удалися; ты врагъ государя нашего». Василько, дѣйствительно, хотѣлъ, чтобы жители сопротивлялись, имѣя лучшихъ ратниковъ, укрѣпленія надежныя и много самострѣловъ; а татары, не любя долговременныхъ, кровопролитныхъ осадъ, чрезъ нѣсколько дней отступили, чтобы воевать Польшу, гдѣ Василько и Левъ служили имъ невольнымъ орудіемъ въ злодѣйствахъ. Такъ сіи князья уговорили сендомирскаго начальника сдаться, обѣщая ему и гражданамъ безопасность; но съ горестію должны были видѣть, что моголы, въ противность условію, рѣзали и топили народъ въ Вислѣ. Наконецъ Бурондай возвратился къ берегамъ Днѣпра, съ угрозою, что области Волынская и Галицкая снова будутъ пепломъ, если ихъ князья не захотятъ мирно рабствовать и платить дани хану.

Слѣдственно важныя усилія и хитрости Даніиловы остались безполезными. Онъ не нашелъ помощи ни въ Краковѣ, ни въ Венгріи, къ единственному утѣшенію своему свѣдавъ на пути, что Василько побѣдилъ Миндовга, слабаго противъ моголовъ, но ужаснаго для сосѣдственныхъ образованныхъ государствъ. Какъ скоро Бурондай удалился, хищные литовцы опустошили Мазовію, убили ея князя Самовита и впали въ наше владѣніе близъ Камена, предводимые какимъ-то измѣнникомъ, бояриномъ рязанскимъ, Евстафіемъ. Василько, разбивъ ихъ на берегахъ озера Невельскаго, послалъ къ брату множество трофеевъ, коней осѣдланныхъ, щитовъ, шлемовъ и копій литовскихъ.

Мы описали здѣсь случаи нѣсколькихъ лѣтъ относительно къ юго-западной Россіи, которая со временъ Батыева нашествія отдѣлилась отъ сѣверной, имѣя особенную систему государственную, связанную съ дѣлами Венгріи, Польши и Нѣмецкаго ордена гораздо болѣе, нежели съ суздальскими или новогородскими. Послѣднія для насъ важнѣе: ибо тамъ рѣшилась судьба нашего отечества.

Александръ Невскій, по возвращеніи своемъ въ Владиміръ, терпѣливо сносилъ бремя жестокой зависимости, которое болѣе и болѣе отягощало народъ. Господство моголовъ въ Россіи открыло туда путь многимъ купцамъ бесерменскимъ, харазскимъ или хивинскимъ, издревле опытнымъ въ торговлѣ и хитростяхъ корыстолюбія: сіи люди откупали у татаръ дань нашихъ княженій, брали неумѣренные росты съ бѣдныхъ людей и въ случаѣ неплатежа, объявляя должниковъ своими рабами, отводили ихъ въ неволю. Жители Владиміра, Суздаля, Ростова вышли, наконецъ, изъ терпѣнія и единодушно возстали, при звукѣ вѣчевыхъ колоколовъ, на сихъ злыхъ лихоимцевъ: нѣкоторыхъ убили, а прочихъ выгнали. То же сдѣлалось и въ другихъ городахъ сѣверной Россіи. Въ Ярославлѣ народъ умертвилъ какого-то злочестиваго отступника, именемъ Зосиму, бывшаго монаха, который, принявъ вѣру магометанскую въ Татаріи, хвалился милостію новаго великаго хана Кублая и ругался надъ святынею христіанства; тѣло его бросили псамъ на снѣденіе. Въ Устюгѣ находился тогда могольскій чиновникъ Буга: собирая дань съ жителей, онъ силою взялъ себѣ въ наложницы дочь одного гражданина, именемъ Марію, но умѣлъ снискать ея любовь и, свѣдавъ отъ нея, что устюжане хотятъ лишить его жизни, объявилъ желаніе креститься. Народъ простилъ ему свои обиды; а Буга, названный въ христіанствѣ Іоанномъ, изъ благодарности женился на Маріи. Сей человѣкъ добродѣтелями и набожностію пріобрѣлъ всеобщую любовь и память его еще хранится въ Устюгѣ: тамъ показываютъ мѣсто, на коемъ онъ, забавляясь соколиною охотою, вздумалъ построить церковь Іоанна Предтечи, и которое донынѣ именуется Сокольею горою.

Откупщики бесерменскіе.

Г. 1262.

Сіи происшествія должны были имѣть слѣдствіе весьма несчастное: россіяне, наказавъ лихоимцевъ харазскихъ, озлобили татаръ, ихъ покровителей. Правительство не могло или не хотѣло удержать народа: то и другое обвиняло Александра въ глазахъ хановыхъ, и великій князь рѣшился ѣхать въ орду съ оправданіемъ и съ дарами. Лѣтописцы сказываютъ другую причину его путешествія: моголы незадолго до того времени требовали вспомогательнаго войска отъ Александра: онъ хотѣлъ избавиться отъ сей тягостной обязанности, чтобы бѣдные россіяне,

по крайней мѣрѣ, не проливали крови своей за невѣрныхъ.— Уже готовый къ отъѣзду, Александръ послалъ дружину въ Новгородъ и велѣлъ Димитрію идти на ливонскихъ рыцарей. Сей юный князь взялъ приступомъ Дерптъ, укрѣпленный тремя стѣнами, истребилъ жителей и возвратился, обремененный добычею. Кромѣ многихъ новогородцевъ, съ нимъ ходили Ярославъ Тверскій, Константинъ, зять Александровъ (сынъ Ростислава Смоленскаго) и князь литовскій Товтивилъ, племянникъ Миндовговъ, который принялъ вѣру христіанскую и господствовалъ въ Полоцкѣ, или завоевавъ его, или—что гораздо вѣроятнѣе—будучи добровольно признанъ жителями по смерти Брячислава, тестя Александрова: ибо Товтивилъ имѣлъ славу добраго князя. Съ помощію Даніила Галицкаго и ливонскихъ рыцарей онъ утвердилъ оружіемъ свою независимость отъ дяди и жилъ мирно съ россіянами.

Александръ нашелъ хана Берку въ волжскомъ городѣ Сараѣ. Сей Батыевъ преемникъ любилъ искусства и науки; ласкалъ ученыхъ, художниковъ; украсилъ новыми зданіями свою капчакскую столицу и позволилъ россіянамъ, въ ней обитавшимъ, свободно отправлять христіанское богослуженіе, такъ что митрополитъ Кириллъ (въ 1261 году) учредилъ для нихъ особенную епархію подъ именемъ сарской, съ коею соединили послѣ епископію южнаго Переяславля. Великій князь успѣлъ въ своемъ дѣлѣ, оправдавъ изгнаніе бесермeновъ изъ городовъ суздальскихъ. Ханъ согласился также не требовать отъ насъ войска, но продержалъ Невскаго въ ордѣ всю зиму и лѣто. Осенью Александръ, уже слабый здоровьемъ, возвратился въ Нижній Новгородъ и, пріѣхавъ оттуда въ Городецъ, занемогъ тяжкою болѣзнію, которая пресѣкла его жизнь 14 ноября. Истощивъ силы душевныя и тѣлесныя въ ревностномъ служеніи отечеству, предъ концомъ своимъ онъ думалъ уже единственно о Богѣ: постригся, принялъ схиму и, слыша горестный плачъ вокругъ себя, тихимъ голосомъ, но еще съ изъявленіемъ нѣжной чувствительности, сказалъ добрымъ слугамъ: «удалитесь и не сокрушайте души моей жалостію!» Они всѣ готовы были лечь съ нимъ во гробъ, любивъ его всегда—по собственному выраженію одного изъ нихъ—гораздо болѣе, нежели отца родного. Митрополитъ Кириллъ жилъ тогда въ Владимірѣ: свѣдавъ о кончинѣ великаго князя, онъ въ собраніи духовенства воскликнулъ: «солнце отечества закатилось!» Никто не понялъ сей рѣчи. Митрополитъ долго безмолвствовалъ, залился слезами и сказалъ: «не стало Александра!» Всѣ оцѣпенѣли отъ ужаса: ибо Невскій казался необходимымъ для государства и по лѣтамъ своимъ могъ бы жить еще долгое время. Духовенство, бояре, народъ въ глу-

Г. 1263.

Кончина и добродѣтели Александровы.

бокой скорби повторяли одно слово: «погибаемъ!»... Тѣло великаго князя уже везли въ столицу: не смотря на жестокій зимній холодъ, митрополитъ, князья, всѣ жители Владиміра шли навстрѣчу ко гробу до Боголюбова; не было человѣка, который бы не плакалъ и не рыдалъ; всякому хотѣлось облобызать мертваго и сказать ему, какъ живому, чего Россія въ немъ лишилась. Что можетъ прибавить судъ историка, въ похвалу Александра, къ сему простому описанію народной горести, основанному на извѣстіяхъ очевидцевъ? Добрые россіяне включили Невскаго въ ликъ своихъ ангеловъ хранителей и въ теченіе вѣковъ приписывали ему, какъ новому небесному заступнику отечества, разные благопріятные для Россіи случаи: столь потомство вѣрило мнѣнію и чувству современниковъ въ разсужденіи сего князя! Имя Святого, ему данное, гораздо выразительнѣе Великаго: ибо Великими называютъ обыкновенно счастливыхъ: Александръ же могъ добродѣтелями своими только облегчать жестокую судьбу Россіи и подданные, ревностно славя его память, доказали, что народъ иногда справедливо цѣнитъ достоинства государей и не всегда полагаетъ ихъ во внѣшнемъ блескѣ государства. Самые легкомысленные новогородцы, неохотно уступивъ Александру нѣкоторыя права и вольности, единодушно молили Бога за усопшаго князя, говоря, что «онъ много потрудился за Новгородъ и за всю землю «русскую». Тѣло Александрово было погребено въ монастырѣ Рождества Богоматери (именуемомъ тогда Великою Архимандритіею), гдѣ и покоилось до самаго XVIII вѣка, когда государь Петръ I вздумалъ перенести сіи останки безсмертнаго князя на берега Невы, какъ бы посвящая ему новую свою столицу и желая тѣмъ утвердить ея знаменитое событіе. Ноября 23.

По кончинѣ первыя супруги, именемъ Александры, дочери Полоцкаго князя Брячислава, Невскій сочетался вторымъ бракомъ съ неизвѣстною для насъ княжною Вассою, коей тѣло лежитъ въ Успенскомъ монастырѣ Владимірскомъ, въ церкви Рождества Христова, гдѣ погребена и дочь его Евдокія.

Слава Александрова, по свидѣтельству нашихъ Родословныхъ Книгъ, привлекла къ нему изъ чужихъ земель—особенно изъ Германіи и Пруссіи—многихъ именитыхъ людей, которыхъ потомство до нынѣ существуетъ въ Россіи и служитъ государству въ первѣйшихъ должностяхъ воинскихъ или гражданскихъ. Выходцы изъ чужихъ земель.

Въ княженіе Невскаго начались въ волжской или капчакской ордѣ несогласія, бывшія предвѣстіемъ ея паденія. Ногай, одинъ изъ главныхъ воеводъ татарскихъ, надменный могуществомъ, не захотѣлъ повиноваться хану, сдѣлался въ окрестностяхъ Чернаго моря владѣтелемъ не- Мятежи въ ордѣ.

зависимымъ и заключилъ союзъ съ Михаиломъ Палеологомъ, императоромъ греческимъ, который въ 1261 году, къ общему удовольствію россіянъ, взявъ Царьградъ и возстановивъ древнюю монархію Византійскую, не устыдился выдать побочную свою дочь, Евфросинію, за сего мятежника. Отъ имени Ногая произошло, какъ вѣроятно, названіе татаръ ногайскихъ, нынѣ подданныхъ Россіи. — Не смотря на внутреннее неустройство, моголы болѣе и болѣе распространяли свои завоеванія и чрезъ Казанскую Болгарію дошли до сомой Перми, откуда многіе жители, ими утѣсненные, бѣжали въ Норвегію, гдѣ король Гаконъ обратилъ ихъ въ вѣру христіанскую и далъ имъ земли для поселенія.

25 47/175

ГЛАВА IV.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ЯРОСЛАВЪ ЯРОСЛАВОВИЧЪ.

100/175

Г. 1263—1272.

Древнѣйшая грамота новогородская.—Бракъ Ярославовъ.—Мятежи въ Литвѣ.—Война въ Ливоніи.—Баскаки.—Упреки великому князю.—Миръ новогородцевъ съ Ярославомъ.—Татары принимаютъ вѣру Магометову. — Кончина Ярослава. — Перемѣны въ удѣлахъ.—Князь Ѳеодоръ зять хановъ.— Смерть и добродѣтели короля Даніила. — Происшествія въ Западной Россіи.—Основаніе Кафы.—Городъ Крымъ.

Андрей Ярославовичъ долженъ былъ наслѣдовать престолъ владимірскій; но какъ онъ умеръ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ по кончинѣ Невскаго, то братъ ихъ, Ярославъ Тверскій, сдѣлался великимъ княземъ. Новогородцы также признали его своимъ начальникомъ, выгнавъ юнаго Димитрія Александровича за его малолѣтство; но хотѣли, чтобы Ярославъ далъ клятву въ вѣрномъ соблюденіи условій. Мы имѣемъ подлинникъ сего торжественнаго договора, писаннаго отъ имени архіепископа, Михаила, посадника, тысячскаго Кодрата и всего Новагорода, отъ старѣйшихъ и меньшихъ. Тамъ сказано: «Князь Ярославъ! требуемъ, чтобы ты, подобно предкамъ твоимъ и родителю, утвердилъ крестнымъ цѣлованіемъ священный обѣтъ правитъ Новымгородомъ по обыкновенію, брать одни дары съ нашихъ областей, поручать оные только новогородскимъ, а не княжескимъ чиновникамъ, не избирать ихъ безъ согласія посадника и безъ вины не смѣнять тѣхъ, которые опредѣлены братомъ твоимъ Александромъ, сыномъ его Димитріемъ и новогородцами. Въ Торжкѣ и Волокѣ будутъ княжескіе и наши тіуны (или судіи): первые въ твоей части, вторые въ Новогородской; а въ Бѣжицахъ

Г. 1264.

Древнѣйшая грамота новогородская.

ни тебѣ, ни княгинѣ, ни боярамъ, ни дворянамъ твоимъ селъ не имѣть, не покупать и не принимать въ даръ, равно какъ и въ другихъ владѣніяхъ Новагорода: въ Волокѣ, Торжкѣ, и проч.; также въ Вологдѣ, Заволочьѣ, Колѣ, Перми, Печерѣ, Югрѣ. Въ Русу можешь ты, князь, ѣздить осенью, не лѣтомъ; а въ Ладогу посылай своего рыбника и медовара по грамотѣ отца твоего, Ярослава. Димитрій и новогородцы дали бѣжичанамъ и обонежцамъ на три года право судиться собственнымъ ихъ судомъ: не нарушай сего временнаго устава и не посылай къ нимъ судей. Не выводи народа въ свою землю изъ областей нашихъ, ни принужденно, ни волею. Княгиня, бояре и дворяне твои не должны брать людей въ залогъ по долгамъ, ни купцовъ, ни земледѣльцевъ. Отведемъ сѣнные покосы для тебя и бояръ твоихъ, но не требуй отнятыхъ у насъ княземъ Александромъ и вообще не подражай ему въ дѣйствіяхъ самовластія. Тіунамъ и дворянамъ княжескимъ, объѣзжающимъ волости, даются прогоны, какъ издревле установлено, и только одни ратные гонцы могутъ въ селахъ требовать лошадей отъ купцовъ. Что касается до пошлинъ, то купцы наши въ твоей и во всей землѣ суздальской обязаны платить по двѣ векши съ лодки, съ возу и съ короба льну или хмѣля. Такъ бывало, князь, при отцахъ и дѣдахъ твоихъ и нашихъ. Цѣлуй же святый крестъ во увѣреніе, что исполнишь сіи условія; цѣлуй не чрезъ посредниковъ, но самъ и въ присутствіи пословъ новогородскихъ. А затѣмъ мы кланяемся тебѣ, господину князю». Сія любопытная грамота свидѣтельствуетъ, что собственный доходъ князей новогородскихъ состоялъ въ д а р а х ъ, а дань шла въ казну общественную; что избраніе областныхъ начальниковъ хотя и зависѣло отъ князя, но требовало согласія посадникова; что нѣкоторыя волости откупали право имѣть собственныхъ судей; что новогородцы не дозволяли единоземцамъ своимъ переселяться въ другія княженія; что купцы ихъ въ областяхъ сосѣдственныхъ торговали по большей части хмѣлемъ и льномъ; что ладожане давали медъ и рыбу для стола княжескаго, преимущественно изобилуя оными.—Здѣсь въ первый разъ упоминается о городѣ Вологдѣ, которая, по тамошнимъ церковнымъ запискамъ, около 1147 году была торговымъ мѣстечкомъ, окруженнымъ лѣсами, а въ слѣдующія времена городомъ знатнымъ, обнесеннымъ каменною стѣною; развалины ея башенъ и воротъ донынѣ примѣтны.

Ярославъ, клятвенно утвердивъ договоръ, пріѣхалъ въ Новгородъ, гдѣ, будучи вдовъ, женился на Ксеніи, дочери какого-то Юрія Михайловича. Тамъ свѣдалъ онъ о важныхъ происшествіяхъ въ Литвѣ. Не стало Миндовга, короля литовскаго, злодѣйски убитаго ближними родственниками. Они умертвили и Товтивила Полоцкаго,

Г. 1265. Бракъ Ярославовъ. Мятежи въ Литвѣ.

коварно заманивъ его въ сѣти, и дали полочанамъ своего князя; а сынъ Товтивиловъ, спасаясь отъ сихъ убійцъ, пріѣхалъ въ Новгородъ. Россіяне съ горестію видѣли идолопоклонника на тронѣ православнаго, нѣкогда столь знаменитаго княженія; но утѣшились междоусобіемъ и бѣдствіями литовцевъ. Миндовгъ имѣлъ сына, именемъ Воишелга, который господствовалъ въ Новогродкѣ, изгнавъ оттуда Романа Даніиловича, и славился тиранствомъ, ежедневно плавая въ крови жертвъ невинныхъ. Къ радости бѣдныхъ подданныхъ, онъ еще при жизни отца сдѣлался христіаниномъ и, смягченный вѣрою Спасителя, возненавидѣлъ самую власть мірскую: уѣхалъ къ Даніилу Галицкому; крестилъ сына Львова, Юрія; отказался отъ свѣта; жилъ долго въ обители полонинскаго игумена, Григорія, извѣстнаго благочестіемъ; хотѣлъ видѣть Іерусалимъ и гору Аѳонскую; возвратился съ пути и, на берегу Нѣмана основавъ монастырь, трудился въ ономъ нѣсколько лѣтъ, ревностно исполняя всѣ обязанности инока. Миндовгъ ни ласками, ни угрозами не могъ поколебать его усердія къ христіанству; но вѣсть о несчастной смерти отца произвела въ Воишелгѣ дѣйствіе чрезвычайное: онъ затрепеталъ отъ гнѣва, схватилъ мечъ и, свергнувъ съ себя монашескую одежду, далъ Богу обѣтъ чрезъ три года снова надѣть ее, когда отмститъ врагамъ Миндовга. Сія месть была ужасна: собравъ полки, Воишелгъ явился въ Литвѣ какъ звѣрь свирѣпый и, признанный тамъ единодушно государемъ, истребилъ множество людей, называя ихъ предателями. Триста семействъ литовскихъ искали убѣжища во Псковѣ, крестились и нашли великодушнаго заступника въ Ярославѣ: ибо новогородцы хотѣли было умертвить сихъ несчастныхъ.

Въ то же время одинъ изъ родственниковъ Миндовговыхъ, именемъ Довмонтъ, выѣхалъ изъ отечества и, къ удовольствію псковитянъ, принявъ у нихъ вѣру христіанскую,
г. 1266. снискалъ столь великую довѣренность между ими, что они безъ согласія Ярославова объявили его своимъ княземъ и дали ему войско для опустошенія Литвы. Довмонтъ оправдалъ сію довѣренность подвигами мужества и ненавистію къ соотечественникамъ: разоривъ область литовскаго князя Гердени, плѣнилъ его жену, двухъ сыновей и на берегахъ Двины одер-
Іюня 18. жалъ рѣшительную надъ нимъ побѣду. Множество литовцевъ утонуло въ Двинѣ и самъ Герденъ едва ушелъ; а псковитяне, славя храбрость Довмонта, съ восхищеніемъ видѣли въ немъ набожность христіанскую: ибо онъ смиренно приписывалъ успѣхъ своего оружія единственно заступленію святого Леонтія, побѣдивъ непріятелей въ день памяти сего мученика.

Между тѣмъ Ярославъ, досадуя на псковитянъ за самовольное избраніе князя чужеземнаго, желалъ изгнать Довмонта и

привелъ для того въ Новгородъ полки суздальскіе; но долженъ былъ отпустить ихъ назадъ. Новогородцы не хотѣли слышать о сей войнѣ междоусобной и сказали ему: «другу ли святой Софіи быть непріятелемъ Пскова?» Ярославъ уѣхалъ въ Владиміръ, оставивъ у нихъ своего племянника, Юрія Андреевича, при коемъ знатная часть Новагорода обратилась въ пепелъ. Конецъ Неревскій исчезъ совершенно. Многіе люди сгорѣли и даже самыя купеческія суда въ пристани, нагруженныя товаромъ: Волховъ, по словамъ лѣтописца, казался пылающимъ. Богатые граждане въ нѣсколько часовъ обѣдняли, а бѣдные разбогатѣли, въ общемъ смятеніи захвативъ чужія драгоцѣнныя вещи.

Г. 1267. Мая 23.

Сіе бѣдствіе не мѣшало новогородцамъ заниматься дѣлами ратными: войско ихъ ходило съ Довмонтомъ и псковитянами на Литву, сдѣлало много вреда непріятелю и возвратилось безъ урона; другое осаждало Везенбергъ или Раковоръ въ Эстоніи, подвластной датчанамъ, но не могло взять его. Желая загладить сію неудачу, новогородцы сыскали искусныхъ мастеровъ и велѣли имъ на дворѣ архіепископскомъ строить большія стѣнобитныя орудія; призвали Димитрія Александровича изъ Переславля съ войскомъ, Довмонта Псковскаго и ждали самого великаго князя; но Ярославъ, вмѣсто себя, прислалъ къ нимъ двухъ сыновей, Святослава и Михаила. Въ то время, какъ войско готовилось выступить, лазутчики Нѣмецкаго ордена, называясь послами отъ Риги, Феллина и Дерпта, явились въ Новѣгородѣ, говоря нашимъ князьямъ, что рыцарство ливонское желаетъ остаться въ дружбѣ съ ними, не думаетъ помогать датчанамъ и не вмѣшивается въ ихъ дѣла съ россіянами. Нѣмцы дали клятву въ истинѣ своихъ увѣреній, и новогородскій бояринъ, отправленный къ епископамъ и къ чиновникамъ д в о р я н ъ Б о ж і и х ъ — такъ у насъ именовали рыцарей ливонскихъ — заставилъ ихъ присягнуть въ томъ же. Считая нѣмцевъ друзьями, россіяне надѣялись легко управиться съ датчанами, шли къ Везенбергу, тремя путями, разоряли селенія и, зная, что многіе жители скрываются въ одной неприступной пещерѣ съ своимъ имѣніемъ, посредствомъ какой-то искусственной машины пустили туда воду,—бѣдные эстонцы выскочили и безъ милости были изрублены въ куски; а добычу, найденную въ пещерѣ, новогородцы отдали всю князю Димитрію. Уже войско наше, приближаясь къ Раковору, стояло на берегахъ Кеголи и вдругъ, къ изумленію своему, увидѣло сильные полки нѣмецкіе, коими предводительствовалъ самъ магистръ ордена, именемъ Отто фонъ-Родештейнъ, и епископъ дерптскій Александръ, въ противность данной клятвѣ взявшіе сторону датчанъ. Видя, что надобно развѣдаться съ ними мечемъ, новогo-

Война въ Ливоніи.

Г. 1268, января 23.

родцы немедленно перешли за рѣку, и стали противъ железнаго нѣмецкаго полка; сынъ Ярославовъ, Михаилъ, на лѣвомъ крылѣ; Довмонтъ Псковскій, Димитрій и Святославъ на правомъ. Ударили смѣло и мужественно съ обѣихъ сторонъ. «Ни отцы, ни дѣды наши»,—говоритъ лѣтописецъ,—«не видали такой жестокой сѣчи». Новогородцы, имѣя дѣло съ отборною нѣмецкою фалангою, падали цѣлыми рядами. Посадникъ Михаилъ и многіе чиновники были убиты; тысячскій, именемъ Кодратъ, пропалъ безъ вѣсти, а князь Юрій Андреевичъ обратилъ тылъ. Псковитяне, ладожане стояли дружно. Наконецъ князь Димитрій и новогородцы сломили непріятелей и гнали ихъ семь верстъ до самаго города; но, возвратясь на мѣсто битвы, увидѣли еще другой полкъ нѣмецкій, который врѣзался въ наши обозы. Между тѣмъ наступилъ темный вечеръ. Благоразумные вожди совѣтовали подождать утра, чтобы въ ночной схваткѣ не убивать своихъ вмѣсто непріятелей, и съ трудомъ могли удержать пылкихъ воиновъ. Ожидали свѣта съ нетерпѣніемъ; но рыцари, пользуясь темнотою, ушли. Три дни стояли россіяне на костяхъ, то есть на мѣстѣ сраженія, въ знакъ побѣды, и рѣшились идти назадъ: ибо, претерпѣвъ великій уронъ, не могли заняться осадою городовъ. Вмѣсто добычи, они принесли съ собою трупы убіенныхъ знаменитыхъ бояръ, и схоронили тѣло посадника Михаила въ Софійской церкви. Сія честь и слезы цѣлаго Новагорода были ему воздаяніемъ за его славную кончину. Избрали новаго посадника, именемъ Павшу, а мѣсто тысячскаго осталось праздно, ибо народъ еще не имѣлъ вѣсти о судьбѣ Кодратовой.—Сію кровопролитную битву долго помнили въ Новѣгородѣ и въ Ригѣ. Ливонскіе историки пишутъ, что на мѣстѣ сраженія легло 5,000 нашихъ и 1,350 нѣмцевъ; въ числѣ послѣднихъ былъ и дерптскій епископъ.

Февраля 18.

Злобствуя на россіянъ, магистръ ордена собралъ новыя силы; пришелъ на судахъ и съ конницею въ область Псковскую; сжегъ Изборскъ, осадилъ Псковъ и думалъ сравнять его съ землею, имѣя множество стѣнобитныхъ орудій и 18,000 воиновъ (число великое по тогдашнему времени). Отто грозился наказать Довмонта: ибо сей князь былъ страшенъ не только для Литвы, но и для сосѣдственныхъ нѣмцевъ, и не задолго до того времени истребилъ ихъ отрядъ на границѣ. Мужественный Довмонтъ, осмотрѣвъ силу непріятелей и готовясь къ битвѣ, привелъ всю дружину въ храмъ Святыя Троицы, положилъ мечъ свой предъ алтаремъ и молился, да будутъ удары его для враговъ смертоносны. Благословенный игуменомъ Исидоромъ (который собственною рукою препоясалъ ему мечъ), князь новыми подвигами геройства заслужилъ удивленіе и любовь псковитянъ; десять дней бился съ нѣмцами; ра-

Г. 1269.

Апрѣля 23.

нилъ магистра. Между тѣмъ новогородцы съ княземъ Юріемъ Андреевичемъ приспѣли и заставили рыцарей отступить за рѣку Великую; вошли въ переговоры съ ними и согласились дать имъ миръ. Тѣ и другіе остались при немъ, потерявъ множество людей безъ всякой пользы.

Тогда великій князь Ярославъ прибылъ въ Новгородъ и, досадуя на многихъ чиновниковъ за сію войну кровопролитную, хотѣлъ ихъ смѣнить, или немедленно выѣхать изъ столицы. Граждане объявили рѣшительно, что они не согласны на первое, но молили его у нихъ остаться, ибо миръ, заключенный съ нѣмцами, казался имъ ненадежнымъ; свѣдавъ же, что великій князь дѣйствительно уѣхалъ, отправили вслѣдъ за нимъ архіепископа, который, наконецъ, уговорилъ Ярослава возвратиться изъ Бронницъ. Чиновниковъ не смѣнили; однакожъ, въ угодность князю, граждане избрали въ тысячскіе одного преданнаго ему человѣка, именемъ Ратибора, и начали готовиться къ войнѣ. Князья суздальскихъ удѣловъ и полки Ярославовы собралися въ Новгородъ, куда пріѣхалъ и великій владимірскій баскакъ, татаринъ Амраганъ. Сей чиновникъ хана, имѣя, кажется, участіе и въ нашихъ государственныхъ совѣтахъ, одобрилъ намѣреніе россіянъ идти къ Ревелю; но датчане и нѣмцы, ослабленные претерпѣннымъ ими урономъ, не захотѣли новой войны и, добровольно уступивъ намъ всѣ берега Наровы, обезоружили тѣмъ Ярослава. Баскакъ.

Оставивъ въ покоѣ Эстонію, великій князь хотѣлъ было вести полки свои въ землю корельскую, чтобы утвердить ея жителей въ послушаніи: новогородцы просили его не тревожить сихъ бѣдныхъ людей, и князь отпустилъ войско, не предвидя для себя опасности. Увѣренный въ преданности нѣкоторыхъ чиновниковъ, а можетъ быть и въ покровительствѣ татаръ, онъ худо исполнялъ заключенный имъ договоръ съ новогородцами: дѣйствовалъ иногда какъ государь самовластный; слышалъ ропотъ и не уважалъ его. Общее неудовольствіе возрастало. Вдругъ, къ изумленію князя, ударили въ вѣчевой колоколъ: г. 1270. насталъ грозный часъ суда пароднаго и люди со всѣхъ сторонъ бѣжали толпами къ св. Софіи рѣшить судьбу отечества, какъ они думали. Первымъ опредѣленіемъ сего шумнаго вѣча было изгнать Ярослава и казнить любимцевъ княжескихъ: главнаго изъ нихъ умертвили; другіе ушли въ церковь св. Николая и на Городище, къ Ярославу, оставивъ домы свои въ жертву народу, разломавшему оные до послѣдняго бревна. Именемъ Новагорода вручили князю грамоту обвинительную. «Для чего»,—писали къ нему граждане,—«завладѣлъ ты дворомъ Морткинича? Для чего взялъ серебро съ бояръ Никифора, Романа и Варѳоломея? Для чего выводишь отсюда иноземцевъ, Упреки великому князю.

мирно живущихъ съ нами? Для чего птицеловы твои отнимаютъ у насъ рѣку Волховъ, а звѣроловы поля? Да будетъ конецъ твоему насилію! Иди, куда хочешь; а мы найдемъ себѣ князя». Ярославъ послалъ сына и тысячскаго своего на вѣче, съ увѣреніемъ, что онъ сдѣлаетъ все угодное народу. «Нѣтъ!»—отвѣтствовали ему граждане:—«мы не хотимъ тебя. Удались или будешь отъ немедленно изгнанъ». Великій князь уѣхалъ; а новогородцы отправили посольство къ Димитрію Александровичу, думая, что онъ съ радостію согласится княжить у нихъ; но Димитрій отрекся и велѣлъ имъ сказать: «не хочу престола, съ коего вы согнали моего дядю».

Сей отказъ весьма огорчилъ новогородцевъ. Въ то же время они получили извѣстіе отъ Василія, меньшого Ярославова брата, что великій князь, пылая гнѣвомъ, готовится идти на нихъ съ полками моголовъ, съ Димитріемъ Переславскимъ и съ Глѣбомъ Смоленскимъ (сыномъ Ростислава Мстиславича). «Но будьте спокойны»,—писалъ къ нимъ Василій:—«святая Софія есть моя отчина; я готовъ служить ей и вамъ». Онъ поѣхалъ въ орду, гдѣ любимецъ великаго князя, Ратиборъ, тысячскій Новагорода, вооружилъ хана противъ своихъ единоземцевъ, говоря ему: «Новогородцы враги твои; изгнали Ярослава съ безчестіемъ, разграбили наши домы и хотѣли насъ умертвить единственно за то, что мы требовали съ нихъ для тебя дани». Обманутый ханъ послалъ войско, чтобы смирить ослушниковъ; но Василій Ярославичъ вывелъ его изъ заблужденія, объяснивъ ему, что новогородцы ничѣмъ не оскорбили моголовъ, и что неудовольствія ихъ на великаго князя справедливы. Тогда ханъ велѣлъ полкамъ своимъ возвратиться; а Василій, оказавъ столь важную услугу новогородцамъ, надѣялся быть ихъ княземъ. Готовые умереть за права вольности, они укрѣпили столицу съ обѣихъ сторонъ высокимъ тыномъ, сносили имѣніе въ средину города и ждали непріятелей.

Ярославъ приближился къ самому Городищу; но, видя тамъ всѣхъ жителей вооруженныхъ, конныхъ и пѣшихъ, обратился къ Русѣ и, занявъ оную своимъ войскомъ, прислалъ оттуда боярина съ дружелюбными предложеніями въ Новгородъ. «Забываю»,—говорилъ онъ,—«сдѣланныя мнѣ вами обиды и всѣ князья россійскіе будутъ моими поруками въ вѣрномъ исполненіи нашихъ условій». Новогородцы отвѣтствовали ему чрезъ посла: «Князь! ты объявилъ себя врагомъ святыя Софіи: оставь же насъ въ покоѣ или мы умремъ за отечество. Не имѣемъ князя; но за насъ Богъ, правда и святая Софія; а тебя не хотимъ». Вслѣдъ за посломъ двинулось къ Русѣ ихъ войско многочисленное, въ коемъ находились ладожане, корелы, ижерцы, вожане и псковитяне. Станъ ихъ былъ на одной сторонѣ рѣки. Ярославовъ на другой: прошла недѣля въ бездѣйствіи. Тогда новогородцы получили гра-

моту отъ митрополита Кирилла. Сей достойный пастырь церкви именемъ отечества и вѣры заклиналъ ихъ не проливать крови; ручался за Ярослава и бралъ на себя грѣхъ, если они, въ изступленіи злобы, дали Богу клятву не мириться съ великимъ княземъ. Слова добродѣтельнаго старца тронули новогородцевъ и послы Ярославовы, прибывъ къ нимъ въ станъ, довершили благое дѣло мира. Написали договоръ; великій князь утвердилъ оный цѣлованіемъ креста. Сія грамота также хранится въ нашемъ архивѣ и содержаніемъ подобна первой; означимъ только нѣкоторыя прибавленія. Въ ней сказано отъ имени Новагорода: «Князь Ярославъ! забудь гнѣвъ на владыку, посадника и всѣхъ мужей новогородскихъ; не мсти имъ ни судомъ, ни словомъ, ни дѣломъ. Не вѣрь клеветникамъ; не принимай доносовъ отъ раба на господина. Пословъ и купцовъ нашихъ, остановленныхъ въ Костромѣ и въ другихъ городахъ низовскихъ, выпусти съ ихъ имѣніемъ; освободи также военоплѣнныхъ и всѣхъ должниковъ новогородскихъ, задержанныхъ въ Торжкѣ княземъ Юріемъ Андреевичемъ, или твоихъ собственныхъ, или княгининыхъ, или боярскихъ (купецъ да идетъ въ свою сотню, а селянинъ въ свой погостъ). Не раздавай никому государственныхъ даней. Возврати грамоту отца твоего, которую ты у насъ отнялъ; и вмѣсто новыхъ, данныхъ тобою, да имѣютъ силу прежнія, Ярославовы и Александровы грамоты. На дворѣ нѣмецкомъ торгуй единственно черезъ нашихъ купцовъ, а двора не затворяй и не посылай туда приставовъ. Село святой Софіи останется ея неотъемлемою собственностію. Новогородцы не должны быть судимы въ землѣ суздальской. Купцы наши да торгуютъ въ ней свободно по грамотѣ ханской; бери тамъ установленныя пошлины, но въ областяхъ Новогородскихъ не заводи таможни. Судьи начинаютъ свои объѣзды съ Петрова дни», и проч. На бѣлой сторонѣ сей хартіи, къ коей привязана свинцовая печать, написано, что послы хана татарскаго, Чевгу и Банши, прибыли съ его грамотою въ Новгородъ, возвести Ярослава на престолъ. Столь велика была зависимость князей россійскихъ.

Миръ новогородцевъ съ Ярославомъ.

Ярославъ жилъ потомъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Новѣгородѣ. Не любя Довмонта, онъ далъ псковитянамъ иного князя—но только на малое время—какого-то Айгуста и зимою уѣхалъ въ Владиміръ, поручивъ Новгородъ намѣстнику, Андрею Вратиславичу. Великое княженіе Суздальское было спокойно, то есть рабствовало въ тишинѣ, и народъ благодарилъ небо за облегченіе своей доли, которое состояло въ томъ, что преемникъ хана или царя Берки, братъ его, именемъ Мангу-Тимуръ, освободилъ россіянъ отъ насилія откупщиковъ харайскихъ. Историкъ могольскій, Абульгази, хвалитъ Тимура за его острый умъ; но умъ не смягчалъ въ немъ жестокаго сердца и память сего хана запечатлѣна въ

нашихъ лѣтописяхъ кровію добраго сына Олеговича, Романа, князя Рязанскаго, принявшаго въ ордѣ вѣнецъ мученика. Еще ханъ Берка, имѣвъ случай говорить о вѣрѣ съ купцами бухарскими, и плѣненный ученіемъ Алкорана, объявилъ себя ревностнымъ магометаниномъ: примѣръ его служилъ закономъ для большей части моголовъ, весьма равнодушныхъ къ древнему идолопоклонству; а какъ всякая новая вѣра обыкновенно производитъ изувѣровъ или фанатиковъ, то они, вмѣсто прежней терпимости, начали славиться пламеннымъ усердіемъ ко мнимой божественности Алкорана. Можетъ быть князь Романъ неосторожно говорилъ о семъ ослѣпленіи ума; донесли Тимуру, что онъ хулитъ ихъ законъ. Тогда Романъ, принуждаемый дать отвѣтъ, не хотѣлъ измѣнить совѣсти и говорилъ такъ смѣло, что озлобленные варвары, заткнувъ ему ротъ, изрѣзали несчастнаго князя по составамъ и взоткнули голову его на копье, содравъ съ нея кожу. Россіяне проливали слезы, но утѣшались твердостію сего второго Михаила и думали, что Богъ не оставилъ той земли, гдѣ князья, презирая славу мірскую, столь великодушно умираютъ за Его святую вѣру.

Татары принимаютъ Магометову вѣру.

Іюля 19.

Великій князь Ярославъ, слѣдуя примѣру отца и Александра Невскаго, старался всѣми способами угождать хану и, подобно имъ, кончилъ жизнь свою на возвратномъ пути изъ орды, куда онъ ѣздилъ съ братомъ Василіемъ и съ племянникомъ Димитріемъ Александровичемъ. Тѣло его было отвезено для погребенія въ Тверь. Лѣтописцы не говорятъ ни слова о характерѣ сего князя: видимъ только, что Ярославъ не умѣлъ ни довольствоваться ограниченною властію, ни утвердить самовластія смѣлою рѣшительностію; обижалъ народъ и винился какъ преступникъ; не отличался ратнымъ духомъ, ибо не хотѣлъ самъ предводительствовать войскомъ, когда оно сражалось съ нѣмцами; не могъ назваться и другомъ отечества, ибо вооружалъ моголовъ противъ Новагорода.

Г. 1272. Кончина Ярослава.

Опишемъ разныя особенныя происшествія Ярославова времени. При семъ государѣ сдѣлались нѣкоторыя перемѣны въ частныхъ удѣлахъ великаго княженія. Василій Всеволодовичъ, внукъ Константиновъ, умершій еще въ 1249 году, оставилъ на престолѣ Ярославской области супругу Ксенію и малолѣтную дочь Марію, которая послѣ сочеталась бракомъ съ Ѳеодоромъ Ростиславичемъ Чернымъ, внукомъ Мстислава Давидовича Смоленскаго, удѣльнымъ княземъ Можайскаго. Считая себя обиженнымъ старшими братьями, Глѣбомъ и Михаиломъ, онъ переѣхалъ въ Ярославль, наслѣдіе супруги его, и княжилъ тамъ вмѣстѣ съ тещею. Къ сему извѣстію новѣйшіе лѣтописцы прибавляютъ слѣдующую повѣсть: «Ѳеодоръ, бывъ въ ордѣ, мужественною красотою и разумомъ столь плѣ-

Перемѣны въ удѣлахъ.

нилъ царицу могольскую, что она желала выдать за него дочь свою. Въ то самое время Марія скончалась въ Ярославлѣ и народъ, объявивъ ея сына, Михаила, владѣтельнымъ княземъ, уже не хотѣлъ повиноватіся Ѳеодору, который, лишась супруги и престола, согласился быть зятемъ хана или царя Капчакскаго. Всѣ препятствія исчезли: ханъ позволилъ дочери креститься, и константинопольскій патріархъ торжественною грамотою утвердилъ ея благословенное супружество; а тесть построилъ для Ѳеодора великолѣпныя палаты въ Сараѣ и далъ ему множество городовъ: Черниговъ, Херсонъ, Болгары, Казань; по смерти же юнаго Михаила Ѳеодоровича, возвелъ сего любимаго зятя на престолъ ярославскій, наказавъ его враговъ. Супруга Ѳеодорова, названная въ крещеніи Анною, построила въ Ярославлѣ храмъ Архистратига Михаила и заслужила имя добродѣтельной христіанки». Ежели сія повѣсть справедлива, то вѣроятно, что Ѳеодоръ былъ зятемъ не Мангу-Тимура, а Ногая, женатаго на христіанкѣ и не хотѣвшаго принять вѣры магометанской.

Князь Ѳеодоръ зять хановъ.

Димитрій Святославичъ, князь Юрьева Польскаго, двоюродный братъ Ярослава, умеръ въ 1269 году; и съ того времени 70 лѣтъ не упоминается въ нашей исторіи о владѣтеляхъ юрьевскихъ. Сей набожный князь принялъ схиму отъ епископа ростовскаго и, закрывая глаза навѣки, сказалъ ему: «Святый владыко! ты совершилъ трудъ свой и приготовилъ меня къ пути дальнему, какъ добраго воина Христова. Тамъ, въ жизни вѣчной, царствуетъ Богъ милосердія: иду служить Ему съ вѣрою и надеждою». Сіи послѣднія слова Димитріевы казались лѣтописцамъ достопамятнѣе дѣлъ его, совершенно для насъ неизвѣстныхъ.

Лѣтъ за шесть до Ярославовой смерти преставился (и погребенъ въ Холмѣ) знаменитый Даніилъ, король галицкій, славный воинскими и государственными достоинствами, а еще болѣе отмѣннымъ милосердіемъ, отъ коего не могли отвратить его ни измѣны, ни самая гнусная неблагодарность бояръ мятежныхъ: добродѣтель рѣдкая во времена жестокія и столь бурныя. Милостивый къ подданнымъ, онъ и въ другихъ отношеніяхъ исполнялъ уставы нравственности; въ юности чтилъ князей старшихъ; изъявлялъ нѣжную любовь къ матери и къ брату, получившему отъ него въ удѣлъ область Владимірскую; помнилъ благодѣянія, ему оказанныя; наблюдалъ правило вѣрности въ союзахъ, побѣдами и разумомъ утверждая безопасность и честь державы галицкой; нашествіемъ моголовъ разстроенный въ видахъ своей политики, не изумился; не утратилъ бодрости духа; хотя не могъ совершенно избавиться отъ ихъ свирѣпаго тиранства, но закрылъ глаза съ надеждою, что его потомки будутъ счастливѣе, слѣдуя принятой

Смерть и добродѣтели короля Даніила.

имъ системѣ держаться союза государей западныхъ, иногда обольщать варваровъ золотомъ и смиреніемъ, иногда устрашать силою, въ ожиданіи, что они, какъ гунны Аттилины, какъ обры, исчезнутъ, сокрушенные или внутренними междоусобіемъ, или общимъ усиліемъ государей европейскихъ. Сія надежда не совсѣмъ обманула Даніила; его преемники рабствовали менѣе иныхъ князей россійскихъ, уважаемые ханами и сосѣдственными христіанскими державами, которыя въ теченіе цѣлаго вѣка считали княжество Галицкое вѣрнымъ для себя оплотомъ съ опасной стороны моголовъ.

Происшествія въ западной Россіи.

Первымъ слѣдствіемъ кончины Даніиловой была война наслѣдниковъ его съ Болеславомъ польскимъ. Василько остался княземъ Владимірскимъ, Левъ Перемышльскимъ; Романъ Даніиловичъ умеръ, третій братъ ихъ, Мстиславъ, господствовалъ въ Луцкѣ и Дубнѣ; меньшій, Шварнъ—кажется любезнѣйшій отцу—въ Галичѣ, Холмѣ и Дрогичинѣ. Не смотря на миръ и союзъ, за нѣсколько лѣтъ до того времени утвержденный въ Тернавѣ между Болеславомъ и Даніиломъ, корыстолюбивые бояре Шварновы не усомнились вмѣстѣ съ Литвою грабить польскія владѣнія. Болеславъ хотѣлъ отмстить: дошло до битвы, въ коей дружина Шварнова претерпѣла великій уронъ; наконецъ, примирились, ибо общая польза обѣихъ державъ того требовала.

Хотя княжество Даніилово раздѣлилось на части, однакожъ его сыновья дѣйствовали согласно въ государственныхъ предпріятіяхъ и слушались дяди, опытнаго, благоразумнаго Василька, не смотря на то, что князь Левъ съ неудовольствіемъ видѣлъ меньшого брата властелиномъ Галича и Холма. Сія зависть еще усилилась отъ новаго происшествія, которое могло быть важно и весьма счастливо не только для южной Россіи, но и для спокойствія другихъ земель сосѣдственныхъ. Бывшій инокъ Воишелгъ, сынъ Миндовга, искренній другъ Василька и Шварна, своего зятя, съ ихъ помощію овладѣвъ большею частію Литвы, раздробленной на многія области, далъ послѣднему въ ней удѣлъ, а наконецъ уступилъ ему и престолъ; снялъ съ себя одежду княжескую и заключился въ монастырѣ Угровскомъ, исполняя произнесенный имъ обѣтъ. Россіяне надѣялись, что грабительства литовскія уже не возобновятся и что сей опасный народъ, правимый сыномъ Даніиловымъ, составитъ одну державу съ Галицкимъ княженіемъ; но Левъ, думая о пользѣ собственнаго властолюбія еще болѣе, нежели о благѣ отечества, не могъ снести равнодушно, что сильное княжество литовское досталось не ему, а юному Шварну; злобился на Воишелга и дерзнулъ на месть подлую и свирѣпую. Онъ предложилъ Воишелгу съѣхаться съ нимъ въ Владимірѣ будто бы для какого-то важнаго дѣла. Сей князь

инокъ сомнѣвался, зная коварство Льва; но, увѣренный въ безопасности словомъ добродушнаго Василька, пріѣхалъ въ Владиміръ и сталъ въ монастырѣ св. Михаила. На другой день былъ обѣдъ у знатнѣйшаго вельможи Даніилова, нѣмца Маркольта, гдѣ князья, по тогдашнему обыкновенію, пили весьма неумѣренно, и гдѣ Левъ съ удивительнымъ искусствомъ притворялся нѣжнымъ другомъ Миндовгова сына. Насталъ вечеръ: Воишелгъ спокойно возвратился въ монастырь, куда вслѣдъ за нимъ прискакалъ и Левъ, желая, какъ онъ говорилъ, еще повеселить любезнаго кума. Несчастный отперъ дверь: вдругъ слуги княжескіе окружили его и Левъ, грознымъ голосомъ исчисливъ бѣдствія, претерпѣнныя Россіею отъ Литвы, саблею разсѣкъ ему голову. Ни Василько, ни Шварнъ не участвовали въ заговорѣ: они жалѣли, что имя русское очернилось злодѣйскимъ вѣроломствомъ и съ честію погребли Воишелга въ обители св. Михаила. Пишутъ, что сей литовскій князь, отъ природы жестокосердый, будучи властителемъ, сверхъ одежды богатой носилъ черную мантію и потому заслужилъ названіе волка въ кожѣ агнца. Но онъ имѣлъ право на благодарность россіянъ, хотѣвъ по усердію къ вѣрѣ христіанской и любви къ нимъ, чтобы кровь св. Владиміра, браками Даніила и Шварна соединенная съ кровію славнаго Миндогва, царствовала въ Литвѣ. Къ несчастію, столь важное для Россіи благодѣяніе не имѣло желаемыхъ слѣдствій: Шварнъ въ юности умеръ и князь литовскій, именемъ Тройденъ, вѣрою язычникъ, сердцемъ Неронъ, сѣлъ на Миндовговомъ тронѣ. Скоро преставился и князь Василько, о коемъ упоминается съ честію во многихъ лѣтописяхъ иностранныхъ, особенно въ сербской исторіи по его дружеству съ королемъ Стефаномъ Драгутинымъ. Сей достойный братъ Даніиловъ, нѣкогда воинъ храбрый и неутомимый, кончилъ дни свои монахомъ и труженникомъ: повѣствуютъ, что онъ жилъ нѣсколько времени въ дикой, заросшей кустарникомъ пещерѣ, оплакивая грѣхи прежняго мірского властолюбія и ратной дѣятельности. Сынъ его, Іоаннъ-Владиміръ, женатый на Ольгѣ, дочери Романа Михайловича Брянскаго (въ 1269 году) наслѣдовалъ область родительскую, а Левъ Шварнову, то есть Галичъ, Холмъ и Дрогичинъ, утвердивъ престолъ свой въ новомъ городѣ Львовѣ, основанномъ еще при Даніилѣ.

Основаніе Кафы.

Ко временамъ, нами описываемымъ, историки относятъ возобновленіе древней Өеодосіи или основаніе нынѣшней Кафы. Можетъ быть генуэзцы уже и ранѣе купечествовали въ Тавридѣ вмѣстѣ съ венеціанами; но въ царствованіе императора Михаила Палеолога они старались исключительно пользоваться сею торговлею, и съ дозволенія моголовъ завели тамъ гостиный дворъ, анбары и лавки: сперва, выпросивъ небольшую частицу земли, обвели ее рвомъ и валомъ, а послѣ

начали строить высокіе домы, присвоили себѣ гораздо болѣе отданнаго имъ мѣста и сдѣлали каменную стѣну, назвавъ сей укрѣпленный, прекрасный городъ Кафою; овладѣли Судакомъ, Балаклавою, нынѣшнимъ Азовомъ или Танаисомъ, выгнали оттуда своихъ опасныхъ совмѣстниковъ, венеціанъ, и стѣснили древній Херсонъ, гдѣ (1333 году) находился уже латинскій епископъ и гдѣ, въ XVI вѣкѣ, представлялись глазамъ путешественниковъ однѣ великолѣпныя развалины. Имѣя иногда ссоры и даже войну съ моголами (1343 году), генуэзцы господствовали тамъ до паденія Греческой имперіи и были, наконецъ, истреблены турками. Но еще и нынѣ видимъ въ Тавридѣ памятники сихъ образованныхъ итальянцевъ, остатки ихъ зданій и надписи; въ Азовѣ же, какъ говоритъ одинъ историкъ, жили нѣкоторыя генуэзскія семейства до самаго XVII столѣтія.—Близъ Кафы находился еще знаменитый могольскій городъ Крымъ (коего именемъ назвали и всю Тавриду), столь великій и пространный, что всадникъ едва могъ на хорошемъ конѣ объѣхать его въ половину дня. Главная тамошняя мечеть, украшенная мраморомъ и порфиромъ, и другія народныя зданія, особенно училища, заслуживали удивленіе путешественниковъ. Купцы ѣздили изъ Хивы въ Крымъ безъ малѣйшей опасности и, зная, что имъ надлежало быть въ дорогѣ около трехъ мѣсяцевъ, не брали съ собою никакихъ съѣстныхъ припасовъ, ибо находили все нужное въ гостинницахъ: доказательство, сколь моголы любили и покровительствовали торговлю! Жители Крыма славились богатствомъ и скупостію, запирали золото въ сундуки и, не давая ничего бѣднымъ, строили великолѣпныя мечети въ знакъ своей набожности. Нынѣшнее мѣстечко Старый Крымъ (на рѣкѣ Чурукcѣ, близъ Кафы) есть бѣдный остатокъ сего древняго города.

Городъ Крымъ.

ГЛАВА V.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ЯРОСЛАВИЧЪ.

Г. 1272—1276.

Споръ о Новогородскомъ княженіи.—Моголы идутъ на Литву.—Пруссы въ Слонимѣ и въ Гроднѣ.—Кончина Василія.—Соборъ.

Меньшій братъ Ярославовъ, Василій Костромскій, наслѣдовалъ престолъ великаго княженія и немедленно отправилъ пословъ въ Новгородъ, куда, вмѣстѣ съ ними, прибыли и Димитріевы. Тѣ и другіе остановились на дворѣ Ярослава; тѣ и другіе ходатайствовали за своего князя: ибо и Василій, и Димитрій Александровичъ

Г. 1272. Споръ о Новогородскомъ княженіи.

желали присвоить себѣ Новгородъ, избыточный, сильный и менѣе другихъ областей угнетенный игомъ татарскимъ. Димитрій надѣялся на славу мужества, изъявленнаго имъ въ битвѣ Раковорской, и еще болѣе на память отца, героя Невскаго; а Василій на услугу, недавно оказанную имъ въ ордѣ Новугороду. Посадникъ Павша взялъ сторону перваго, и сынъ Александровъ, признанный княземъ Новогородскимъ, спѣшилъ въ сію столицу. Василій, свѣдавъ о томъ, послалъ вслѣдъ за нимъ воеводу, чтобы схватить его на пути, а самъ хотѣлъ взять Переславль, но обратился съ войскомъ къ Торжку и, занявъ сей городъ, оставилъ тамъ своего намѣстника или тіуна. Князь Тверскій, Святославъ Ярославичъ, помогая дядѣ, опустошалъ между тѣмъ берега Волги, Бѣжецкъ, Волокъ. Надлежало прибѣгнуть къ мечу или къ договорамъ: новогородцы хотѣли употребить оба средства и, собравъ войско, послали бояръ къ великому князю, чтобы укротить его гнѣвъ словами мирными, но Василій, принявъ пословъ съ отмѣнною честію, не согласился на миръ, и Димитрій съ сильными полками выступилъ къ Твери зимою. Вдругъ сдѣлалась перемѣна. «Дружба великаго князя для насъ необходима»,—думали многіе новогородцы: — «купцовъ нашихъ грабятъ теперь въ землѣ суздальской; мы лишены подвозовъ и терпимъ нужду въ хлѣбѣ. Не лучше ли, вмѣсто кровопролитія, исполнить желаніе Василіево, согласное съ народною пользою?». Сіе мнѣніе было, наконецъ, всѣми одобрено: остановясь въ Торжкѣ, войско не хотѣло идти далѣе. Самъ Димитрій не противился общей волѣ и дружелюбно разстался съ новогородцами, которые, смѣнивъ вѣрнаго ему посадника Павшу, объявили Василія своимъ правителемъ. Такимъ образомъ великій князь достигъ цѣли; пріѣхалъ въ Новгородъ, и въ знакъ миролюбія, забывъ недоброжелательство боярина Павши, согласился, чтобы народъ возвратилъ ему санъ посадника; сей чиновникъ ушелъ было изъ Торжка къ Димитрію; но, боясь на старости лѣтъ остаться изгнанникомъ, прибѣгнулъ къ Василіеву великодушію и до кончины своей пользовался любовію сограждан.

Октября 9.

Чрезъ два года, спокойные для Россіи, великій князь отправился къ хану. Въ сіе время моголы ходили на Литву, приглашенные къ тому Львомъ Галицкимъ. Преемникъ Шварновъ, свирѣпый Тройденъ, нѣсколько лѣтъ бывъ союзникомъ Даніиловыхъ сыновей, нечаянно взялъ Дрогичинъ и безжалостно умертвилъ большую часть жителей. Левъ, озлобленный его вѣроломствомъ, обратился къ хану Мангу-Тимуру, желая истреблять враговъ врагами. Глѣбъ Смоленскій и Романъ Михайловичъ Брянскій, тесть сына Василькова, Іоанна-Владиміра, соединились съ татарами, долго терпѣвъ набѣги литовцевъ, которые опустошили за Днѣп-

Г. 1275.

Моголы идутъ на Литву.

ромъ самыя отдаленныя мѣста Черниговскаго княжества. Но сей походъ имѣлъ для Россіи болѣе вредныхъ слѣдствій, нежели благопріятныхъ: ибо князья поссорились между собою и, взявъ одно предмѣстіе Новогродка, не захотѣли идти далѣе въ Литву; а моголы на возвратномъ пути разорили множество нашихъ селъ, подъ именемъ друзей отнимая у земледѣльцевъ скотъ, имѣніе, одежду. «Дружба съ невѣрными«, — говоритъ лѣтописецъ, — «не лучше брани; и сей случай да будетъ примѣромъ для потомства!»

Пруссы въ Слонимѣ и въ Гроднѣ.

Оставленные союзниками, князья Галицкіе взяли въ Литвѣ два города, Турійскъ на берегу Нѣмена и Слонимъ (гдѣ жили пруссы, которые искали тамъ убѣжища отъ притѣсненій Нѣмецкаго ордена: Тройденъ населилъ ими и Гродно). Хотя Левъ и Владиміръ, сынъ Васильковъ, заключили было миръ съ Тройденомъ, но гордый Ногай, недовольный худымъ успѣхомъ могольскаго оружія въ литовской землѣ, прислалъ новую рать въ Галицію и велѣлъ имъ идти съ нею противъ Литвы. Они повиновались. Моголы осаждали Новогродокъ, россіяне Гродно; но тѣ и другіе взяли единственно добычу въ окрестностяхъ, потерявъ много людей. Гродненскіе пруссы въ особенности бились мужественно и въ нечаянномъ нападеніи плѣнили лучшихъ бояръ галицкихъ; однакожъ должны были освободить ихъ, когда россіяне, овладѣвъ главною башнею крѣпости, предложили честный миръ жителямъ.

Г. 1276. Кончина Василія.

Великій князь, по возвращеніи изъ орды, преставился въ Костромѣ на сороковомъ году отъ рожденія, къ горести князей и народа, чтившихъ въ немъ государя умнаго и добродушнаго. — Въ его время чиновники могольскіе сдѣлали вторично общую перепись людямъ во всѣхъ россійскихъ областяхъ для платежа дани и народъ, уже начиная привыкать къ рабству, сносилъ терпѣливо свое уничиженіе.

Соборъ.

Къ главнымъ достопамятностямъ Василіева княженія принадлежитъ соборъ, бывшій въ 1274 году, когда митрополитъ Кириллъ пріѣхалъ изъ Кіева въ Владиміръ, съ архимандритомъ Печерской лавры Серапіономъ, чтобы посвятить его тамъ въ епископы. Кириллъ, знаменитый миротворецъ князей и другъ отечества, свѣдавъ о многихъ безпорядкахъ въ дѣлахъ церковныхъ, ревностно желалъ исправить ихъ и созвалъ для того епископовъ въ Владиміръ: Далмата новогородскаго, Игнатія ростовскаго, Өеогноста переяславскаго или сарскаго, Симеона полоцкаго и, разсуждавъ съ ними, издалъ церковныя правила, коихъ почти современный харатейный списокъ находится въ синодальной библіотекѣ. «Донынѣ», — пишетъ митрополитъ, — «уставы церковные были омрачены облакомъ еллинской муд-

рости; нынѣ же предлагаются ясно, и невѣдѣніе да не будетъ извиненіемъ. Уклоняяся отъ истинныхъ правилъ христіанства, какое мы видѣли слѣдствіе? Не разсѣялъ ли насъ Богъ по лицу земли? не взяты ли грады наши? не истреблены ли князи остріемъ меча? не отведены ли въ плѣнъ семейства? не опустошены ли церкви? не томимся ли ежедневно отъ ига безбожныхъ и нечестивыхъ враговъ? Се казнь за нарушеніе уставовъ церкви!» Увѣренный, что нравственность мірянъ во многомъ зависитъ отъ нравовъ духовенства, Кириллъ повелѣваетъ давать священный санъ единственно людямъ непорочнымъ, коихъ жизнь и дѣла извѣстны *отъ самаго дѣтства*; сосѣды и знакомые должны засвидѣтельствовать ихъ честность, трезвость, добрыя склонности. Житель иной области (слѣдственно неизвѣстный въ той епархіи), рабъ не освобожденный, гражданинъ не платящій дани, господинъ жестокій, *ротникъ* или многоклянущійся, лжесвидѣтель, убійца хотя и принужденный, мздоимецъ, безграмотный, незаконно женатый отчуждаются отъ сего сана. Іерею надлежитъ имѣть 30 лѣтъ отъ рожденія, діакону 29. Епископамъ строго запрещается брать съ нихъ деньги за поставленіе, кромѣ опредѣленныхъ митрополитомъ *семи гривенъ* для крилошанъ. Всякая мзда, такъ называемая *посошная* и другія, отмѣнены. Далѣе сказано: «Мы свѣдали, что нѣкоторые іереи въ странахъ новогородскихъ отъ Пасхи до недѣли Всѣхъ Святыхъ празднуютъ только и веселятся, не крестятъ никого и не отправляютъ службы божественной: такіе да исправятся или да будутъ извержены! Единъ достойный пастырь лучше тысячи беззаконныхъ. Извѣстно намъ также, что многіе люди, держася древнихъ языческихъ обыкновеній сходятся въ святые праздники на какія-то бѣсовскія игрища, крикомъ и свистомъ сзываютъ подобныхъ себѣ пьяницъ и бьются дрекольемъ до самой смерти, снимая съ убитыхъ одежду: отнынѣ кто не перестанетъ тѣшить діавола такими гнусными забавами, да будетъ отлученъ отъ церквей Божіихъ; да не пріемлютъ отъ него никакихъ приношеній, то есть ни просфоръ, ни кутьи, ни свѣчъ; когда же умретъ, да не отправляютъ по немъ Божественныя службы, и тѣло его да лежитъ далеко отъ святыхъ храмовъ!» Въ числѣ многихъ обыкновеній, противныхъ уставамъ церковнымъ, Кириллъ осуждаетъ *обливаніе* при крещеніи, говоря, что оно беззаконно и что крестимый долженъ быть всегда *погружаемъ* въ сосудѣ особенномъ. Такимъ образомъ, приписывая государственное бѣдствіе разврату народа и заблужденіямъ духовенства, сей митрополитъ хотѣлъ искоренить оные мѣрами, согласными съ образомъ мыслей своего вѣка.

ГЛАВА VI.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ДИМИТРІЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

Г. 1276—1294.

Состояніе Россіи. — Россіяне въ Дагестанѣ. — Копорье. — Ссора князей Ростовскихъ. — Междоусобіе въ великомъ княженіи. — Бѣдствіе Курской области. — Независимость Тверского княженія. — Опустошеніе Россіи. — Кончина Димитріева. — Неустройства въ Новѣгородѣ. — Дѣла съ нѣмцами и шведами. — Набѣги Литвы. — Дѣла съ Польшею. — Кончина кн. Владиміра Волынскаго. — Добродѣтели Кирилла митрополита. — Смерть Ногаова.

Послѣ страшной грозы Батыевой, отечество наше какъ бы отдохнуло въ теченіе лѣтъ тридцати, будучи обязано внутреннимъ устройствомъ и тишиною умному прав-

г. 1276. Состояніе. Россіи.

ленію Ярослава Всеволодовича и св. Александра. Нѣкоторые частные грабежи моголовъ, нѣкоторыя маловажныя распри князей и самая утрата государственной независимости уже казались легкимъ зломъ въ сравненіи съ общими бѣдствіями минувшихъ лѣтъ, еще свѣжими въ памяти народа. Войны внѣшнія были довольно счастливы: побѣда Невская и Раковорская свидѣтельствовали, что россіяне еще умѣютъ владѣть мечемъ; а торговля, ободряемая даже грамотами ханскими, доставляла и купцамъ, и земледѣльцамъ способъ платить дань безъ затрудненія. Въ такомъ состояніи находилось великое княженіе, когда Димитрій Александровичъ восшелъ на престолъ онаго, къ несчастію подданныхъ и своему, къ стыду вѣка и крови героя Невскаго.

Новогородцы тогда же признали Димитрія своимъ княземъ, слѣдуя, во-первыхъ, древнему правилу, что глава Россіи есть и глава Новагорода, а во-вторыхъ, и для того, чтобы онъ покровительствовалъ ихъ важную торговлю въ землѣ низовской и не мѣшалъ имъ имѣть свободное сообщеніе съ Заволочьемъ.

Димитрій немедленно отправился въ Новгородъ, а другіе князья—Борисъ Ростовскій, Глѣбъ Бѣлозерскій, Ѳео-

г. 1277.

доръ Ярославскій и Андрей Городецкій, сынъ Невскаго, братъ Димитріевъ—повели войско въ орду, чтобы вмѣстѣ съ ханомъ Мангу-Тимуромъ идти на кавказскихъ ясовъ или аланъ, изъ коихъ многіе не хотѣли повиноваться татарамъ и еще съ усиліемъ противоборствовали ихъ оружію.

Россіяне въ Дагестанѣ.

Князья наши завоевали ясскій городъ Дедяковъ (въ южномъ Дагестанѣ), сожгли его, взявъ знатную добычу, плѣнниковъ, и симъ подвигомъ заслужили отмѣнное благоволеніе хана, изъявившаго имъ оное не только великою хвалою, но и богатыми

дарами. Θеодоръ Ярославскій и зять его, Михаилъ, сынъ Глѣбовъ, ходили и въ слѣдующій годъ помогать татарамъ, или единственно исполняя волю хана, или желая добычи, коею моголы охотно дѣлились съ россіянами, пользуясь ихъ мужествомъ. Татары воевали тогда въ Болгаріи съ однимъ славнымъ бродягою, свинопасомъ, извѣстнымъ въ греческихъ лѣтописяхъ подъ именемъ Лахана: сей человѣкъ приманилъ къ себѣ многихъ людей, увѣривъ ихъ, что небо послало его освободить отечество отъ ига могольскаго; имѣлъ сперва удачу и женился на вдовствующей супругѣ царя болгарскаго, имъ злодѣйски умерщвленнаго; но былъ, наконецъ, разбитъ татарами и лишенъ жизни въ станѣ Ногаевомъ. Г. 1278.

Между тѣмъ великій князь Димитрій наказалъ данниковъ Новагорода, кореловъ, взявъ ихъ землю на щитъ, то есть разоривъ оную и плѣнивъ многихъ жителей за ослушаніе или явный бунтъ: въ надеждѣ, можетъ быть, на помощь магистра ливонскаго или короля шведскаго, они хотѣли свергнуть иго, возложенное Новымгородомъ на ихъ предковъ. Чтобы нѣмцы и шведы не могли свободно приставать къ нашимъ берегамъ Финскаго залива, Димитрій заложилъ каменную крѣпость въ Копорьѣ, гдѣ прежде находилась деревянная, въ его же время срубленная. Сія крѣпость сдѣлала раздоръ между княземъ и народомъ: первый хотѣлъ присвоить оную лично себѣ и занять своею дружиною; а граждане не позволяли князю владѣть чѣмъ нибудь въ области Новогородской, особенно же мѣстомъ укрѣпленнымъ—и Димитрій, съ досадою уѣхавъ въ Владиміръ, началъ готовиться къ войнѣ. Тщетно посолъ, архіепископъ Климентъ, преемникъ Далматовъ, уговаривалъ его оставить гнѣвъ на людей, обыкшихъ соблюдать древнія права свои: великій князь пошелъ съ войскомъ въ область Новогородскую, началъ непріятельскія дѣйствія разореніемъ многихъ селеній и сталъ на Шалонѣ. Тамъ архіепископъ Климентъ вторичнымъ моленіемъ и дарами склонилъ его къ миру: новогородцы согласились поручить Копорье дружинѣ княжеской, но съ того времени не взлюбили Димитрія, ожидая случая отмстить ему за сіе насиліе, который скоро и представился. Г. 1280. Копорье.

Димитрій, оставивъ своего чиновника въ Новѣгородѣ, возвратился въ Владиміръ, быть посредникомъ въ ссорѣ князей Ростовскихъ. Борисъ Васильковичъ еще въ 1277 году скончался въ ордѣ, гдѣ была съ нимъ и супруга его, Марія. Глѣбъ Бѣлозерскій, наслѣдовавъ Ростовъ, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ умеръ. Сей меньшій Васильковъ сынъ отъ своей юности пользовался отмѣнною милостію хановъ и служилъ имъ на войнахъ усердно, чтобы тѣмъ лучше служить отечеству, ибо угнетаемые моголами россіяне всегда на- Г. 1281. Ссора князей Ростовскихъ.

ходили заступника и спасителя въ великодушномъ Глѣбѣ, вообще благотворительномъ, щедромъ, отцѣ сирыхъ и бѣдныхъ. По его кончинѣ, сыновья Борисовы, Димитрій и Константинъ, господствуя въ Ростовѣ, отняли у Глѣбова сына, Михаила, наслѣдственную Бѣлозерскую область и скоро поссорились между собою, такъ что Константинъ долженъ былъ прибѣгнуть къ великому князю, а Димитрій Борисовичъ началъ собирать полки; но великій князь отвратилъ ненавистное кровопролитіе: самъ ѣздилъ въ Ростовъ и посредствомъ тамошняго епископа Игнатія уговорилъ братьевъ жить согласно.

Междоусобіе въ великомъ княженіи.

Въ то самое время собственный его меньшій братъ, Андрей Александровичъ, князь городца Волжскаго, дѣйствуя по совѣту злодѣя Семена Тонигліевича и другихъ недостойныхъ бояръ, вздумалъ овладѣть великимъ княженіемъ, вопреки государственному уставу или древнему обыкновенію, по коему старшій въ родѣ заступалъ мѣсто отца. Лестію и дарами задобривъ хана, Андрей получилъ отъ него грамоту и войско, подступилъ къ Мурому и велѣлъ всѣмъ удѣльнымъ князьямъ явиться къ нему въ станъ съ ихъ дружинами. Никто не смѣлъ ослушаться: Ѳеодоръ Ярославскій, Михаилъ Ивановичъ Стародубскій (внукъ Всеволода III) и даже Константинъ Ростовскій, облагодѣтельствованный Димитріемъ, соединились съ Андреемъ. Изумленный сею внезапною грозою, великій князь искалъ спасенія въ бѣгствѣ; а татары, пользуясь случаемъ, напомнили Россіи время Батыево. Муромъ, окрестности Владиміра, Суздаля, Юрьева, Ростова, Твери до самаго Торжка, были разорены ими: они жгли и грабили домы, монастыри, церкви, не оставляя ни иконъ, ни сосудовъ, ни книгъ, украшенныхъ богатымъ переплетомъ; гнали людей толпами въ плѣнъ или убивали. Юныя монахини, жены священниковъ были жертвою гнуснаго насилія. Спасая жизнь и вольность, земледѣльцы гибли въ степяхъ отъ жестокихъ морозовъ. Переславль, удѣльный городъ Димитріевъ, хотѣлъ обороняться и былъ ужаснымъ образомъ за то наказанъ: не осталось жителя (по словамъ лѣтописи), который не оплакалъ бы смерти отца или сына, брата или друга. Сіе несчастіе случилось декабря 19: въ Рождество Христово церкви стояли пусты; вмѣсто священнаго пѣнія раздавался въ городѣ одинъ плачь и стонъ. Андрей, злобный сынъ отца столь великаго и любезнаго Россіи, праздновалъ одинъ съ татарами и, совершивъ дѣло свое, отпустилъ ихъ съ благодарностію къ хану.

Димитрій Александровичъ бѣжалъ къ Новугороду и думалъ заключиться въ Копорьѣ. Новогородцы многочисленными полками встрѣтили его на озерѣ Ильменѣ. «Стой, князь!»—говорили они:—«мы помнимъ твои обиды. Иди, куда хочешь». Они взяли дочерей и бояръ Димитріевыхъ въ залогъ, давъ

Г. 1282.

слово освободить ихъ, когда дружина княжеская добровольно выступитъ изъ Копорья, гдѣ находился тогда и славный Довмонтъ Псковскій, зять великаго князя. Доброхотствуя тестю, онъ съ горстію воиновъ вломился въ Ладогу, взялъ тамъ казну его, даже много чужого, и возвратился въ Копорье; но пользы не было: ибо новогородцы немедленно осадили сію крѣпость и, принудивъ Довмонта выйти оттуда со всѣми людьми княжескими, срыли оную до основанія. Внутренно, можетъ быть гнушаясь злодѣяніемъ Андрея Александровича, но жертвуя совѣстію особеннымъ ихъ выгодамъ, новогородцы призвали его и возвели на престолъ св. Софіи.

Между тѣмъ, свѣдавъ, что полки ханскіе оставили Россію, Димитрій возвратился въ Переславль, гдѣ жители изъявляли къ нему усердіе, и началъ собирать войско. Андрей, видя опасность, спѣшилъ въ орду. Новогородцы также не могли быть спокойны: имѣя недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ и боясь, чтобы Димитрій не занялъ хлѣбнаго Торжка, ввѣрили защиту сего для нихъ важнаго мѣста надежному бояpину Семену Михайловичу; велѣли ему доставить оттуда весь излишній хлѣбъ водою въ Новгородъ, и соединились съ друзьями Андреевыми, меньшимъ его братомъ Даніиломъ Московскимъ и Святославомъ Тверскимъ. Они хотѣли изгнать великаго князя; встрѣтивъ же его готоваго къ битвѣ, въ пяти верстахъ отъ Дмитрова, остановились и заключили миръ на всей волѣ своей: то есть Димитрій отказался отъ Новагорода и далъ слово никогда не мстить его жителямъ. Но Андрей нашелъ гораздо усерднѣйшихъ помощниковъ въ моголахъ: сіи варвары, всегда алчные къ злодѣйствамъ и добычѣ, не отказались и вторично услужить ему разореніемъ великаго княженія; напали со всѣхъ сторонъ на Суздальскія области и стремились къ Переславлю, означая свой путь кровію и пожарами. Димитрій не могъ противиться: онъ бѣжалъ къ сильному Ногаю, который, бывъ прежде воеводою ханскимъ, тогда уже самовластно господствовалъ отъ степей Слободской Украинской и Екатеринославской губерніи до береговъ Чернаго моря и Дуная.

Такимъ образомъ князья россійскіе въ самомъ источникѣ насилій искали способа защитить себя отъ оныхъ и жертвовали послѣдними остатками народной гордости выгодамъ собственнаго, личнаго властолюбія. Димитрій не обманулся въ надеждѣ; убѣжденный его справедливостію или желая единственно доказать свое могущество, Ногай возвратилъ ему престолъ и власть, не мечемъ и не кровопролитіемъ, но одною повелительною грамотою. Андрей не дерзнулъ быть ослушникомъ, ибо самъ новый ханъ Тудапъ-Мангу боялся Ногая. Братья примирились, хотя и неискренно; меньшій отказался отъ великаго кня- Г. 1283.

женія и даже не могъ защитить своихъ друзей отъ мести Димитріевой. Мы упоминали о вельможѣ Семенѣ Тонгліевичѣ, главномъ совѣтникѣ Андреевомъ, коему лѣтописцы даютъ имя коварнаго мятежника: великій князь послалъ двухъ бояръ умертвить его въ Костромѣ, гдѣ онъ жилъ спокойно, надѣясь на заключенный между братьями миръ. Бояре, тайно схвативъ сего вельможу, напрасно хотѣли свѣдать, не имѣетъ ли Андрей новыхъ опасныхъ замысловъ: Семенъ отвѣтствовалъ: «Я ничего не знаю. Братья ссорятся, братья мирятся; а мое дѣло вѣрно служить государю». Запираясь въ томъ, чтобы Андрей по его совѣту призывалъ моголовъ и слыша угрозы, онъ равнодушно сказалъ: «и такъ, великій князь не боится вѣроломства? клялся быть другомъ Андреевымъ и грозитъ казнію его боярамъ!» Тогда исполнители Димитріева повелѣнія убили сего человѣка жестокаго, но смѣлаго и рѣшительнаго: свойства, безъ коихъ злодѣи не могли бы такъ часто успѣвать въ своихъ намѣреніяхъ.

г. 1283—84. Андрей молчалъ и, не смѣя ни въ чемъ спорить съ Димитріемъ, уступилъ ему Новгородъ, хотя, будучи въ Торжкѣ, незадолго до сего времени далъ клятву новогородскимъ чиновникамъ жить или умереть съ ними. Онъ ходилъ даже вмѣстѣ съ великимъ княземъ и съ татарами смирять новогородцевъ, не хотѣвшихъ повиноваться его брату. Чтобы не раздражить моголовъ и спасти свою область отъ разоренія, они согласились, наконецъ, зависѣть отъ Димитрія, уступивъ ему Волокъ.

Увидимъ, что Андрей, стараясь доказывать великому князю свое раскаяніе и миролюбіе, дѣйствовалъ какъ лицемѣръ; но прежде описанія его новыхъ злодѣйствъ изобразимъ тогдашнія

Бѣдствіе Курской области. бѣдствія области Курской, гдѣ господствовали Олегъ и Святославъ, потомки древнихъ владѣтелей черниговскихъ: первый въ Рыльскѣ и Ворголѣ, а вторый—въ Липецкѣ. Баскакомъ сего княженія былъ Ахматъ хивинецъ: взявъ на откупъ дань татарскую, онъ угнеталъ народъ, не исключая ни бояръ, ни князей, и завелъ близъ Рыльска двѣ слободы, куда стекались негодяи всякаго рода, чтобы, снискавъ его покровительство, грабить окрестныя селенія. Олегъ съ согласія Святослава пожаловался на то хану Телебугѣ, который, давъ ему отрядъ моголовъ, велѣлъ разорить слободы Ахматовы: князья же, исполняя въ точности приказъ его, вывели оттуда своихъ бѣглыхъ людей, а другихъ оковали цѣпями. Ахматъ находился тогда у Ногая и, слыша, что сдѣлалось въ области Курской, описалъ ему Олега и Святослава разбойниками, тайными его непріятелями. Сіе обвиненіе имѣло нѣкоторую тѣнь истины: ибо легкомысленный Святославъ, еще прежде Олегова возвращенія изъ орды, тревожилъ баскаковы селенія ночными нападеніями,

похожими на разбой. «Чтобы увѣриться въ справедливости моихъ словъ»,—говорилъ Ахматъ Ногаю,—«пошли сокольниковъ въ Олегову землю ловить лебедей и вели ему къ тебѣ пріѣхать: увидишь, что онъ не послушается». Олегъ не считалъ себя виновнымъ, ибо исполнилъ только волю хана; но, боясь клеветы Ахматовой, не захотѣлъ ѣхать къ Ногаю, который, будучи раздраженъ его ослушаніемъ, послалъ войско наказать мнимаго непріятеля. Могъ ли князь двухъ или трехъ ничтожныхъ городковъ думать о сопротивленіи? Олегъ бѣжалъ къ хану Телебугѣ, Святославъ въ лѣса воронежскіе, а моголы, разоривъ курское владѣніе, схватили 13 бояръ, также нѣсколько странниковъ, и предали ихъ скованныхъ въ жертву злобному баскаку. Онъ злодѣйски умертвилъ первыхъ, освободилъ странниковъ и, подаривъ имъ окровавленныя одежды казненныхъ бояръ, сказалъ: «Ходите изъ земли въ землю и громогласно объявляйте: такъ будетъ всякому, кто дерзнетъ оскорбить баскака!» Разоренныя Ахматовы слободы вновь наполнились жителями, скотомъ и другими плодами всемѣстнаго грабежа въ Курской области: люди бѣжали въ пустыни, не смотря на жестокость зимы; города и села опустѣли, такъ что слуги баскаковы, возя повсюду головы и руки убитыхъ бояръ, видѣли, что некого было стращать сими знаками его ужасной мести. Однакожъ Ахматъ боялся ушедшихъ князей, и самъ поѣхалъ къ Ногаю, оставивъ вмѣсто себя двухъ братьевъ для охраненія слободъ. Что онъ предвидѣлъ, то и случилось. Бродяги, жители баскаковыхъ деревень, скоро должны были всѣ разбѣжаться: ибо Святославъ возвратился, стерегъ ихъ на дорогахъ и нѣсколько человѣкъ умертвилъ, не заботясь о слѣдствіяхъ. Тогда же пріѣхалъ изъ орды и родственникъ его, Олегъ, собрать, успокоить народъ и съ христіанскими обрядами воздать честь погребенія убитымъ боярамъ, коихъ искаженные трупы еще висѣли на деревахъ. Желая отвратить новую бѣду отъ земли курской, сей князь торжественно объявилъ Святослава преступникомъ, говоря ему: «Мы были правы, а теперь стали виновны. Дѣло твое есть вторичный разбой, всего болѣе ненавистный татарамъ и въ самомъ нашемъ отечествѣ нетерпимый. Надлежало требовать суда отъ хана, ты же не хотѣлъ ѣхать къ нему, укрываясь въ темнотѣ лѣсовъ какъ злодѣй. Моя совѣсть чиста. Иди, оправдайся предъ царемъ». Но Святославъ не слушалъ ни упрековъ, ни совѣтовъ его, отвѣтствуя гордо: «Я воленъ въ своихъ дѣлахъ; наказалъ враговъ моихъ, и правъ». Тогда Олегъ поѣхалъ съ жалобою къ Телебугѣ и, ревностно исполняя волю его, умертвилъ Святослава! Достойно замѣчанія, что лѣтописцы сего времени нимало не винятъ убійцы, осуждая безразсудность убитаго: столь рабство измѣняетъ понятія людей о чести и справедливости! Святославъ казался злодѣемъ, ибо, отражая насиліе насиліемъ,

подвергалъ россіянъ гнѣву сильнаго тирана; а жестокій Олегъ, вонзивъ мечъ въ сердце единокровнаго князя, не заслужилъ ихъ укоризны, ибо тѣмъ спасалъ себя и подданныхъ отъ мести татарской... Но себя не спасъ: братъ Святослава Александръ убилъ его вмѣстѣ съ двумя сыновьями и нашелъ способъ умилостивить моголовъ. Сіи завоеватели требовали единственно повиновенія и даровъ, оставляя нашимъ князьямъ право рѣзать другъ друга и, вступаясь иногда съ великою ревностію за утѣсненнаго, готовы были тогда же взять сторону противную.

Мы видѣли, что Ногай защитилъ Димитрія; увидимъ его и защитникомъ Андрея. Сей князь Городецкій жилъ два г. 1285. года спокойно, призвалъ къ себѣ какого-то царевича изъ орды и началъ явно готовиться къ важнымъ непріятельскимъ дѣйствіямъ. Великій князь предупредилъ ихъ: соединился съ удѣльными владѣтелями, выгналъ царевича и плѣнилъ бояръ Андреевыхъ. Сіе дѣйствіе могло оскорбить хана и казалось дерзостію: ростовцы поступили еще смѣлѣе. Съ неудовольствіемъ смотря на множество татаръ, привлекаемыхъ къ нимъ корыстолюбіемъ и хотѣвшихъ быть во всемъ господами, они положи- г. 1289. ли на вѣчѣ изгнать сихъ безпокойныхъ гостей, и разграбили ихъ имѣніе. Владѣтель ростовскій, Димитрій Борисовичъ, сватъ великаго князя, немедленно послалъ въ орду брата своего Константина, чтобы оправдать народъ или себя, и ханъ на сей разъ не вступился за обиженныхъ татаръ: чему были причиною или дары княжескіе, или тогдашнія внутреннія неустройства въ ордѣ. Ногай болѣе и болѣе стѣснялъ власть ханскую: наконецъ умертвилъ Телебугу и возвелъ на престолъ его брата, именемъ Тохту. Къ несчастію, Россія не могла еще воспользо- г. 1291. ваться сими междоусобіями ея тирановъ, согласныхъ въ желаніи угнетать оную.

Великій князь, обязанный всѣмъ покровительству Ногая, могъ быть еще спокойнѣе прежняго, видя его располагающаго судьбою хановъ. Чтобы тѣмъ болѣе угодить ему, онъ послалъ въ орду сына юнаго Александра (который тамъ и скончался). Но Андрей хитрыми происками успѣлъ склонить на свою сторо- г. 1292. ну многихъ удѣльныхъ князей, въ особенности же Θеодора Ярославскаго, любимца и — какъ вѣроятно—зятя Ногаева, представляя имъ Димитрія опаснымъ и готовымъ стѣснить ихъ права, хотя великій князь совсѣмъ не думалъ о самовластіи. За нѣсколько лѣтъ до того времени оскорбленный тверскимъ владѣтелемъ Михаиломъ Ярославичемъ, юношею гордымъ, онъ ходилъ вмѣстѣ съ новогородцами воевать его области, но долженъ былъ заключить съ нимъ миръ у Кашина, не смѣвъ рѣшиться на битву и какъ бы признавъ независимость Тверского княженія. Андрей и Θеодоръ, вступивъ въ тѣсную связь, очернили Димит-

рія въ глазахъ Ногая, весьма равнодушнаго къ справедливости и довольнаго случаемъ обогатить своихъ моголовъ новымъ впаденіемъ въ Россію, гдѣ они били людей какъ птицъ и брали добычу, не подвергаясь ни малѣйшей опасности. Ногай сказалъ слово, и многочисленные полки моголовъ устремились на разрушеніе. Дюдень, братъ хана Тохты, предводительствовалъ ими, а князья Андрей и Θеодоръ указывали ему путь въ сердце отечества. Димитрій находился въ Переславлѣ: не имѣя отважности встрѣтить Дюдела ни съ оружіемъ, ни съ убѣдительными доказательствами своей невинности, онъ бѣжалъ черезъ Волокъ въ отдаленный Псковъ, къ вѣрному зятю Довмонту. Татары шли возвести Андрея на великое княженіе и могли бы сдѣлать то безъ всякаго кровопролитія: ибо никто не думалъ сопротивляться волѣ Ногаевой, но сей предлогъ былъ только обманомъ. Муромъ, Суздаль, Владиміръ, Юрьевъ, Переславль, Угличъ, Коломна, Москва, Дмитровъ, Можайскъ, и еще нѣсколько другихъ городовъ были ими взяты какъ непріятельскіе, люди плѣнены, жены и дѣвицы обруганы. Духовенство, свободное отъ дани ханской, не спаслося отъ всеобщаго бѣдствія: обнажая церкви, татары выломали даже мѣдный полъ собора Владимірскаго, называемый Чудеснымъ въ лѣтописяхъ.—Въ Переславлѣ они не нашли ни одного человѣка: ибо граждане удалились заблаговременно съ женами и съ дѣтьми. Даніилъ Александровичъ Московскій, братъ и союзникъ Андреевъ, дружелюбно впустивъ татаръ въ свой городъ, не могъ защитить его отъ грабежа. Ужасъ царствовалъ повсюду. Одни лѣса дремучіе, коими сія часть Россіи тогда изобиловала, служили убѣжищемъ для земледѣльцевъ и гражданъ.

Независимость Тверского княженія.

Г. 1293.

Опустошеніе Россіи.

Дюдень, вступивъ въ Тверскую область, думалъ взять столицу тѣмъ удобнѣе, что князь Михаилъ находился въ ордѣ. Къ счастію, бояре и народъ изъявили великодушную смѣлость: съ обрядами священными давъ клятву другъ другу обороняться до послѣдняго человѣка, они составили войско, довольно сильное числомъ, многіе люди изъ другихъ областей, спасаясь отъ моголовъ, прибѣжали въ Тверь и вооружились вмѣстѣ съ ея мужественными гражданами. Къ внезапной ихъ радости, явился и князь Михаилъ, двадцатилѣтній юноша, любимый всѣми. Не зная, что татары заняли Москву, онъ было едва не попался къ нимъ въ руки; но одинъ сельскій священникъ въ окрестностяхъ ея далъ ему вѣсть о томъ и показалъ дорогу безопасную. Духовенство встрѣтило князя со крестами, народъ съ восхищеніемъ; думая, что онъ привезъ къ нимъ спасеніе и побѣду, самые малодушные ободрились. Мужество въ нѣкоторыхъ случаяхъ такъ же легко сообщается, какъ и робость.—Недостойный князь Андрей, бывъ

свидѣтелемъ всѣхъ злодѣйствъ татарскихъ, уже велъ Дюдена къ Твери; но свѣдавъ, что жители ея подъ начальствомъ Михаила готовы дать имъ отпоръ сильный, моголы обратились къ Новогородской области, ибо искали въ Россіи не славы побѣдъ, а только одной безопасно добываемой корысти. Разореніемъ Волока заключилось сіе губительство. Приславъ дары воеводѣ могольскому, новогородцы объявили тамъ Андрею, что они всегда желали имѣть его своимъ княземъ и что ему нѣтъ нужды идти къ нимъ съ татарами. Дюдень отступилъ и вышелъ изъ Россіи. Андрей пріѣхалъ въ Новгородъ; союзникъ же его Ѳеодоръ Ростиславичъ взялъ себѣ Переславль-Залѣсскій. Сей князь, по смерти братьевъ Глѣба и Михаила Ростиславичей, господствовалъ и въ Смоленскѣ, но скоро долженъ былъ уступить оный племяннику Александру Глѣбовичу, воину мужественному, который (въ 1285 году) счастливо отразилъ отъ столицы своей князя Брянскаго, Романа Михайловича.

г. 1294.

Великій князь ждалъ только отбытія полковъ Дюденевыхъ и хотѣлъ немедленно возвратиться въ свою наслѣдственную Переславскую область, зная, что усердный къ нему народъ возьметъ его сторону. Андрей съ дружиною новогородскою перехватилъ брата на пути, близъ Торжка. Великій князь, оставивъ казну свою въ рукахъ Андреевыхъ, ушелъ въ Тверь, гдѣ юный Михаилъ принялъ его со всею должною честію, и вызвался быть миротворцемъ между ими, чтобы избавить отечество отъ дальнѣйшихъ бѣдствій. Епископъ тверскій и Святославъ (князь или вельможа) поѣхали въ Торжокъ, убѣждали, молили Андрея и, наконецъ, успѣли въ благомъ дѣлѣ своемъ. Великій князь отказался отъ старѣйшинства и престола владимірскаго, довольный наслѣдственнымъ Переславскимъ удѣломъ; а новогородцы получили обратно Волокъ. Согласно съ главнымъ условіемъ мира, Ѳеодору Ростиславичу надлежало оставить Переславль: онъ не могъ противиться волѣ Андреевой, но, выѣзжая изъ сего города, обратилъ его въ пепелъ. Димитрій свѣдалъ о томъ уже въ послѣдніе часы своей жизни: занемогъ, постригся и близъ Волока умеръ на пути; государь, памятный одними несчастіями, претерпѣнными Россіею въ его княженіе отъ Андреева безумнаго властолюбія! Лѣтописцы прибавляютъ, что въ сіи горестныя времена были страшныя небесныя знаменія, громы, вихри и смертоносныя болѣзни.

Кончина Димитріева.

Новогородцы при Димитріи также не пользовались ни внутреннимъ, ни внѣшнимъ миромъ. Въ 1287 году смѣненный посадникъ, Симеонъ Михайловичъ, несправедливо обвиняемый во злоупотребленіяхъ власти, былъ осажденъ въ домѣ своемъ шумными вооруженными толпами, но архіепископъ спасъ его, проводивъ въ Софійскую цер-

Неустройства въ Новѣгородѣ.

ковъ, куда мятежники не дерзнули вломиться. На другой день всѣми признанный невиннымъ, посадникъ умеръ съ горести, видѣвъ легковѣріе и жестокость согражданъ. Конецъ возставалъ на конецъ, улица на улицу: такъ называемая Прусская вся была выжжена за боярина Самуила Ратьшинича, убитаго ея жителями на дворѣ архіепископскомъ. Въ 1291 году крамольники опустошили богатыя лавки купеческія: народъ, вслѣдствіе торжественнаго суда, утопилъ двухъ главныхъ виновниковъ сего злодѣйства.—Нѣмцы часто тревожили новогородцевъ, разбивали ихъ суда на Ладожскомъ озерѣ и хотѣли обложить данію Корелу: мужественный посадникъ Симеонъ, въ устьѣ Невы побѣдивъ нѣмецкаго воеводу Трунду, истребилъ большую часть его шнекъ и лойвъ или судовъ. Шведы, раздраженные нападеніемъ отряда новогородскаго на Финляндію, приходили разорять землю ижерскую и корельскую. Ихъ было 800 человѣкъ: ни одинъ не спасся; жители сихъ областей сами собою управились съ ними. Но въ слѣдующій годъ (1293) шведы заложили крѣпость на границахъ Кореліи, нынѣшній Выборгъ, и новогородцы, приступивъ къ ней съ малыми силами, возвратились безъ успѣха. Король шведскій Биргеръ желалъ утвердиться въ Кореліи для того, чтобы обуздать ея свирѣпыхъ жителей, непрестанно безпокоившихъ его сѣверо-восточныя владѣнія и грабившихъ суда купеческія на Финскомъ заливѣ; хотѣлъ такъ же укоренить въ ней латинскую вѣру и присвоить себѣ господство надъ торговлею нѣмцевъ съ Новымгородомъ: чему свидѣтельствомъ служитъ грамота, данная Биргеромъ Любеку и другимъ городамъ приморскимъ, въ коей онъ, обѣщая имъ покровительство, строго запрещаетъ ихъ купцамъ возить оружіе и всякое желѣзо въ Россію.

Дѣла съ нѣмцами и шведами.

Набѣги литовцевъ продолжались, особенно на области Тверскую и Новогородскую. Не только жители Волока, Торжка, Зубцова, Ржева, Твери, но и москвитяне съ дмитровцами долженствовали вооружиться (въ 1285 году) и, соединенными силами поразивъ толпы сихъ хищниковъ, убили ихъ князя, именемъ Домонта.

Набѣги Литвы.

Гораздо важнѣе и несчастнѣе для Россіи, какъ пишетъ историкъ Длугошъ, было (въ 1280 году) сраженіе Льва Даніиловича Галицкаго съ поляками. По кончинѣ добраго Болеслава, умершаго бездѣтнымъ, Левъ думалъ быть его наслѣдникомъ и государемъ всей Польши; не могъ преклонить къ тому вельможъ краковскихъ (избравшихъ Лешка, Болеславова племянника) и, желая силою овладѣть нѣкоторыми изъ ближайшихъ ея городовъ, самъ ѣздилъ въ орду къ Ногаю требовать отъ него войска. Однакожъ, не смотря на многочисленныя толпы моголовъ, данныя ему ханомъ, воеводы Лешковы

Дѣла съ Польшею.

одержали надъ нимъ блестящую побѣду, взявъ 2,000 плѣнниковъ, семь знаменъ и, положивъ на мѣстѣ 8,000 человѣкъ. Князья благоразумные, Владиміръ-Іоаннъ и Мстиславъ Даніиловичъ, весьма неохотно участвовали въ семъ походѣ, осуждая призваніе моголовъ, которымъ слѣпое властолюбіе Льва указывало путь къ дальнѣйшимъ опустошеніямъ странъ христіанскихъ. Но Провидѣніе охраняло Западъ. Такъ, сильные вожди ханскіе, Ногай и Телебуга, въ 1285 году предпріявъ совершенно разрушить венгерскую державу и взявъ съ собою князей Галицкихъ, наполнили стремнины карпатскія трупами своихъ воиновъ. Россіяне были для нихъ худыми путеводителями: гдѣ надлежало идти три дни, тамъ моголы скитались мѣсяцъ; сдѣлался голодъ, моръ, и Телебуга возвратился пѣшъ съ одною женою и кобылою, по словамъ лѣтописца. Около ста тысячъ варваровъ погибло въ горахъ и пустыняхъ. Не смотря на то, Ногай и Телебуга, въ 1287 году, съ новыми силами явились на берегахъ Вислы: герцогъ Лешко бѣжалъ изъ Кракова; никто не мыслилъ обороняться въ Польшѣ; но, къ ея спасенію, вожди татарскіе боялись, ненавидѣли другъ друга; не захотѣли дѣйствовать совокупно и, безъ битвы плѣнивъ множество людей, удалились. Телебуга на возвратномъ пути остановился въ Галиціи, требуя гостепріимства отъ ея князей, вмѣстѣ съ нимъ неволею ходившихъ за Вислу; а въ благодарность за оное моголы грабили, убивали россіянъ и сообщили имъ язву, отъ коей умерло въ однѣхъ Львовыхъ областяхъ 12,500 человѣкъ и которая, если вѣрить сказанію Длугоша, произошла отъ того, что моголы испортили воды въ Галиціи ядомъ, будто бы извлеченнымъ ими изъ мертвыхъ тѣлъ. Сіе бѣдствіе увѣрило Льва Даніиловича, что должно не призывать, а всячески отводить моголовъ отъ покушеній на Западъ: ибо Галичъ и Волынія, служа имъ перепутьемъ, страдали въ такомъ случаѣ не менѣе тѣхъ земель, куда стремились сіи варвары.

Кончина князя Владиміра Волынскаго.

Здѣсь подробныя сказанія волынскаго лѣтописца о происшествіяхъ его отчизны заключаются извѣстіемъ о болѣзни и кончинѣ Владиміра-Іоанна Васильковича, любителя правды, кроткаго, милостиваго, трезваго, и за особенную ученость по тогдашнему времени названнаго философомъ. Сей добрый князь Владимірскій четыре года страдалъ какъ Іовъ. Нижняя губа его начала гнить; лекарства не помогали; но, снося терпѣливо боль, онъ занимался дѣлами и ѣздилъ на конѣ. Недугъ усилился: вся мясная часть бороды отпала, нижніе зубы и челюсть выгнили. Предвидя смерть, Владиміръ собралъ всѣ драгоцѣнности, золотые и серебряные поясы отцовскіе и собственные, мописты бабкины, материны, большія серебряныя блюда, золотые кубки; слилъ ихъ въ гривны и роздалъ бѣднымъ вмѣстѣ съ княжескими стадами. Не имѣя дѣтей, онъ

въ духовномъ завѣщаніи объявилъ наслѣдникомъ своимъ Мстислава Даніиловича, мимо старшаго Льва и сына его Юрія (женатаго на дочери Ярослава Тверского): ибо не любилъ ихъ за лукавые происки. Такъ, Левъ, свѣдавъ о тяжкой болѣзни Владиміра, присылалъ къ нему святителя перемышльскаго, Мемнона, чтобы выпросить у него Брестъ, на свѣчу для гроба Даніилова, какъ говорилъ сей епископъ. «А что братъ вашъ Левъ далъ въ память родителя моего?»—сказалъ Владиміръ:—«господствуя въ трехъ княженіяхъ: Галицкомъ, Перемышльскомъ, Бельзскомъ, хочетъ взять и Брестъ; но не обманетъ меня». Тщетно и Юрій притворно жаловался ему на отца, будто бы лишенный имъ удѣла, и надѣялся вымолить у дяди сію же область. Умирая, Владиміръ отказалъ супругѣ, именемъ Еленѣ, городъ Кобринъ; поручилъ ее наслѣднику своему, равно какъ и юную питомицу ихъ, неизвѣстную княжну Изяславу, взятую ими въ пеленахъ отъ матери—и преставился въ Любомлѣ (въ 1289 году), а погребенъ, обвитый бархатомъ съ кружевами, въ Владимірѣ, въ церкви св. Богоматери, епископомъ Евсегеніемъ. Нѣжная супруга и сестра Ольга оплакали его вмѣстѣ съ подданными и бывшими тамъ иноземцами, въ числѣ коихъ лѣтописецъ именуетъ евреевъ, сказывая далѣе, что сей князь былъ отмѣнно высокаго росту и прекрасный лицомъ, имѣлъ желтые кудреватые волосы, голосъ толстый, и стригъ бороду вопреки обыкновенію; что онъ построилъ городъ Каменецъ за Брестомъ на рѣкѣ Льстнѣ (гдѣ всѣ мѣста, по кончинѣ Романа, отца Даніилова, 80 лѣтъ пустѣли), вездѣ исправилъ, обновилъ крѣпости, украсилъ многія церкви живописью, серебромъ, финифтью и надѣлилъ священными книгами, имъ самимъ списанными; что наслѣдникъ Владиміровъ, Мстиславъ, уподоблялся ему въ добродѣтеляхъ: одною угрозою выгналъ Юрія Львовича изъ Бреста, Каменца, Бѣльска и въ наказаніе обложилъ ихъ жителей необыкновенною податію. Лѣтописецъ волынскій жилъ въ сіе время: онъ называетъ его счастливымъ. Уже татары не безпокоили западной Россіи и были довольны, получая отъ ея князей дань, собираемую съ народа. Владѣтели литовскіе, братья Будикидъ и Буйвидъ, купили дружбу Мстислава, уступивъ ему Волковыйскъ. Ятвяги, отчасти присоединенные въ Литвѣ Тройденомъ, не смѣли оскорблять россіянъ, желая получать отъ нихъ хлѣбъ и представляя имъ въ обмѣнъ воскъ, бобровъ, черныхъ куницъ и даже серебро. Польша терзалась въ междоусобіяхъ: Болеславъ и Конрадъ Самовитовичи, враги Генрика Вратиславскаго, искали благосклонности князей Галицкихъ. Левъ, помогая имъ, осаждалъ Краковъ: не взялъ его отъ измѣны вельможъ Болеславовыхъ, но возвратился съ великою добычею, разоривъ область Генрикову и заключивъ тѣсный союзъ съ королемъ богемскимъ. Однимъ словомъ, Галиція и Волынія отдохнули, славя мудрость

и знаменитость своихъ государей. Еще родъ Святополка-Михаила господствовалъ въ Пинскѣ: послѣдній князь его, намъ извѣстный, былъ Георгій Владиміровичъ, добрый и правдивый (отъ того же, вѣроятно, колѣна произошли князья Степанскіе, упоминаемые въ лѣтописи волынской).—Теперь обратимся къ сѣверной Россіи.

Во время Димитрія Александровича возвысилось могуществомъ новое княженіе Тверское, которое, бывъ частію Суздальскаго или Владимірскаго, сдѣлалось особеннымъ при Ярославѣ Ярославичѣ, учредившемъ тамъ епископію. Первый святитель тверскій, Симеонъ, имѣлъ уже многія богатыя волости, Олешну и другія, данныя ему княземъ, а преемникъ Симеоновъ, игуменъ Андрей, былъ сынъ литовскаго князя Герденя и христіанки Евпраксіи, тетки Довмонта Псковскаго. Сего второго епископа Тверского ставилъ уже новый митрополитъ Максимъ: ибо Кириллъ (въ 1280 году) скончался въ Переславлѣ-Залѣсскомъ, бывъ главою нашей церкви 31 годъ; тѣло его отвезли для погребенія въ Кіевъ. Едва ли кто

Добродѣтели Кирилла митрополита.

нибудь изъ древнихъ митрополитовъ россійскихъ превосходилъ Кирилла въ добродѣтеляхъ истинно пастырскихъ. Онъ мирилъ князей съ народомъ, просвѣщалъ духовенство, искоренялъ заблужденія, одушевленный ревностію къ вѣрѣ и къ чистотѣ евангельскаго ученія. Разскажемъ одинъ любопытный случай, который ясно представляетъ благоразуміе сего митрополита. Услышавъ, что епископъ ростовскій, Игнатій, вздумалъ судить давно умершаго добраго князя Глѣба Васильковича и, какъ недостойнаго, велѣлъ ночью перенести въ гробѣ изъ соборной церкви въ монастырь Спасскій, Кириллъ, оскорбленный такимъ злоупотребленіемъ духовной власти, отлучилъ епископа отъ службы, и наконецъ, простивъ его изъ уваженія къ ревностному представительству князя Димитрія Борисовича Ростовскаго, сказалъ ему: «Игнатій! оплакивай во всю жизнь свое безуміе, дерзнувъ осудить мертвеца прежде суда Божія! Когда Глѣбъ былъ живъ и властвовалъ, ты искалъ въ немъ милости; бралъ отъ него дары; вкусно ѣлъ и пилъ за столомъ княжескимъ, и въ благодарность за то обругалъ тѣло покойника! Кайся во глубинѣ сердца, да проститъ Богъ твое согрѣшеніе!»—Кириллъ посылалъ епископа сарскаго, Ѳеогноста, къ патріарху константинопольскому, Іоанну Векку, славному ученостію и краснорѣчіемъ, но измѣннику православія: ибо Іоаннъ хотѣлъ подчинить церковь Восточную Западной. Патріархъ дѣйствовалъ такъ въ угодность царю Михаилу Палеологу, а царь для безопасности своего царства и въ надеждѣ, что папа примиритъ его съ братомъ св. Людовика, опаснымъ Карломъ д'Анжу, который, господствуя на Средиземномъ морѣ, угрожалъ имперіи Греческой. Россійскій епископъ видѣлъ въ Константинополѣ несчастный ра-

сколъ, гоненіе и даже казнь многихъ ревностныхъ сановниковъ церкви, громогласно осуждавшихъ царя, и возвратился (въ 1279 году) къ митрополиту съ извѣстіями печальными. Духовенство россійское, по кончинѣ знаменитаго Кирилла, два года не имѣло главы, ибо не хотѣло, какъ вѣроятно, принять новаго митрополита отъ злочестиваго Іоанна Векка. Максимъ, въ 1283 году, былъ посвященъ старцемъ Іосифомъ, вторично призваннымъ на патріаршество по смерти императора Михаила, и предавшимъ анаѳемѣ уставы латинской церкви.—Въ одной лѣтописи сказано, что преемникъ Кирилловъ, грекъ Максимъ, прибывъ въ Россію, ѣздилъ въ орду и послѣ сзывалъ для чего-то всѣхъ нашихъ епископовъ въ Кіевъ; но сіе извѣстіе, не подтверждаемое другими достовѣрнѣйшими лѣтописцами, остается сомнительнымъ. Доселѣ ни митрополиты, ни епископы наши не бывали въ ордѣ, кромѣ сарскаго, жившаго въ ея столицѣ. Достойно замѣчанія, что епископъ Ѳеогностъ ѣздилъ оттуда въ Константинополь не только по церковнымъ дѣламъ, но и въ качествѣ ханскаго посла къ императору Михаилу, тестю Ногаеву. Сей славный Ногай—въ тотъ самый годъ, какъ Дюденево войско злодѣйствовало въ Россіи—былъ побѣжденъ ханомъ Тохтою и найденъ между убитыми. Кажется, что въ сіе время уже разные воеводы могольскіе присвоивали себѣ имя царей: ибо въ нашихъ лѣтописяхъ упоминается еще о какомъ-то царѣ Токтомерѣ, который (около 1293 году) пріѣзжалъ въ Тверь, утѣснялъ народъ и возвратился съ богатою корыстію въ свои улусы.

Смерть Ногаева.

ГЛАВА VII.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

Г. 1294—1304.

Браки.—Свойства Андреевы.—Судъ князей.—Сеймы княжескіе.—Москва усиливается.—Смѣлость россіянъ.—Смерть Даніила Московскаго.—Междоусобія въ княженіяхъ.—Война съ орденомъ Ливонскимъ.—Кончина и слава Довмонтова.—Ландскрона.—Миръ съ Даніею.—Смерть Андреева.—Разныя бѣдствія.—Митрополиты въ Владимірѣ.—Кончина Льва Галицкаго.—Двинская грамота.

Наконецъ властолюбивый Андрей уже могъ назваться законнымъ великимъ княземъ Россіи; никто не спорилъ съ нимъ о семъ достоинствѣ. Константинъ Борисовичъ, по кончинѣ старшаго брата, сѣлъ на престолѣ ростовскомъ, отдавъ Угличъ своему сыну, Александру. Великій князь и Михаилъ Тверскій женились на дочеряхъ умершаго Димитрія Борисовича, и два года протекли въ тишинѣ.

Г. 1294.

Браки.

Но могъ-ли Андрей, разоритель отечества, требовать любви отъ народа и почтенія отъ князей? Онъ не имѣлъ и тѣхъ свойствъ, коими злодѣи человѣчества закрашиваютъ иногда чер-

Свойства Андреевы.

поту свою: ни ревностнаго славолюбія, ни великодушнаго мужества; бралъ города, истреблялъ христіанъ руками моголовъ, не обнажавъ меча, не видавъ опасности, и, проливъ множество невинной крови, не купилъ даже права назваться побѣдителемъ!

Въ тогдашнихъ обстоятельствахъ Россіи великому князю надлежало-бы имѣть превосходную душу Александра Невскаго, чтобы не именемъ только, но въ самомъ дѣлѣ быть главою частныхъ владѣтелей, изъ коихъ всякій искалъ независимости. Михаилъ Тверскій и Ѳеодоръ Ярославскій пріобрѣли оную въ княженіе Димитрія, а Даніилъ Московскій и сынъ Димитрія Александровича, Іоаннъ Переславскій, хотѣли того же при Андреѣ. Открылась распря, дошедшая до вышняго судилища ханова:

г. 1295.

самъ великій князь ѣздилъ въ орду съ своею молодою супругою, чтобы снискать милость Тохты. Посолъ ханскій, избранный быть миротворцемъ, созвалъ князей въ

г. 1296—97. Судъ князей.

Владиміръ. Они раздѣлились на двѣ стороны: Михаилъ Тверскій взялъ Даніилову (Іоаннъ же находился въ ордѣ; вмѣсто его говорили бояре Переславскіе): Ѳеодоръ Черный и Константинъ Борисовичъ стояли за Андрея. Татаринъ слушалъ подсудимыхъ съ важностію и съ гордымъ видомъ, но не могъ удержать ихъ въ предѣлахъ надлежащаго смиренія. Разгоряченные споромъ князья и вельможи взялись было за мечи. Епископы, владимірскій Симеонъ и сарскій Исмаилъ, ставъ посреди шумнаго сонма, не дали братьямъ рѣзаться между собою. Судъ кончился миромъ, или, лучше сказать, ничѣмъ. Посолъ хановъ взялъ дары, а великій князь, давъ слово оставить братьевъ и племянника въ покоѣ, въ то же время началъ собирать войско, чтобы смирить ихъ какъ мятежниковъ. Желая воспользоваться отсутствіемъ Іоанна, онъ хотѣлъ завладѣть Переславлемъ, но встрѣтилъ подъ Юрьевымъ сильную рать тверскую и московскую: ибо Іоаннъ, отправляясь къ хану, поручилъ свою область защитѣ Михаила Ярославича. Вторично вступили въ переговоры и вторично заключили миръ, который, сверхъ чая-

г. 1295—1304.

нія, не былъ нарушенъ до самой кончины Андреевой. Князья иногда ссорились, однакожъ не прибѣгали къ мечу и находили способъ мириться безъ кровопролитія.

Древніе сеймы княжескіе, учрежденные Мономахомъ при Свя-

Сеймы княжескіе.

тополкѣ II, тогда возобновились, въ обстоятельствахъ подобныхъ, и съ тѣмъ же добрымъ намѣреніемъ: ибо ни Святополкъ, ни Андрей не могли силою обуздывать частныхъ владѣтелей и словесныя убѣжденія, за недостаткомъ иныхъ

средствъ, казались нужными. Въ сихъ торжественныхъ собраніяхъ присутствовали и знаменитыя духовныя особы, какъ толкователи святыхъ уставовъ правды и совѣсти. Первое изъ оныхъ, по смерти Ѳеодора Ярославскаго, было въ Дмитровѣ, гдѣ Андрей съ братомъ Даніиломъ, съ племянникомъ Іоанномъ и съ Михаиломъ кончилъ всѣ дѣла дружелюбно, но гдѣ князья Тверскій и Переславскій не могли въ чемъ-то согласиться, доселѣ дѣйствовавъ единодушно. Хитрый Михаилъ привлекъ было на свою сторону и новогородцевъ, заключивъ съ ними договоръ, по коему они взаимно обязывались помогать другъ другу въ случаѣ утѣсненій отъ великаго князя и самого хана: Новгородъ обѣщалъ правосудіе всѣмъ тверскимъ истцамъ въ его области, а Михаилъ отступился отъ закабаленныхъ ему должниковъ новогородскихъ, и проч. Андрей не могъ помѣшать сему оскорбительному для него союзу и, безъ сомнѣнія, былъ доволенъ размолвкою Михаила съ Іоанномъ, которая уменьшала могущество перваго. Но Іоаннъ, названный въ лѣтописяхъ тихимъ или кроткимъ, тѣмъ согласнѣе жилъ съ дядею своимъ, Даніиломъ, и, въ 1302 году умирая бездѣтенъ, отказалъ ему Переславль. Князь Московскій, въѣхавъ въ сей городъ, выгналъ оттуда бояръ Андрея, который считалъ себя истиннымъ наслѣдникомъ Іоанновымъ и, негодуя на властолюбіе меньшого брата, поѣхалъ съ жалобою къ хану. Область Переславская вмѣстѣ съ Дмитровымъ была по Ростовѣ знаменитѣйшею въ великомъ княженіи какъ числомъ жителей, бояръ, людей военныхъ, такъ и крѣпостію столичнаго ея города, обведеннаго глубокимъ, наполненнымъ водою рвомъ, высокимъ валомъ и двойною стѣною подъ защитою двѣнадцати башенъ. Сіе важное пріобрѣтеніе еще болѣе утверждало независимость московскаго владѣтеля: Даніилъ же, за два года передъ тѣмъ, побѣдилъ и взялъ въ плѣнъ Рязанскаго князя Константина Романовича, убивъ въ сраженіи и многихъ татаръ: смѣлость удивительная и не имѣвшая никакихъ слѣдствій. Такимъ образомъ россіяне начинали ободряться и пользуясь дремотою хановъ, издалека острили мечи свои на конечное сокрушеніе тиранства.

Москва усиливается.

Смѣлость россіянъ.

Между тѣмъ, какъ Андрей искалъ суда въ ордѣ, Даніилъ внезапно скончался, однакожъ успѣвъ принять схиму, по тогдашнему обыкновенію людей набожныхъ. Онъ первый возвеличилъ достоинство владѣтелей московскихъ и первый изъ нихъ былъ погребенъ въ семъ городѣ, въ церкви св. Михаила, оставивъ по себѣ долговременную память князя добраго, справедливаго, благоразумнаго и приготовивъ Москву заступить мѣсто Владиміра.

Смерть Даніила Московскаго.

Свѣдавъ о кончинѣ Даніиловой, переславцы единодушно объ

явили княземъ своимъ сына его, Юрія или Георгія, у нихъ бывшаго, и даже не дозволили ему ѣхать на погребеніе отца, боясь, чтобы Андрей вторично не занялъ ихъ города. Георгій, успокоивъ народъ и будучи увѣренъ или въ покровительствѣ, или въ безпечности хана, не только безъ страха ожидалъ Андрея, но хотѣлъ еще и новыми пріобрѣтеніями умножить владѣнія Московскія; соединился съ братьями, завоевалъ Можайскъ, удѣлъ Смоленскій, и привелъ плѣнникомъ тамошняго князя, Святослава Глѣбовича, Ѳеодорова племянника.

Наконецъ великій князь, бывъ цѣлый годъ въ ордѣ, возвратился съ послами Тохты. Князья съѣхались въ Переславлѣ на общій сеймъ (осенью въ 1303 году). Тамъ, въ присутствіи митрополита Максима, читали ярлыки или грамоты ханскія, въ коихъ сей надменный повелитель объявлялъ свою верховную волю, да наслаждается великое княженіе тишиною, да пресѣкутся распри владѣтелей, и каждый изъ нихъ да будетъ доволенъ тѣмъ, что имѣетъ. Андрей, Михаилъ и сыновья Даніиловы возобновили договоръ мира; но Георгій удержалъ за собою Переславль, и слѣдственно великій князь, хваляся, впрочемъ, милостію Тохты, не достигнулъ своей цѣли.

Въ сихъ княжескихъ съѣздахъ не участвовали ни рязанскіе, ни смоленскіе, ни другіе владѣтели. Нашествіе моголовъ уничтожило и послѣднія связи между разными частями нашего отечества: великій князь, не удержавъ господства надъ собственными удѣлами Владимірскими, могъ ли вмѣшиваться въ дѣла иныхъ областей и быть—ежели бы и хотѣлъ — душею общаго согласія, порядка, справедливости? Какъ въ великомъ, такъ и въ частныхъ княженіяхъ единокровные возставали другъ на друга.

Междоусобія въ княженіяхъ.

Александръ Глѣбовичъ, отразивъ (въ 1298 году) дядю своего, Ѳеодора Чернаго, отъ Смоленска, хотѣлъ (черезъ два года) взять Дорогобужъ, городъ Смоленской области, ему непослушный; отнялъ у жителей воду, но, разбитый ими съ помощію князя Вяземскаго Андрея, его родственника, отступилъ, исходя кровію отъ тяжелой раны. Романъ Глѣбовичъ, братъ Александровъ, также былъ уязвленъ стрѣлою; а юный сынъ послѣдняго палъ мертвый на мѣстѣ сраженія.

Мужество россіянъ гораздо счастливѣе ознаменовалось тогда въ битвахъ съ врагами иноплеменными... Ливонскіе рыцари (въ 1299 году) неожидаемо осадили Псковъ и, разграбивъ монастыри въ его предмѣстіи, убивали безоружныхъ монаховъ, женщинъ, младенцевъ.

Война съ орденомъ Ливонскимъ.

Князь Довмонтъ, уже старецъ лѣтами, но еще воинъ пылкій, немедленно вывелъ свою дружину малочисленную, сразился съ нѣмцами на берегу Великой, смялъ ихъ въ рѣку и, взявъ въ добычу множество оружія, брошеннаго ими въ бѣгствѣ, отправилъ плѣн-

никовъ, гражданъ эстонскаго Феллина, къ великому князю. Командоръ ордена, предводитель нѣмцевъ, былъ раненъ въ семъ несчастномъ для нихъ сраженіи, о коемъ ливонскіе историки не упоминаютъ, и которое было послѣднимъ знаменитымъ дѣломъ храбраго Довмонта. Онъ преставился чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ отъ какой-то заразительной болѣзни, смертоносной тогда для многихъ псковитянъ, и кончина его была долгое время оплакиваема народомъ, самыми женами и дѣтьми. Довмонтъ, названный въ крещеніи Тимоѳеемъ, хотя родился и провелъ юность въ землѣ варварской, ненавистной нашимъ предкамъ, но, принявъ вѣру Спасителеву, вышелъ изъ купели усерднымъ христіаниномъ и вѣрнымъ другомъ россіянъ; тридцать три года служилъ Богу истинному и второму своему отечеству добрыми дѣлами и мечемъ; удостоенный сана княжескаго, не только прославлялъ имя русское въ битвахъ, но и судилъ народъ право, не давалъ слабыхъ въ обиду, любилъ помогать бѣднымъ. Женатый на Маріи дочери великаго князя Димитрія, не оставлялъ сего изгнанника въ несчастіи и готовъ былъ положить за него свою голову; по смерти же Димитрія, свято наблюдалъ обязанности князя удѣльнаго и въ разсужденіи Андрея. За то граждане Пскова любили Довмонта болѣе всѣхъ другихъ князей; воины, имъ предводимые, не боялись смерти. Обыкновеннымъ его словомъ, въ часъ опасности и кровопролитія, было: «добрые мужи-псковичи! кто изъ васъ старъ, — тотъ мнѣ отецъ; кто молодъ, — тотъ братъ! Помните отечество и церковь Божію!» Онъ укрѣпилъ Псковъ новою каменною стѣною, которая до самаго XVI вѣка называлась Довмонтовою и которую послѣ (въ 1309 году) посадникъ Борисъ довелъ отъ церкви св. Петра и Павла до рѣки Великой. Историкъ литовскій пишетъ, что Довмонтъ господствовалъ и надъ Полоцкою областію; но, въ 1307 году, литовцы купили оную у нѣмецкихъ рыцарей; ибо какой-то изъ тамошнихъ князей, обращенный въ латинскую вѣру, отказалъ сей городъ рижской церкви, не имѣя наслѣдниковъ.

Кончина и слава Довмонтова.

Шведы, основавъ въ Кореліи Выборгъ, въ 1293 году заложили и нынѣшній Кексгольмъ: воеводою ихъ былъ витязь Сигге. Новогородцы взяли приступомъ сію крѣпость, не оставили ни одного шведа живого, срыли валъ и, чувствуя необходимость имѣть укрѣпленное мѣсто на берегу Финскаго залива, возобновили Копорье. Чрезъ пять лѣтъ сильный флотъ шведскій, состоящій изо ста одиннадцати большихъ судовъ, вошелъ въ Неву. Самъ государственный правитель или маршалъ, Торкель Кнутсонъ, предводительствовалъ онымъ и началъ строить новый городъ въ семи верстахъ отъ нынѣшняго С.-Петербурга, при устьѣ Охты, употребивъ для того весьма искусныхъ римскихъ художниковъ и на-

звавъ сію крѣпость Ландскроною или вѣнцемъ земли. Лѣтописецъ нашъ говоритъ только, что великаго князя

Ландскрона.

не было тогда въ Новѣгородѣ и что шведы, оставивъ въ крѣпости войско, удалились; но историки шведскіе пишутъ, что россіяне, имѣя намѣреніе сжечь ихъ флотъ, хотѣли при сильномъ вѣтрѣ пустить нѣсколько горящихъ судовъ изъ Ладожскаго озера въ Неву; но что маршалъ Торкель, увѣдомленный о семъ черезъ лазутчиковъ, велѣлъ оградить истокъ Невы потаенными сваями; что новогородцы, видя неудачу, вышли изъ лодокъ, напали на шведовъ и съ великимъ урономъ отступили; что знаменитый Матѳей Кеттильмундсонъ, бывшій послѣ опекуномъ шведскаго короля Магнуса, гнался до самой ночи за нашими всадниками, громогласно вызывая на поединокъ храбрецовъ россійскихъ, но что никто изъ нихъ не принялъ его вызова. Сіе извѣстіе можетъ быть отчасти справедливо: ибо невѣроятно, чтобы новогородцы безпрепятственно дали маршалу основать и довершить крѣпость на берегу Невы. Чувствуя важность сего мѣста, они убѣдительно звали къ себѣ великаго князя Андрея, который, долго медливъ, наконецъ весною 1301 году пришелъ съ полками низовскими. Осадили Ландскрону. Изнуренные голодомъ и болѣзнями, шведы все еще бились мужественно, подъ начальствомъ славнаго витязя Стена, храбраго, но безпечнаго или слишкомъ надменнаго; ибо онъ не хотѣлъ заблаговременно требовать вспоможенія отъ правителя Швеціи, хладнокровно отвѣтствуя другому благоразумнѣйшему витязю, именемъ Амундсону: «на что безпокоить великаго маршала?» Россіяне огнемъ и пращами въ нѣсколько дней истребили большую часть внѣшнихъ укрѣпленій и, не слушая никакихъ предложеній Стеновыхъ, готовились къ рѣшительному приступу. Тогда Амундсонъ напомнилъ своему начальнику слова его: «на что безпокоить великаго маршала?» и вмѣстѣ съ нимъ былъ изрубленъ побѣдителями. Новогородцы взяли крѣпость и сравняли ее съ землею, плѣнивъ горсть шведовъ, которые долго оборонялись въ погребѣ. Сей успѣхъ остался въ лѣтописяхъ единственнымъ достохвальнымъ дѣломъ Андреевымъ: по крайней мѣрѣ онъ участвовалъ въ ономъ, имѣя въ предметѣ безопасность отечества. Михаилъ Ярославичъ также хотѣлъ идти къ берегамъ Невы, но узналъ на пути, что страшная Ландскрона уже не существуетъ.

Успокоенные со стороны шведовъ, новогородцы отправили за море пословъ и заключили миръ (въ 1302 году) съ королемъ датскимъ Эрикомъ VI, чтобы прекратить свои частныя

Миръ съ Даніею.

войны съ Эстоніею, его областію. Впрочемъ, не надѣясь пользоваться долговременною тишиною, опасаясь и внѣшнихъ враговъ, и князей россійскихъ, они въ тотъ же годъ заложили у себя большую каменную крѣпость: ибо вольность ихъ

ограждалась дотолѣ однимъ бреннымъ деревомъ. Умноженіе опасностей требовало защиты твердѣйшей: умноженіе частныхъ и казенныхъ прибытковъ доставляло правительству способъ воздвигнуть оную, безъ излишней тягости для гражданъ.

Великій князь Андрей скончалъ жизнь свою схимникомъ въ 1304 году, заслуживъ ненависть современниковъ и презрѣніе потомства. Никто изъ князей Мономахова роду не сдѣлалъ столько зла отечеству, какъ сей недостойный сынъ Невскаго, погребенный въ Волжскомъ Городцѣ, далеко отъ священнаго праха родительскаго.

Іюля 27. Смерть Андреева.

Ужасы естественные и всякія несчастія ознаменовали десятилѣтнее время его княженія такъ же, какъ и Димитріево. Къ числу тогдашнихъ явленій, воздушныхъ и небесныхъ, обыкновенно страшныхъ для народа, принадлежала славная комета 1304 года, описанная китайскими астрономами и воспѣтая въ стихахъ Пахимеромъ. Были также вихри чрезвычайные, засухи, голодъ, моръ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и сильные пожары. Въ Твери сгорѣлъ дворецъ княжескій (въ 1298) со всею казною и драгоцѣнностями; не успѣли вынести ни серебра, ни золота, ни оружія; самъ князь Михаилъ, ночью пробужденный огнемъ, едва могъ спастися съ юною супругою отъ пламени. Въ Новѣгородѣ обратились въ пепелъ многія улицы (въ 1299), Варяжская, Холопья и Нѣмецкій гостиный дворъ. Изверги, пользуясь общимъ смятеніемъ, грабили имѣніе, снесенное въ церкви; убивали сторожей: злодѣйство, о коемъ лѣтописецъ говоритъ съ праведнымъ омерзѣніемъ.

Разныя бѣдствія.

Въ княженіе Андреево (въ 1299 году) митрополитъ Максимъ оставилъ навсегда Кіевъ, чтобы не быть тамъ свидѣтелемъ и жертвою несноснаго тиранства моголовъ, и со всѣмъ клиросомъ переѣхалъ въ Владиміръ; даже большая часть кіевлянъ разбѣжалась по другимъ городамъ. Послѣ Ярослава и сына его Александра Невскаго, великіе князья уже не имѣли никакой власти надъ странами Днѣпровскими. Кто изъ потомковъ св. Владиміра господствовалъ въ оныхъ, неизвѣстно (въ лѣтописяхъ упоминается только о князѣ Поросьскомъ Юріи, служившемъ Мстиславу Даніиловичу). Левъ Галицкій не заботился о древней столицѣ своихъ предковъ, оставленной такимъ образомъ въ жертву варварамъ. Любимый, оплаканный подданными, онъ скончался мирно и тихо въ 1301 году, доживъ до глубокой старости и велѣвъ предать землѣ тѣло свое безъ всякихъ знаковъ пышности: монахи одѣли его въ простой саванъ и вложили ему въ руку изображеніе креста. Въ городѣ Львовѣ показываютъ двѣ харатейныя жалованныя грамоты, будто бы данныя симъ княземъ тамошнему храму св. Николая и Крылосскому (близъ Галича) Успенія Богоматери на

Митрополиты въ Владимірѣ.

Кончина Льва Галицкаго.

имѣніе и на исключительное право суда епископскаго; но та и другая кажутся изобрѣтеніемъ позднѣйшихъ временъ. Слогъ обѣихъ есть новое, неискусное смѣшеніе языка русскаго съ польскимъ; въ обѣихъ именуются особенные митрополиты галицкіе, коихъ не бывало, и въ одной названъ тогдашній кіевскій митрополитъ Кипріаномъ, а Кипріанъ пасъ церковь уже во время Димитрія Донскаго и сына его.—Преемникомъ Льва былъ сынъ Юрій или Георгій, который, по смерти дяди, Мстислава Даниловича, наслѣдовавъ и Владимірскую область, возобновилъ титулъ своего дѣда и, подобно Даніилу, именовался королемъ Россійскимъ, Rex Russiae, какъ изображено на печати сего князя, сохраненной въ архивѣ кенигсбергскомъ вмѣстѣ съ письмами галицкихъ владѣтелей къ великимъ магистрамъ нѣмецкаго ордена.

Послѣ несчастной для нѣмцевъ осады Пскова россіяне жили въ мирѣ и въ тишинѣ съ орденомъ Ливонскимъ. Магистръ, въ 1301 году, призывалъ въ Дерптъ всѣхъ своихъ чиновниковъ и епископовъ на сеймъ, гдѣ они единодушно положили всячески избѣгать войны съ нашими князьями, прекращать ссоры дружелюбно и не вступаться за того, кто своевольно оскорбитъ новогородцевъ или псковитянъ и тѣмъ навлечетъ на себя месть ихъ.

Двинская грамота.

Въ числѣ нашихъ собственныхъ памятниковъ сего времени замѣтимъ грамоту, писанную великимъ княземъ къ посадникамъ, казначеямъ и къ старостамъ Заволочья. Тамъ сказано, что въ силу довогора, заключеннаго Андреемъ съ Новымгородомъ, онъ можетъ посылать три ватаги для ловли на море, подъ начальствомъ атамана Крутицкаго; что селенія обязаны давать имъ кормъ и подводы, также и сыну атаманову, когда пошлютъ оттуда съ морскими птицами; что ловцы новогородскіе, согласно съ уставомъ временъ Александровыхъ и Димитріевыхъ, не должны въ Заволочьѣ ходить на Тверскую сторону, и проч. Такимъ образомъ великіе князья, участвуя въ народныхъ промыслахъ, старались умножать свои доходы.

ГЛАВА VIII.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ МИХАИЛЪ ЯРОСЛАВИЧЪ.

Г. 1304—1319.

поръ о великомъ княженіи. — Злодѣйство князя Московскаго. — Дѣла новогородскія. — Узбекъ. — Мужество новогородцевъ. — Георгій зять хановъ. — Умѣренность и добродушіе

Михаила.—Побѣда надъ татарами. — Судъ въ ордѣ.—Пышная забава ханская. — Великодушная кончина Михаилова. — Городъ Маджары. — Разбои моголовъ. — Петръ митрополитъ.—Ярлыкъ ханскій.—Разныя бѣдствія.

Г. 1304—1305.

Какъ жизнь, такъ и кончина Андреева была несчастіемъ для Россіи. Два князя объявили себя его наслѣдниками: Михаилъ Тверскій и Георгій Даніиловичъ Московскій; но первый съ большимъ правомъ, будучи внукомъ Ярослава Всеволодовича и дядею Георгіевымъ, слѣдственно старѣйшимъ въ родѣ. Сіе право казалось вообще неоспоримымъ, и бояре великаго княженія, предавъ землѣ тѣло Андреево, спѣшили въ Тверь поздравить Михаила государемъ Владимірскимъ. Новогородцы также признали его своимъ главою, въ увѣреніи, что ханъ утвердитъ за нимъ великое княженіе. Михаилъ обязался, подобно отцу, блюсти ихъ уставы, возстановить древнія границы между Новымгородомъ и землею суздальскою; не требовать бывшихъ волостей Димитріевыхъ и Андреевыхъ; купленныя же имъ самимъ, княгинею или боярами его въ землѣ новогородской отдать на выкупъ или прежнимъ владѣльцамъ, или правительству; не позволять самосуда ни себѣ, ни княжескимъ судіямъ, но рѣшать тяжбы единственно по законамъ; отправлять людей своихъ за Волокъ только изъ Новагорода въ двухъ ладіяхъ, и проч.

Споръ о великомъ княженіи.

Добрый митрополитъ Максимъ тщетно уговаривалъ Георгія не искать великаго княженія, обѣщая ему именемъ Ксеніи, матери Михаиловой, и своимъ собственнымъ любые города въ прибавокъ къ его Московской области. Дядя и племянникъ поѣхали судиться къ хану, оставивъ Россію въ несогласіи и въ мятежѣ. Одни города стояли за князя Тверскаго, иные за Московскаго. Георгій едва могъ спастися отъ друзей Михаиловыхъ, которые не хотѣли пустить его въ орду и думали задержать на пути въ области Суздальской; а Бориса Даніиловича, пріѣхавшаго въ Кострому, схватили и послали въ Тверь. Но вторый Георгіевъ братъ, Іоаннъ, разбилъ тверитянъ, хотѣвшихъ взять Переславль, и воевода ихъ, Акинѳъ, остался на мѣстѣ сраженія въ числѣ убитыхъ. Намѣстники Михаиловы хотѣли въѣхать въ Новгородъ, жители не впустили ихъ, сказавъ: «мы избрали Михаила съ условіемъ, да явитъ грамоту ханскую и будетъ тогда княземъ нашимъ, но не прежде!» — Въ другихъ областяхъ господствовало безначаліе и неустройство. Граждане костромскіе, преданные Михаилу, ненавидя память Андрееву и злобствуя на бывшихъ его любимцевъ, самовольно ихъ судили и наказывали; а чернь Нижняго Новагорода, вслѣдствіе мятежнаго вѣча, умертвила многихъ бояръ, какъ мнимыхъ враговъ отечества. Князь Нижегородскій, Михаилъ, сынъ Андрея Ярославича, находился въ ордѣ: онъ тамъ женился и, возвратясь въ свой удѣлъ, казнилъ

виновниковъ сего беззаконнаго вѣча, ибо чернь не имѣла власти судебной, исключительнаго права княжескаго.

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ рѣшилась неизвѣстность: Михаилъ превозмогъ соперника и пріѣхалъ съ ханскою грамотою въ Владиміръ, гдѣ митрополитъ возвелъ его на престолъ великаго княженія. Зная неуступчивость врага своего, онъ хотѣлъ оружіемъ смирить Георгія и дважды приступалъ къ Москвѣ, однакожъ безъ успѣха; кровопролитный бой подъ ея стѣнами усилилъ только взаимную ихъ злобу, бѣдственную для обоихъ, какъ увидимъ. Современные лѣтописцы винятъ одного князя Московскаго, который, въ противность древнему обыкновенію, спорилъ съ дядею о старѣйшинствѣ. Сверхъ того, Георгій, по качествамъ черной души своей, заслуживалъ всеобщую ненависть и, едва утвердясь на престолѣ наслѣдственномъ, гнуснымъ дѣломъ изъявилъ презрѣніе къ святѣйшимъ законамъ человѣчества. Мы говорили о несчастной судьбѣ рязанскаго владѣтеля, Константина, плѣненнаго Даніиломъ: онъ шесть лѣтъ томился въ неволѣ; княженіе его, лишенное главы, зависѣло нѣкоторымъ образомъ отъ Московскаго. Георгій велѣлъ умертвить Константина, считая сіе злодѣйство нужнымъ для безпрекословнаго господства надъ Рязанью, и весьма ошибся: ибо сынъ убіеннаго, Ярославъ, подъ защитою хана, спокойно наслѣдовалъ престолъ отеческій какъ владѣтель независимый, оставивъ въ добычу Георгію изъ городовъ своихъ одну Коломну.—Самые меньшіе братья Георгіевы, дотолѣ служивъ ему вѣрно, не могли съ нимъ ужиться въ согласіи. Двое изъ нихъ, Александръ и Борисъ Даніиловичи, уѣхали въ Тверь, безъ сомнѣнія недовольные его жестокостію.

Г. 1305—1308.

Злодѣйство князя Московскаго.

Михаилъ нѣсколько лѣтъ властвовалъ спокойно и жилъ большею частію въ Твери. Его намѣстники правили великимъ княженіемъ и Новымгородомъ, коего чиновники относились къ нему во всѣхъ дѣлахъ государственныхъ. Такъ, они письменно жаловались Михаилу на двухъ княжескихъ вельможъ, Ѳеодора и Бориса, бывшихъ начальниками во Псковѣ и въ области Корельской: первый, свѣдавъ о нашествіи ливонскихъ рыцарей (въ 1307 году), уѣхалъ изъ города, принудивъ тѣмъ оставленныхъ безъ вождя псковитянъ заключить съ магистромъ Гертомъ фонъ-Йокке, не весьма выгодный миръ и разорилъ многія села новогородскія; вторый, утѣсняя кореловъ, заставилъ ихъ бѣжать къ шведамъ и силою бралъ, что ему не принадлежало. Новогородцы желали навсегда избавиться отъ такихъ недостойныхъ правителей, взносили деньги за села, купленныя въ ихъ областяхъ сими боярами, и предоставляли себѣ условиться изустно съ княземъ о прочемъ. Онъ ѣздилъ изъ Твери къ святой Софіи и былъ принятъ гражданами съ обыкновенными

Дѣла новогородскія.

знаками усердія; однакожъ не хотѣлъ самъ предводительствовать ими, когда они, построивъ новую крѣпость на мѣстѣ нынѣшняго Кексгольма, ходили на судахъ въ Финляндію до рѣки Черной или Кумо, гдѣ сожгли городъ Ванай' осаждали шведовъ въ замкѣ, на скалѣ неприступной, и разорили множество селеній. У бѣдныхъ жителей, по словамъ лѣтописца, не осталось ни одной рогатой скотины: ибо россіяне истребили тамъ все, чего не могли увезти съ собою.

г. 1310.

г. 1311.

Совершивъ благополучно сей дальній походъ, новогородцы начали ссориться съ княземъ, жалуясь, что онъ не исполняетъ договорной грамоты; но когда оскорбленный Михаилъ, занявъ войскомъ Торжекъ, не велѣлъ пускать къ нимъ хлѣба, народъ встревожился и, не смотря на весеннюю распутицу, отправилъ въ Тверь своего архіепископа, Давида, чтобы обезоружить великаго князя. Миръ заключили скоро, ибо искренно желали его съ обѣихъ сторонъ: Новгородъ, опустошенный въ сіе время пожаромъ, имѣлъ необходимую нужду въ подвозахъ и, лишенный оныхъ, могъ быть жертвою голода; а Михаилъ долженствовалъ немедленно ѣхать въ орду. Ханъ Тохта умеръ; сынъ его, юный Узбекъ, воцарился, славный въ лѣтописяхъ Востока правосудіемъ и ревностію къ вѣрѣ Магометовой, возстановленной имъ во всѣхъ могольскихъ владѣніяхъ: ибо Тохта былъ, кажется, язычникомъ и не слѣдовалъ ученію Алкорана. Историкъ Абулгази пишетъ, что многіе татары, въ знакъ особенной любви къ сему царю, назвалися его именемъ, или узбеками, донынѣ извѣстными въ Хивѣ и въ земляхъ окрестныхъ.

г. 1312.

Узбеки.

Взявъ съ новогородцевъ 1,500 гривенъ серебра, Михаилъ возвратилъ имъ своихъ намѣстниковъ и, поѣхавъ въ орду, жилъ тамъ цѣлые два года. Столь долговременное отсутствіе, безъ сомнѣнія невольное, имѣло вредныя слѣдствія для него и для Россіи. Шведы сожгли Ладогу: корелы, впустивъ ихъ въ Кексгольмъ, умертвили тамъ многихъ россіянъ. Хотя новогородцы отмстили тѣмъ и другимъ, подъ начальствомъ Михаилова намѣстника выгнали шведовъ и казнили измѣнниковъ корельскихъ, но винили Михаила, что онъ, пресмыкаясь въ ордѣ у ногъ хановыхъ, забываетъ отечество. Георгій Московскій не замедлилъ воспользоваться симъ расположеніемъ: родственникъ его, князь Θеодоръ Ржевскій, пріѣхалъ въ Новгородъ, взялъ подъ стражу намѣстниковъ Михаиловыхъ и такъ обольстилъ легкомысленныхъ гражданъ, что они, признавъ Георгія своимъ начальникомъ, объявили даже войну великому князю. Едва не дошло до битвы: на одномъ берегу Волги стояли новогородцы, на другомъ—сынъ Михаиловъ, Дими-

г. 1313.

г. 1314.

трій, съ вѣрною тверскою ратію. Къ счастію, осенніе морозы, покрывъ рѣку тонкимъ льдомъ, удалили кровопролитіе и новогородцы согласились на миръ; а князь Московскій, обѣщая имъ благоденствіе и вольность, сѣлъ на престолѣ святыя Софіи.

Г. 1315.

Скоро позвали Георгія къ хану дать отвѣтъ на справедливыя жалобы Михаиловы. Онъ поручилъ Новгородъ брату своему Аѳанасію и, взявъ съ собою богатые дары, надѣялся быть правымъ въ такомъ судилищѣ, гдѣ предсѣдательствовало алчное корыстолюбіе. Но Михаилъ уже несъ обнаженный мечъ и грамоту Узбекову. Сильные полки моголовъ окружали его и вступили въ Россію съ воеводою Тайтемеромъ. Сія грозная вѣсть поколебала, однакожъ не смирила новогородцевъ. Исчисляя въ мысляхъ всѣ одержанныя ими побѣды со временъ Рюрика до настоящаго и вспомнивъ, что самъ Михаилъ великодушною рѣшимостію спасъ Тверь отъ нашествія моголовъ, они вооружились и ждали непріятеля близь Торжка. Прошло шесть недѣль. Наконецъ явилась сильная рать Михаилова, владимірская, тверская и могольская. Переговоровъ не было: вступили въ бой, жестокій, хотя и неравный. Никогда новогородцы не изъявляли болѣе мужества; чиновники и бояре находились впереди; купцы сражались какъ герои. Множество ихъ легло на мѣстѣ, остатокъ заключился въ Торжкѣ и Михаилъ, какъ побѣдитель, велѣлъ объявить, чтобы новогородцы выдали ему князей Аѳанасія и Ѳеодора Ржевскаго, если хотятъ мира. Слабые числомъ, обагренные кровію, своею и чуждою, они единодушно отвѣтствовали: «умремъ за святую Софію и за Аѳанасія: честь всего дороже». Михаилъ требовалъ, по крайней мѣрѣ, одного Ѳеодора Ржевскаго; многіе и того не хотѣли; наконецъ уступили необходимости, и еще обязались заплатить великому князю знатное количество серебра. Нѣкоторые изъ бояръ новогородскихъ, вмѣстѣ съ княземъ Аѳанасіемъ, остались аманатами въ рукахъ побѣдителя; другіе отдали ему все, что имѣли, коней, оружіе, деньги. Написали слѣдующую грамоту: «Великій князь Михаилъ условился съ владыкою и съ Новымгородомъ не вспоминать прошедшаго. Что съ обѣихъ сторонъ захвачено въ междоусобіе, того не отыскивать. Плѣнники свободны безъ окупа. Прежняя Тверская Ѳеоктистова грамота должна имѣть всю свою силу. Новгородъ платитъ князю въ разные сроки, отъ второй недѣли Великаго поста до Вербной, 12,000 гривенъ серебра, зачитая въ сей платежъ взятое въ Торжкѣ у бояръ новогородскихъ имѣніе. Князь, принявъ сполна вышеозначенную сумму, долженъ освободить аманатовъ, изрѣзать сію грамоту и править нами согласно съ древнимъ уставомъ».

Г. 1316, февраля 10. Мужество новогородцевъ.

Сей миръ, вынужденный крайностію, не могъ быть истиннымъ

и великій князь, свѣдавъ, что послы новогородскіе тайно ѣдутъ въ орду съ жалобою на него, велѣлъ переловить ихъ; отозвалъ намѣстниковъ княжескихъ изъ Новагорода и пошелъ туда съ войскомъ. Новогородцы укрѣпили столицу, призвали жителей Пскова, Ладоги, Русы, кореловъ, ижерцевъ, вожанъ и ревностно готовились къ битвѣ, одушевленные любовію къ вольности и ненавистію къ великому князю. Онъ имѣлъ еще друзей между ими, но робкихъ, безмолвныхъ: ибо народъ свирѣпо вопилъ на вѣчѣ и грозилъ имъ казнію; свергнулъ одного боярина съ моста за мнимую измѣну, а другого, совершенно невиннаго, умертвилъ по доносу раба, что господинъ его въ перепискѣ съ Михаиломъ.—Такое ужасное остервененіе и многочисленность собранныхъ въ Новѣгородѣ ратниковъ изумили великаго князя: онъ стоялъ нѣсколько времени близъ города, рѣшился отступить и вздумалъ, къ несчастію, идти назадъ ближайшею дорогою, сквозь лѣса дремучіе. Тамъ войско его, между озерами и болотами, тщетно искало пути удобнаго. Кони, люди падали мертвые отъ усталости и голода; воины сдирали кожу съ щитовъ своихъ, чтобы питаться ею. Надлежало бросить или сжечь обозы. Князь вышелъ, наконецъ, изъ сихъ мрачныхъ пустынь съ одною пѣхотою, изнуренною и почти безоружною.

Тогда новогородцы прислали въ Тверь архіепископа Давида, безъ всякой надменности моля великаго князя освободить ихъ аманатовъ; предлагали ему серебро, миръ и дружбу. «Дѣло сдѣлано», — говорили они: — «желаемъ спокойствія и тишины». Михаилъ отвергнулъ сіе предложеніе; стыдился мира безчестнаго; хотѣлъ побѣдить и даровать его. Г. 1317.

Между тѣмъ Георгій жилъ въ ордѣ, три года кланялся, дарилъ и пріобрѣлъ, наконецъ, столь великую милость, что юный Узбекъ, давъ ему старѣйшинство между князьями Россійскими, женилъ его на своей любимой сестрѣ Кончакѣ, названной въ крещеніи Агаѳіею: дѣло не весьма согласное съ ревностію сего хана къ вѣрѣ Магометовой! Провождаемый моголами и воеводою ихъ, Кавгадыемъ, Георгій возвратился въ Россію и, пылая нетерпѣніемъ сокрушить врага, хотѣлъ немедленно завоевать Тверь. Михаилъ отправилъ къ нему пословъ. «Будь великимъ княземъ, если такъ угодно царю»,—сказали они Георгію именемъ своего государя: — «только оставь Михаила спокойно княжить въ его наслѣдіи; иди въ Владиміръ и распусти войско». Отвѣтомъ князя Московскаго было опустошеніе тверскихъ селъ и городовъ до самыхъ береговъ Волги. Тогда Михаилъ призвалъ на совѣтъ княжескій епископа и бояръ. «Судите меня съ племянникомъ», — говорилъ онъ: — «не самъ-ли ханъ утвердилъ меня на великомъ княженіи? не заплатилъ-ли я

Г. 1318. Георгій зять ханов.

Умѣренность и добродушіе Михаила.

ему **выхода** или царской пошлины? Теперь отказываюсь отъ сего достоинства и не могу укротить злобы Георгія. Онъ ищетъ головы моей; жжетъ, терзаетъ мою наслѣдственную область. Совѣсть меня не упрекаетъ; но можетъ быть ошибаюсь. Скажите ваше мнѣніе: виновенъ-ли я предъ Георгіемъ?» Епископъ и бояре, умиленные горестію и добросердечіемъ князя, единогласно отвѣчали ему: «Ты правъ, государь, предъ лицомъ Всевышняго, и когда смиреніе твое не могло тронуть ожесточеннаго врага, то возьми праведный мечъ въ десницу; иди: съ тобою Богъ и вѣрные слуги, готовые умереть за добраго князя». — «Не за меня одного (сказалъ Михаилъ), но за множество людей невинныхъ, лишаемыхъ крова отеческаго, свободы и жизни. Вспомните рѣчь евангельскую: **кто положитъ душу свою за друга, той великъ наречется**. Да будетъ намъ слово Господне во спасеніе!» Великій князь, предводительствуя войскомъ мужественнымъ, встрѣтилъ полки Георгіевы, соединенные съ татарами и мордвою, въ 40 верстахъ отъ Твери, гдѣ нынѣ селеніе Бортново. Началась битва. Казалось, что Михаилъ искалъ смерти: шлемъ и латы его были всѣ изстрѣлены, обсѣчены, но князь цѣлъ и невредимъ; вездѣ отражалъ непріятелей и, наконецъ, обратилъ ихъ въ бѣгство. Сія побѣда спасла множество несчастныхъ россіянъ, жителей Тверской области, взятыхъ въ неволю татарами; смотря издали на кровопролитіе, безоружные, скованные, они помогали своему князю усердными молитвами и, видя его торжество, плакали отъ радости. Михаилу представили жену Георгіеву, брата его Бориса Даніиловича, и воеводу Узбекова Кавгадыя, вмѣстѣ съ другими плѣнниками. Великій князь запретилъ воинамъ убивать татаръ и, ласково угостивъ Кавгадыя въ Твери, съ богатыми дарами отпустилъ его къ хану. Сей лицемѣръ клялся быть ему другомъ; обвинялъ себя, Георгія и говорилъ, что они воевали Тверскую область безъ повелѣнія Узбекова.

Декабря 22. Побѣда надъ татарами.

Князь Московскій бѣжалъ къ новогородцамъ, которые, еще не знавъ объ успѣхѣ его въ ордѣ, дали Михаилу слово не вмѣшиваться въ ихъ распрю. (Въ сіе время они мстили шведамъ за разбитіе нашихъ судовъ на Ладожскомъ озерѣ: воевали приморскую часть Финляндіи; взяли городъ **Финскаго Князя** и другой—**Епископовъ**, или нынѣшній Або). Узнавъ торжество Михаилово, новогородцы вступились за Георгія: собрали полки и приблизились къ Волгѣ. На другой сторонѣ ея развѣвались знамена тверскія, украшенныя знаками свѣжей побѣды; однакожъ великій князь не хотѣлъ вторичной жестокой битвы и предложилъ Георгію ѣхать съ нимъ въ орду. «Ханъ разсудитъ насъ»,— говорилъ Михаилъ, — «и воля его будетъ мнѣ закономъ. Возвращаю свободу супругѣ твоей, брату и всѣмъ новогородскимъ ама-

натамъ». На семъ основаніи сочинили договорную грамоту, въ коей Георгій именованъ Великимъ княземъ и по коей новогородцы, въ ожиданіи суда Узбекова, могли свободно торговать въ Тверской области, а послы ихъ—ѣздить чрезъ оную безопасно. Къ несчастію, жена Георгіева, скоропостижно умерла въ Твери и враги Михаиловы распустили слухъ, что она была отравлена ядомъ. Можетъ быть самъ Георгій вымыслилъ сію клевету: по крайней мѣрѣ охотно вѣрилъ ей, и воспользовался случаемъ очернить своего великодушнаго непріятеля въ глазахъ Узбековыхъ. Провождаемый многими князьями и боярами, онъ вмѣстѣ съ Кавгадыемъ отправился къ хану; а неосторожный Михаилъ еще медлилъ, пославъ въ орду двѣнадцатилѣтняго сына, Константина, защитника слабаго и безсловеснаго.

Между тѣмъ какъ врагъ его ревностно дѣйствовалъ въ Сараѣ и подкупалъ вельможъ могольскихъ, великій князь, имѣя чистую совѣсть и готовый всѣмъ жертвовать благу Россіи, спокойно занимался въ Твери дѣлами правленія; наконецъ, взявъ благословеніе у епископа, поѣхалъ. Великая княгиня Анна провожала его до береговъ Нерли: тамъ онъ исповѣдался съ умиленіемъ и, ввѣряя духовнику свою тайную мысль, сказалъ: «Можетъ быть, въ послѣдній разъ открываю тебѣ внутренность души моей. Я всегда любилъ отечество, но не могъ прекратить нашихъ злобныхъ междоусобій: по крайней мѣрѣ буду доволенъ, если хотя смерть моя успокоитъ его».—Михаилъ, скрывая сіе горестное предчувствіе отъ нѣжной супруги, велѣлъ ей возвратиться. Посолъ ханскій, именемъ Ахмылъ, объявилъ ему въ Владимірѣ гнѣвъ Узбековъ. «Спѣши къ царю»,—говорилъ онъ:—«или полки его чрезъ мѣсяцъ вступятъ въ твою область. Кавгадый увѣряетъ, что ты не будешь повиноваться». Устрашенные симъ извѣстіемъ, бояре совѣтовали великому князю остановиться. Добрые сыновья Михаиловы, Димитрій и Александръ, также заклинали отца не ѣздить въ орду и послать туда кого нибудь изъ нихъ, чтобы умилостивить хана. «Нѣтъ»,—отвѣчалъ Михаилъ:—«царь требуетъ меня, а не васъ: подвергну ли отечество новому несчастію? Можемъ ли бороться со всею силою невѣрныхъ? За мое ослушаніе падетъ множество головъ христіанскихъ; бѣдныхъ россіянъ толпами поведутъ въ плѣнъ. Мнѣ надобно будетъ умереть и тогда: не лучше ли же нынѣ, когда могу еще своею погибелію спасти другихъ?» Онъ написалъ завѣщаніе, распорядилъ сыновьямъ удѣлы, далъ имъ отеческое наставленіе, какъ жить добродѣтельно, и простился съ ними навѣки.

Михаилъ нашелъ Узбека на берегу моря Сурожскаго или Азовскаго, при устьѣ Дона; вручилъ дары хану, царицѣ, вельможамъ и шесть недѣль жилъ спокойно въ ордѣ, не слыша ни угрозъ, ни обвиненій. Но вдругъ, какъ бы

Сентября 6.

вспомнивъ дѣло, совершенно забытое, Узбекъ сказалъ вельможамъ своимъ, что-бы они разсудили Михаила съ Георгіемъ, и безъ лицепріятія рѣшили, кто изъ нихъ достоинъ казни. Начался судъ.

Судъ въ ордѣ.

Вельможи собрались въ особенномъ шатрѣ, подлѣ царскаго; призвали Михаила и велѣли ему отвѣчать на письменные доносы многихъ баскаковъ, обвинявшихъ его въ томъ, что онъ не платилъ хану всей опредѣленной дани. Великій князь ясно доказалъ ихъ несправедливость свидѣтельствами и бумагами; но злодѣй Кавгадый, главный доноситель, былъ и судіею! Во второе засѣданіе привели Михаила уже связаннаго и грозно объявили ему двѣ новыя вины его, сказывая, что онъ дерзнулъ обнажить мечъ на посла царева и ядомъ отравилъ жену Георгіеву. Великій князь отвѣчалъ: «Въ битвѣ не узнаютъ пословъ; но я спасъ Кавгадыя и съ честію отпустилъ его. Второе обвиненіе есть гнусная клевета: какъ христіанинъ свидѣтельствуюсь Богомъ, что у меня и на мысли не было такого злодѣянія». Судіи не слушали его, отдали подъ стражу, велѣли оковать цѣпями. Еще вѣрные бояре и слуги не отходили отъ своего злосчастнаго государя; приставы удалили ихъ, наложили ему на шею тяжелую колодку и раздѣлили между собою всѣ драгоцѣнныя одежды княжескія.

Пышная забава ханская.

Узбекъ ѣхалъ тогда на ловлю къ берегамъ Терека со всѣмъ войскомъ, многими знаменитыми данниками и послами разныхъ народовъ. Сія любимая забава хановъ продолжалась обыкновенно мѣсяцъ или два и разительно представляла ихъ величіе: нѣсколько сотъ тысячъ людей было въ движеніи; каждый воинъ украшался лучшею своею одеждою и садился на лучшаго коня; купцы на безчисленныхъ телѣгахъ везли товары индѣйскіе и греческіе; роскошь, веселіе господствовали въ шумныхъ, необозримыхъ станахъ и дикія степи казались улицами городовъ многолюдныхъ. Вся орда тронулась; вслѣдъ за нею повлекли и Михаила, ибо Узбекъ еще не рѣшилъ судьбы его. Несчастный князь терпѣлъ уничиженіе и муку съ великодушною твердостію. На пути изъ Владиміра къ морю Азовскому онъ нѣсколько разъ пріобщался Святыхъ Таинъ и, готовый умереть какъ должно христіанину, изъявлялъ чудесное спокойствіе. Печальные бояре снова имѣли къ нему доступъ: Михаилъ ободрялъ ихъ, и съ веселымъ лицомъ говорилъ: «Друзья! вы долго видѣли меня въ чести и славѣ: будемъ-ли неблагодарны? Вознегодуемъ-ли на Бога за уничиженіе кратковременное? Выя моя скоро освободится отъ сего древа, гнетущаго оную». Ночи проводилъ онъ въ молитвѣ и въ пѣніи утѣшительныхъ псалмовъ Давидовыхъ; отрокъ княжескій держалъ передъ нимъ книгу и перевертывалъ листы: ибо стражи всякую ночь связывали руки Михаилу. Же-

Великодушная кончина Михаилова.

лая мучить свою жертву, злобный Кавгадый въ одинъ день вывелъ его на торговую площадь, усыпанную людьми; поставилъ на колѣна, ругался надъ нимъ и вдругъ, какъ-бы тронутый сожалѣніемъ, сказалъ ему: «Не унывай: царь поступаетъ такъ и съ родными въ случаѣ гнѣва; но завтра, или скоро, объявятъ тебѣ милость и снова будешь въ чести». Торжествующій злодѣй удалился. Князь, изнуренный, слабый, сѣлъ на площади, и любопытные окружили его, разсказывая другъ другу, что сей узникъ былъ великимъ государемъ въ землѣ своей. Глаза Михаиловы наполнились слезами; онъ всталъ и пошелъ въ вежу или шатеръ, читая тихимъ голосомъ изъ псалма: Вси видяще мя покиваху главами своими... Уповаю на Господа!—Нѣсколько разъ вѣрные слуги предлагали ему тайно уйти, сказывая, что кони и проводники готовы. «Я никогда не зналъ постыднаго бѣгства», — отвѣчалъ Михаилъ: — «оно можетъ только спасти меня, а не отечество. Воля Господня да будетъ!»

Орда находилась уже далеко за Терекомъ и горами Черкасскими, близь вратъ Желѣзныхъ или Дербента, подлѣ ясскаго города Дедякова, въ 1277 году взятаго нашими князьями для хана Мангу-Тимура. Кавгадый ежедневно приступалъ къ царю со мнимыми доказательствами, что великій князь есть злодѣй обличенный: Узбекъ, юный, неопытный, опасался быть несправедливымъ; наконецъ, обманутый согласіемъ безсовѣстныхъ судей, единомышленниковъ Георгіевыхъ и Кавгадыевыхъ, утвердилъ ихъ приговоръ.

Михаилъ свѣдалъ и не ужаснулся; отслушавъ заутреню (ибо съ нимъ были игуменъ и два священника), благословилъ сына своего, Константина; поручилъ ему сказать матери и братьямъ, что онъ умираетъ ихъ нѣжнымъ другомъ; что они, конечно, не оставятъ вѣрныхъ бояръ и слугъ его, которые у престола и въ темницѣ изъявляли государю равное усердіе. Часъ рѣшительный наступалъ. Михаилъ, взявъ у священника псалтирь и розогнувъ оную, читалъ слова: сердце мое смятеся во мнѣ, и боязнь смерти нападе на мя. Душа его невольно содрогнулась. Игуменъ сказалъ ему: «Государь! въ семъ-же псалмѣ, столь тебѣ извѣстномъ, написано: возверзи на Господа печаль твою». Великій князь продолжалъ: кто дастъ ми крилѣ яко голубинѣ? и полещу, и почію... Умиленный симъ живымъ образомъ свободы, онъ закрылъ книгу, и въ то самое мгновеніе вбѣжалъ въ ставку одинъ изъ его отроковъ съ лицомъ блѣднымъ, сказывая дрожащимъ голосомъ, что князь Георгій Даніиловичъ, Кавгадый и множество народа приближаются къ шатру. «Вѣдаю, для чего»,—отвѣтствовалъ Михаилъ и немедленно послалъ юнаго сына своего къ царицѣ, именемъ Баялыни, будучи увѣренъ въ ея жа-

Ноября 22.

лости. Георгій и Кавгадый остановились близь шатра, на площади, и сошли съ коней, отрядивъ убійцъ совершить беззаконіе. Всѣхъ людей княжескихъ разогнали: Михаилъ стоялъ одинъ и молился. Злодѣи повергли его на землю, мучили, били пятами. Одинъ изъ нихъ, именемъ Романецъ (слѣдственно христіанской вѣры), вонзилъ ему ножъ въ ребра и вырѣзалъ сердце. Народъ вломился въ ставку для грабежа, позволеннаго у моголовъ въ такомъ случаѣ.—Георгій и Кавгадый, узнавъ о смерти святаго мученика—ибо таковымъ справедливо признаетъ его наша церковь — сѣли на коней и подъѣхали къ шатру. Тѣло Михаилово лежало нагое. Кавгадый, свирѣпо взглянувъ на Георгія, сказалъ ему: «Онъ твой дядя: оставишь-ли трупъ его на поруганіе?» Слуга Георгіевъ закрылъ оный своею одеждою.

Михаилъ не обманулся въ надеждѣ на добродушіе супруги Узбековой: она съ чувствительностью приняла и старалась утѣшить юного Константина; защитила и бояръ его, успѣвшихъ отдать себя въ ея покровительство; другіе же, схваченные злобными врагами ихъ государя, были истерзаны и заключены въ оковы.—Георгій послалъ тѣло великаго князя въ Маджары, городъ торговый (на рѣкѣ Кумѣ, въ Кавказской губерніи), гдѣ, какъ вѣроятно, обитали нѣкогда угры, изгнанные печенѣгами изъ Лебедіи. Тамъ многіе купцы, знавъ лично Михаила, желали прикрыть оное драгоцѣнными плащаницами и внести въ церковь; но бояре Георгіевы не пустили ихъ къ окровавленному трупу и поставили его въ хлѣвѣ. Въ ясскомъ городѣ Бездежѣ они также не хотѣли остановиться у церкви христіанской; днемъ и ночью стерегли тѣло; наконецъ привезли въ Москву и погребли въ монастырѣ Спасскомъ (въ Кремлѣ, гдѣ стоитъ еще древняя церковь Преображенія).

Городъ Маджары.

г. 1319.

Злодѣй Кавгадый чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ кончилъ жизнь свою внезапно; увидимъ, что Провидѣніе наказало и жестокаго Георгія; а память Михайлова была священна для современниковъ и потомства: ибо сей князь, столь великодушный въ бѣдствіи, заслужилъ славное имя отечестволюбца. Кромѣ однихъ новогородцевъ, считавшихъ его опаснымъ врагомъ народной вольности, всѣ жалѣли объ немъ искренно, но всѣхъ болѣе вѣрные, мужественные тверитяне: ибо онъ возвеличилъ сіе княженіе и любилъ ихъ, дѣйствительно, какъ отецъ. Сверхъ достоинствъ государственныхъ — ума проницательнаго, твердости, мужества— Михаилъ отличался и семейственными: нѣжною любовію къ супругѣ, къ дѣтямъ, въ особенности къ матери, умной, добродѣтельной Ксеніи, воспитавшей его въ правилахъ благочестія и скончавшей дни свои монахинею.

При семъ великомъ князѣ Ростовъ, Кострома иБрянскъ были

жертвою хищныхъ татаръ. Наслѣдникъ Константина Борисовича Ростовскаго, умершаго въ ордѣ, сынъ его Василій (въ 1316 году) пріѣхалъ отъ хана въ столицу свою съ двумя могольскими вельможами, коихъ грабительство и насиліе остались въ ней надолго памятными. Такіе разбойники назывались обыкновенно послами. Одинъ изъ нихъ (въ 1318 году), убивъ въ Костромѣ 120 человѣкъ, опустошилъ Ростовъ огнемъ и мечемъ, взялъ сокровища церковныя, плѣнилъ многихъ людей. Несчастіе Брянска произошло отъ междоусобія двухъ князей. Тамъ господствовалъ Василій, внукъ Романовъ, изгнанный дядею, Святославомъ, онъ возвратился (въ 1310 году) съ шайкою моголовъ. Святославъ, въ надеждѣ на усердіе жителей, спѣшилъ отразить ихъ, но граждане измѣнили ему: бросили знамена и побѣжали. Онъ не хотѣлъ уступить и легъ на мѣстѣ битвы со всею дружиною княжескою, оказавъ рѣдкое, но безполезное мужество. Побѣдители расхитили городъ.

Разбои моголовъ.

Въ Брянскѣ находился тогда новый митрополитъ, преемникъ Максимовъ; онъ едва могъ, ушедши въ церковь, спастися отъ лютости татаръ. По кончинѣ Максима (въ 1305 году), какой-то игуменъ Геронтій вздумалъ было своевольно занять его мѣсто, присвоивъ себѣ утварь святительскую и жезлъ пастыря; но патріархъ Аѳанасій въ угодность князю Галицкому, отвергнувъ Геронтія (въ 1308 году), посвятилъ въ митрополиты для всей Россіи Петра, волынскаго игумена, мужа столь ревностнаго въ исполненіи своихъ пастырскихъ обязанностей, что духовенство сѣверной Россіи единогласно благословило его высокую добродѣтель. Одинъ тверской епископъ, сынъ князя Литовскаго, Герденя, легкомысленный и гордый, дерзнулъ злословить сего митрополита, но былъ торжественно обличенъ въ клеветѣ на соборѣ въ Переславлѣ-Залѣсскомъ, гдѣ присутствовали епископъ ростовскій, игумены, священники, князья, вельможи и посолъ цереградскаго патріарха. Истиною и любовію заградивъ уста клеветнику, Петръ, вмѣсто укоризнъ, сказалъ ему: Миръ ти о Христѣ, чадо! Отнынѣ блюдися лжи; мимошедшая же да отпуститъ ти Господь!.. Въ другихъ случаяхъ сей кроткій архипастырь умѣлъ быть и строгимъ: снялъ епископскій санъ съ Исмаила сарскаго, безъ сомнѣнія за важное преступленіе относительно церкви или отечеству, и предалъ анаѳемѣ какого-то опаснаго еретика Сеита, обличеннаго имъ въ богопротивномъ умствованіи, но не хотѣвшаго раскаяться. Какъ достойный учитель вѣры христіанской, Петръ склонялъ князей къ миролюбію, заклиналъ несчастнаго Святослава Брянскаго не вступать въ битву съ Василіемъ и старался прекратить вражду между князьями Тверскимъ и Московскимъ, не имѣя средствъ избавить народъ отъ ига, желалъ, по

Петръ митрополитъ.

крайней мѣрѣ, оградить безопасностію церкви святыя и домы ея служителей; ѣздилъ въ орду съ Михаиломъ (въ 1313 году) и выходилъ для нихъ такъ называемый ярлыкъ или грамоту льготную, въ коей Узбекъ, слѣдуя примѣру бывшихъ до него хановъ, подтвердилъ важныя права и выгоды россійскаго духовенства.

Ярлыкъ ханскій.

Мы имѣемъ сей ярлыкъ и многіе иные новѣйшіе, достопятные содержаніемъ и слогомъ. Ханъ пишетъ: «Вышняго и безсмертнаго Бога волею и силою, величествомъ и милостію, Узбеково слово ко всѣмъ князьямъ великимъ, среднимъ и нижнимъ, воеводамъ, книжникамъ, баскакамъ, писцамъ, мимоѣздящимъ посламъ, сокольникамъ, пардусникамъ во всѣхъ улусахъ и странахъ, гдѣ Бога безсмертнаго силою наша власть держитъ и слово наше владѣетъ. Да никто не обидитъ въ Руси церковь соборную, Петра митрополита и людей его, архимандритовъ, игуменовъ, поповъ, и проч. Ихъ грады, волости, села, земли, ловли, борти, луга, лѣса, винограды, сады, мельницы, хуторы свободны отъ всякія дани и пошлины: ибо все то есть Божіе; ибо сіи люди молитвою своею блюдутъ насъ и наше воинство укрѣпляютъ. Да будутъ они подсудны единому митрополиту, согласно съ древнимъ закономъ ихъ и грамотами прежнихъ царей ординскихъ. Да пребываетъ митрополитъ въ тихомъ и кроткомъ житіи; да правымъ сердцемъ и безъ печали молитъ Бога за насъ и дѣтей нашихъ. Кто возьметъ что нибудь у духовныхъ, заплатитъ втрое; кто дерзнетъ порицать вѣру русскую, кто обидитъ церковь, монастырь, часовню, да умретъ! и проч. Писано Заячьяго лѣта, осенняго перваго мѣсяца, четвертаго Ветха (то есть въ четвертый день ущерба луны) на поляхъ». Говоря о даняхъ, собираемыхъ въ Россіи, Узбекъ именуетъ поплужную, или съ каждой сохи, мостовую, береговую; увольняетъ церковниковъ отъ воинской службы, подводъ и всякой работы. Въ такомъ порабощеніи находились россіяне, всего болѣе угнетаемые ненасытнымъ сребролюбіемъ ханскихъ пошлинниковъ или откупщиковъ царской дани, между коими бывали иногда и жиды, обитатели Крыма или Тавриды.

Къ сему общему государственному злу присоединялись тогда весьма частыя естественныя бѣдствія. Лѣтописцы сказываютъ, что въ 1309 году явилось вездѣ чудесное множество мышей, которыя съѣли хлѣбъ на поляхъ, рожь, овесъ, пшеницу: отчего въ цѣлой Россіи произошли голодъ, моръ на людей и на скотъ. Въ 1314 году Новгородъ терпѣлъ великій недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ; а народъ псковскій, угнетаемый дороговизною, грабилъ домы и села богатыхъ людей, такъ что правительство долженствовало употребить весьма строгія мѣры для возстановленія тишины и казнить пять-

Разныя бѣдствія.

десятъ главныхъ мятежниковъ. Зобница ржи стоила тамъ 5 гривенъ. Въ 1318 году свирѣпствовала въ Твери какая-то жестокая, смертоносная болѣзнь.

ГЛАВА IX.

ВЕЛИКІЕ КНЯЗЬЯ ГЕОРГІЙ ДАНІИЛОВИЧЪ, ДИМИТРІЙ И АЛЕКСАНДРЪ МИХАЙЛОВИЧИ.

(Одинъ послѣ другого).

Г. 1319—1328.

Горесть тверитянъ. — Рубли. — Война съ шведами. — Дѣла съ нѣмцами ливонскими. — Миръ съ шведами въ Орѣховѣ. — Князья Устюжскіе. — Убіеніе Георгія и Димитрія. — Истребленіе моголовъ въ Твери. — Мщеніе ханское. — Казнь Рязанскаго князя. — Литовцы завоеватели. — Сомнительное повѣствованіе Стриковскаго. — Судьба южной и западной Россіи. — Послѣдній князь Галицкій. — Характеръ Гедимина.

Утвержденный ханомъ на великомъ княженіи и взявъ съ собою юнаго Константина Михайловича и бояръ тверскихъ въ видѣ плѣнниковъ, Георгій пріѣхалъ господствовать въ Владиміръ, а брата своего Аѳанасія послалъ намѣстникомъ въ Новгородъ. Услышавъ о томъ, нѣжная супруга Михаилова, сыновья, епископъ и вельможи изумились: они еще не знали происшедшаго въ ордѣ, но, угадывая свое несчастіе, велѣли гонцамъ спѣшить въ Москву, чтобы развѣдать тамъ о судьбѣ великаго князя. Гонцы возвратились съ подробнымъ извѣстіемъ о всѣхъ ужасныхъ обстоятельствахъ Михаиловой кончины. Горесть была общая: церковь и народъ дѣлили оную съ княжескимъ семействомъ. Чрезъ нѣсколько дней, посвященныхъ слезамъ и молитвѣ, Димитрій, какъ старшій сынъ, наслѣдовавъ власть родителя, отправилъ посольство въ Владиміръ. Меньшій братъ его, Александръ, и бояре тверскіе предстали Георгію въ одеждѣ печальной; не хотѣли укорять его: молили только отдать имъ драгоцѣнные останки князя, равно любезнаго супругѣ, дѣтямъ и народу. Георгій согласился съ условіемъ, чтобы они прислали ему на обмѣнъ тѣло жены его, Кончаки, сестры Узбековой. Вдовствующая великая княгиня Анна и Димитрій Михайловичъ съ братьями выѣхали по Волгѣ на ладіяхъ навстрѣчу ко гробу Михаилову: епископъ, духовенство, граждане ожидали его на берегу. Зрѣлище было умилительно. Народъ вопилъ, стремился къ тѣлу и громогласно звалъ Михаила, какъ бы надѣясь воскресить его. Знаменитые чиновники несли

Г. 1319.

Горесть тверитянъ.

медленно раку и поставили передъ монастыремъ Архангельскимъ, гдѣ безчисленное множество людей тѣснилось лобызать оную. Снявъ крышку, съ несказанною радостію увидѣли цѣлость мощей, не поврежденныхъ ни дальнимъ путемъ отъ береговъ моря Каспійскаго, ни пятимѣсячнымъ лежаніемъ въ могилѣ. Народъ благословилъ небо за сіе чудо и погребеніе казалось ему уже не печальнымъ обрядомъ, но торжествомъ Михаиловой святости.— Чувствительная, набожная княгиня Анна отказалась отъ міра и кончила дни свои монахинею; а Димитрій и Александръ, отеревъ слезы, думали только о мести.

Георгій ходилъ между тѣмъ съ войскомъ къ Рязани и, заставивъ тамошняго князя Іоанна Ярославича согласиться на всѣ его предложенія, готовился къ нападенію на Тверскую область, увѣренный въ справедливой ненависти къ нему сыновей Михаиловыхъ. Димитрій не боялся войны; но хотѣлъ прежде освободить брата своего Константина и бояръ Михаиловыхъ, бывшихъ аманатами въ Владимірѣ: послалъ тверскаго епископа Варсонофія въ Переславль и заключилъ миръ, давъ Георгію 2,000 рублей и слово не спорить съ нимъ о великомъ княженіи. (Замѣтимъ, что здѣсь въ первый разъ упоминается о рубляхъ: они были не что иное, какъ отрубки серебра, безъ всякаго знака или клейма, вѣсомъ около двадцати двухъ золотниковъ). — Обманутый коварнымъ миромъ, Георгій успокоился и поѣхалъ въ Новгородъ, коего чиновники звали его предводительствовать войскомъ, ибо шведы старались овладѣть Кореліею и Кексгольмомъ. Георгій приступилъ къ Выборгу, и хотя имѣлъ съ собою шесть большихъ стѣнобитныхъ орудій, но осаждалъ сію крѣпость безъ успѣха отъ 12 августа до 9 сентября. Злобясь на шведовъ, россіяне вѣшали плѣнниковъ.

г. 1320.

г. 1321. Рубли.

г. 1322. Война съ шведами.

По возвращеніи въ Новгородъ, Георгій оплакалъ кончину вѣрнаго брата Аѳанасія и свѣдалъ, что князь Іоаннъ Даніиловичъ, бывъ въ ордѣ, пріѣхалъ оттуда съ посломъ Узбековымъ Ахмыломъ, который, объявивъ намѣреніе учредить благоустройство въ областяхъ великаго княженія, лилъ кровь людей, взялъ Ярославль какъ непріятельскій городъ и съ торжествомъ отправился назадъ къ хану дать ему отчетъ въ своемъ успѣшномъ посольствѣ. Вторая вѣсть была для Георгія еще горестнѣе: Димитрій Михайловичъ нарушилъ данное ему слово, выходилъ для себя въ ордѣ достоинство великаго, и царь Узбекъ прислалъ съ грамотою вельможу Севенчъ-Буга возвести его на престолъ владимірскій. Тщетно Георгій молилъ новогородцевъ идти вмѣстѣ съ нимъ ко Владиміру: онъ долженъ былъ ѣхать туда одинъ, и на пути едва не попался въ руки къ Александру Михайловичу Тверскому, отнявшему у него обозъ и казну. Георгій бѣжалъ во Псковъ, гдѣ чи-

новники и народъ, помня завѣщаніе Александра Невскаго, приняли его ласково, но не могли дать ему войска, готовясь дѣйствовать всѣми силами противъ нѣмцевъ. Эстонскіе рыцари, не смотря на миръ, убивали тогда купцовъ и звѣролововъ псковскихъ на Чудскомъ озерѣ и на берегахъ Наровы. Озабоченный собственною опасностію, великій князь уѣхалъ въ Новгородъ; а псковитяне разорили Эстонію до самаго Ревеля, взявъ нѣсколько тысячъ плѣнниковъ и не пощадивъ святыни церквей. Предводителемъ ихъ былъ князь Литовскій Давидъ, славный въ исторіи нѣмецкаго ордена подъ именемъ Кастеллана Гарденскаго. Заслуживъ благодарность псковитянъ, онъ возвратился въ Литву и скоро имѣлъ случай оказать имъ еще важнѣйшую услугу. Нѣмцы собрали весною многочисленное войско, осадили Псковъ, придвинули стѣнобитныя орудія и, въ 18 дней разрушивъ большую часть укрѣпленій, уже готовили лѣстницы для приступа. Хотя намѣстникъ изборскій Евстафій (родомъ князь), нечаянно ударивъ на обозы нѣмецкіе за рѣкою Великою, освободилъ бывшихъ тамъ россійскихъ плѣнниковъ, однакожъ граждане находились въ крайности и посылали гонца за гонцомъ въ Новгородъ, требуя помощи. Въ сіе время приспѣлъ мужественный Давидъ Литовскій, соединилъ дружину свою съ полками осажденныхъ, разбилъ нѣмцевъ на голову, взялъ въ добычу станъ ихъ и всѣ снаряды. Слѣдствіемъ побѣды былъ выгодный для псковитянъ осьмнадцати-лѣтній миръ съ орденомъ.

Г. 1323. Дѣла съ нѣмцами ливонскими.

Свѣдавъ, что Димитрій Михайловичъ, сверхъ покровительства Узбекова, имѣетъ сильное войско въ великомъ княженіи и что народъ, любивъ отца его, изъявляетъ усердіе и къ сыну, Георгій рѣшился на нѣкоторое время остаться въ Новѣгородѣ: ибо могъ отсутствіемъ утратить и сей важный престолъ. Новогородцы ходили съ нимъ къ берегамъ Невы, и тамъ, гдѣ она вытекаетъ изъ Ладожскаго озера, на острову Орѣховомъ, заложили крѣпость Орѣховскую или нынѣшній Шлиссельбургъ, чтобы шведы не могли свободно входить въ сіе озеро. Услышавъ о томъ и желая прекратить войну, столь часто бѣдственную для шведской Кореліи и Финляндіи, юный король Магнусъ прислалъ вельможъ въ станъ Георгіевъ съ дружелюбнымъ предложеніемъ, соотвѣтственнымъ обоюдной пользѣ. Оно было принято. Россіяне, заключивъ договоръ съ послами, въ своей новой крѣпости торжествовали миръ, коего главное условіе состояло въ возстановленіи древнихъ предѣловъ между обѣими державами въ Кореліи и въ Финляндіи.

Миръ съ шведами въ Орѣховѣ.

Новогородцы должны были въ сіе время управиться съ устюжанами, грабившими ихъ купцовъ на пути въ югорскую землю, и съ литовцами, которые злодѣйствовали въ окрестностяхъ Ло-

вати. Разбивъ послѣднихъ, они взяли Устюгъ; но, довольные сдѣланнымъ тамъ опустошеніемъ, на берегахъ Двины заключили миръ съ князьями Устюжскими, намѣстниками Ростовскаго. Тогда Георгій, заслуживъ искреннюю признательность новогородцевъ и обнадеженный въ ихъ вѣрности, дружески простился съ ними: онъ поѣхалъ къ хану, чтобы вторично снискать его милость, низвергнуть Димитрія и вновь утвердить за собою великое княженіе. Сіе путешествіе достойно замѣчанія тѣмъ, что Георгій ѣхалъ отъ береговъ Двины чрезъ область Пермскую; сѣлъ тамъ на ладію и рѣкою Камою плылъ до нынѣшней Казанской губерніи.

Г. 1324. Князья Устюжскіе.

Въ слѣдующій годъ отправился къ хану и Димитрій. Тамъ они увидѣли другъ друга, и нѣжный сынъ, живо представивъ себѣ окровавленную тѣнь Михаилову,— затрепетавъ отъ ужаса, отъ гнѣва, — вонзилъ мечь въ убійцу. Георгій испустилъ духъ, а Димитрій, совершивъ месть, по его чувству справедливую и законную, спокойно ожидалъ слѣдствій... Такъ одно злодѣяніе рождаетъ въ мірѣ другое, и виновникъ перваго отвѣтствуетъ за оба, по крайней мѣрѣ въ судилищѣ Вышняго! Тѣло Георгіево привезли въ Москву, гдѣ княжилъ братъ его, Іоаннъ Даніиловичъ, и погребли въ церкви Архангела Михаила. Митрополитъ Петръ съ четырьмя епископами совершилъ сей обрядъ печальный. Князь Іоаннъ и самый народъ проливалъ искреннія слезы, умиленный столь бѣдственною кончиною государя, хотя и не добродѣтельнаго, однакожъ знаменитаго умомъ и славными предками. Новогородцы сожалѣли объ немъ: тверитяне хвалили дѣло своего князя, съ безпокойствомъ ожидая суда Узбекова.

Г. 1325.

Ноября 21. Убіеніе Георгія и Димитрія.

Г. 1326.

Ханъ долго молчалъ. Друзья князя Московскаго безъ сомнѣнія представляли ему, что убійство столь наглое, совершенное предъ его глазами, требуетъ наказанія, или будетъ пятномъ для чести царской, знакомъ слабости и поводомъ къ новымъ опаснымъ своевольствамъ князей россійскихъ; что ханъ, сверхъ того, долженъ вступиться за Георгія, какъ за своего князя. Прошло десять мѣсяцевъ. Братъ Димитріевъ, Александръ, спокойно возвратился изъ орды съ ханскими пошлинниками, надѣясь, что дѣло уже кончилось, и что Узбекъ не думаетъ о мести. Но вдругъ вышло грозное повелѣніе и несчастнаго Димитрія убили въ ордѣ (вмѣстѣ съ княземъ Новосильскимъ, потомкомъ Михаила Черниговскаго, обвиненнымъ также въ какомъ-то преступленіи). Сія вѣсть, равнодушно принятая въ Москвѣ и въ Новѣгородѣ, огорчила добрыхъ тверитянъ, усердныхъ къ государямъ и видѣвшихъ въ юномъ своемъ князѣ слав-

Сентября 15.

ную жертву любви сыновней. Димитрій Михайловичъ, прозваніемъ Грозные Очи, смѣлый, пылкій, имѣлъ только 27 лѣтъ отъ рожденія; женатый на дочери князя литовскаго, Гедемина, онъ не оставилъ дѣтей.

Не смотря на казнь Димитріеву, Узбекъ въ знакъ милости призналъ его брата великимъ княземъ россійскимъ: по крайней мѣрѣ такъ названъ Александръ Михайловичъ въ договорной грамотѣ, коею новогородцы, не имѣя тогда главы и терпя отъ внутреннихъ неустройствъ, обязались ему повиноваться какъ законному своему властителю. Сія грамота, писанная въ 1327 году, есть повтореніе Ярославовыхъ и Михайловыхъ, съ прибавленіемъ, что новогородцы уступаютъ Александру села, имъ самимъ или боярами его купленныя, если княжескіе дворяне, господствуя въ оныхъ, не будутъ вмѣшиваться въ судныя дѣла иныхъ волостей, и принимать вольныхъ жителей на свою землю. — Но милость Узбекова и вѣрность новогородцевъ скоро измѣнились.

г. 1327.

Въ концѣ лѣта явился въ Твери ханскій посолъ, Шевкалъ, сынъ Дюденевъ и двоюродный братъ Узбека, со многочисленными толпами грабителей. Бѣдный народъ, уже привыкнувъ терпѣть насилія татарскія, искалъ облегченія въ однѣхъ безполезныхъ жалобахъ; но содрогнулся отъ ужаса, слыша, что Шевкалъ, ревностный чтитель Алкорана, намѣренъ обратить россіянъ въ магометанскую вѣру, убить князя Александра съ братьями, сѣсть на его престолѣ, и всѣ города наши роздать своимъ вельможамъ. Говорили, что онъ воспользуется праздникомъ Успенія, къ коему собралось въ Тверь множество усердныхъ христіанъ, и что моголы умертвятъ ихъ всѣхъ до единаго. Сей слухъ могъ быть неоснователенъ: ибо Шевкалъ не имѣлъ достаточнаго войска для произведенія въ дѣйство намѣренія столь важнаго и столь несогласнаго съ политикою хановъ, хотѣвшихъ всегда быть покровителями духовенства и церкви въ набожной Россіи. Но люди угнетенные обыкновенно считаютъ своихъ тирановъ способными ко всякому злодѣйству; самая грубая клевета кажется имъ доказанною истиною. Бояре, воины, граждане, готовые на все для спасенія вѣры и православныхъ государей, окружили князя, юнаго и легкомысленнаго. Забывъ примѣръ отца, великодушно умершаго для спокойствія подданныхъ, Александръ съ жаромъ представлялъ тверитянамъ, что жизнь его въ опасности; что моголы, убивъ Михаила и Димитрія, хотятъ истребить и весь родъ княжескій; что время справедливой мести настало; что не онъ, а Шевкалъ замыслилъ кровопролитіе, и что Богъ есть надежда правыхъ. Граждане усердные, пылкіе, единодушно требовали оружія: князь на разсвѣтѣ, 15 августа, повелъ ихъ ко дворцу Михаилову, гдѣ жилъ

Истребленіе моголовъ въ Твери.

братъ Узбековъ. Общее волненіе, шумъ и стукъ оружія пробудили татаръ: они успѣли собраться къ своему начальнику и выступили на площадь. Тверитяне устремились на нихъ съ воплемъ. Сѣча была ужасна. Отъ восхода солнечнаго до темнаго вечера рѣзались на улицахъ съ остервененіемъ необычайнымъ. Уступивъ превосходству силъ, моголы заключились во дворцѣ: Александръ обратилъ его въ пепелъ, и Шевкалъ сгорѣлъ тамъ съ остаткомъ ханской дружины. Къ свѣту не было уже ни одного татарина живого. Граждане умертвили и купцовъ ординскихъ.

Сіе дѣло, внушенное отчаяніемъ, изумило орду. Моголы думали, что вся Россія готова возстать и сокрушить свои цѣпи; но Россія только трепетала, боясь, чтобы мщеніе хана, заслуженное тверитянами, не коснулось и другихъ ея предѣловъ. Узбекъ, пылая гнѣвомъ, клялся истребить гнѣздо мятежниковъ; однакожъ, дѣйствуя осторожно, призвалъ Іоанна Даніиловича Московскаго, обѣщалъ сдѣлать его великимъ княземъ, и давъ ему въ помощь 50,000 воиновъ, предводимыхъ пятью ханскими темниками, велѣлъ идти на Александра, чтобы казнить россіянъ россіянами. Къ сему многочисленному войску присоединились еще суздальцы съ владѣтелемъ своимъ, Александромъ Васильевичемъ, внукомъ Адрея Ярославича. Тогда князь Тверскій могъ умереть великодушно или въ славной битвѣ, или предавъ себя одного въ руки моголовъ, чтобы спасти подданныхъ, но сынъ Михайловъ не имѣлъ добродѣтели отца. Видя грозу, онъ пекся единственно о собственной безопасности и думалъ искать убѣжища въ Новѣгородѣ. Туда ѣхали уже намѣстники московскіе: граждане не хотѣли объ немъ слышать. Между тѣмъ Іоаннъ и князь Суздальскій, вѣрные слуги Узбековой мести, приближались къ Твери, несмотря на глубокіе снѣга и морозы жестокой зимы. Малодушный Александръ, оставивъ свой добрый, несчастный народъ, ушелъ во Псковъ, а братья его, Константинъ и Василій, въ Ладогу. Начадось бѣдствіе. Тверь, Кашинъ, Торжекъ были взяты, опустошены со всѣми пригородами; жители истреблены огнемъ и мечемъ, другіе отведены въ неволю. Самые новогородцы едва спаслися отъ хищности моголовъ, давъ ихъ посламъ 1,000 рублей и щедро одаривъ всѣхъ воеводъ Узбековыхъ.

Мщеніе ханское.

Ханъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ вѣсти изъ Россіи: получивъ оную, изъявилъ удовольствіе. Дымящіяся развалины тверскихъ городовъ и селеній казались ему славнымъ памятникомъ царскаго гнѣва, достаточнымъ для обузданія строптивыхъ рабовъ. Въ то же время казнивъ рязанскаго владѣтеля, Іоанна Ярославича, онъ посадилъ его сына, Іоанна Коротопола, на сей кровію отца обагренный престолъ и, будучи доволенъ вѣрностію князя Московскаго, далъ ему самую мило-

Казнь Рязанскаго князя.

ствую грамоту на великое княженіе, пріобрѣтенное бѣдствіемъ столь многихъ россіянъ. Г. 1328.

Описавъ слѣдствія Георгіевой кончины, обратимъ вниманіе читателя на южныя области Россіи. Бывъ нѣкогда лучшимъ ея достояніемъ, съ половины XIII вѣка онѣ сдѣлались какъ бы чужды для нашего сѣвернаго отечества, коего жители брали столь мало участія въ судьбѣ кіевлянъ, волынянъ, галичанъ, что лѣтописцы суздальскіе и новогородскіе не говорятъ объ ней почти ни слова; а волынскій не доходитъ до временъ наиболѣе любопытныхъ важностію происшествій, когда народъ бѣдный, дикій, платившъ нѣсколько вѣковъ дань Россіи и болѣе ста лѣтъ умѣвъ только грабить, свѣдалъ отъ насъ и нѣмцевъ дѣйствія военнаго и гражданскаго искусства, въ грозномъ ополченіи выступилъ изъ темныхъ лѣсовъ на театръ міра и быстрыми завоеваніями основалъ державу знаменитую. Литовцы завоеватели. Говоримъ о Литвѣ, уже сильной при Миндовгѣ и Тройденѣ, но еще гораздо сильнѣйшей при Гедиминѣ. Сей человѣкъ, разума и мужества необыкновеннаго, былъ конюшимъ литовскаго князя Витена или, вѣроятно, Буйвида: злодѣйски умертвивъ государя своего, онъ присвоилъ себѣ господство надъ всею землею литовскою. Нѣмцы, россіяне, ляхи, скоро увидѣли его властолюбіе, Гедиминъ искалъ уже не добычи, но завоеваній — и древнее Пинское княженіе, гдѣ долго властвовали потомки Святополка-Михаила, было силою оружія присоединено къ Литвѣ. Союзы брачные служили ему также способомъ пріобрѣтать земли. Выдавая дочерей за князей россійскихъ съ однимъ благословеніемъ, онъ требовалъ богатаго вѣна отъ сватовъ: дозволилъ сыновьямъ, Ольгерду и Любарту, креститься; женилъ перваго на княжнѣ витебской, а второго—на владимірской: Ольгердъ наслѣдовалъ по смерти тестя всю его землю; а Любартъ получилъ удѣлъ въ Волыніи. Юрій Львовичъ Галицкій и Волынскій скончался около 1316 года: ибо въ сіе время уже господствовали тамъ Андрей и Левъ, вѣроятно сыновья его, коихъ имена извѣстны намъ единственно по ихъ сношеніямъ съ нѣмецкимъ орденомъ и которые въ грамотахъ своихъ назывались *князьями всей русской земли, галицкой и владимірской*. Одинъ изъ сихъ князей, какъ надобно думать, былъ и тестемъ Любартовымъ: историкъ же литовскій именуетъ его *Владиміромъ*, разсказывая слѣдующія обстоятельства:

«Опасаясь властолюбивыхъ замысловъ Гедимина, князья россійскіе, Владиміръ и Левъ, хотѣли предупредить ихъ и въ то время, какъ онъ воевалъ съ нѣмцами, напали на Литву. Владиміръ опустошилъ берега Виліи; Левъ взялъ *Брестъ и Дрогичинъ, бывшіе тогда уже во власти Гедиминовой*. Сей мужественный Сомнительное повѣствованіе Стрыйковскаго.

витязь, въ 1319 году побѣдою окончивъ войну съ орденомъ, немедленно устремился на Владиміръ (гдѣ княжилъ тесть Любартовъ). Подъ стѣнами онаго началася битва, въ коей татары стояли за россійскаго князя противъ россіянъ: ибо Гедиминъ имѣлъ полочанъ въ своемъ войскѣ, а князь Владимірскій наемную ханскую конницу. Густыя толпы литовцевъ рѣдѣли, осыпаемыя стрѣлами татарскими; но Гедиминъ, поставивъ въ ряды пѣхоту, вооруженную пращами и копьями, обратилъ моголовъ въ бѣгство. Россіяне замѣшались. Тщетно жены и старцы, зрители битвы, съ городскихъ стѣнъ кричали имъ, что она рѣшитъ судьбу отечества: князь Владиміръ, оказавъ мужество, достойное героя, палъ въ сраженіи, и войско, лишенное бодрости, разсѣялось. Городъ сдался. Гедиминъ, поручивъ его своимъ намѣстникамъ, спѣшилъ къ Луцку, откуда Левъ, устрашенный несчастіемъ Владиміра, бѣжалъ къ Брянскому князю Роману, своему зятю: граждане не оборонялись, и побѣдитель, изъявляя благоразумную кротость, увѣрилъ всѣхъ россіянъ въ безопасности и защитѣ. Утружденное войско его отдыхало цѣлую зиму. Наградивъ щедро полководцевъ, онъ жилъ въ Брестѣ и готовился къ дальнѣйшимъ подвигамъ.

«Какъ скоро весна наступила и земля покрылась травою, Гедиминъ съ новою бодростію выступилъ въ поле, взялъ Овручъ, Житомиръ, города кіевскіе и шелъ къ Днѣпру. Въ Кіевѣ властвовалъ Станиславъ, одинъ изъ потомковъ св. Владиміра: онъ имѣлъ время призвать моголовъ, соединился съ Олегомъ Переяславскимъ, съ изгнаннымъ княземъ Луцкимъ Львомъ, съ Романомъ Брянскимъ; верстахъ въ 25 отъ столицы, на берегу Ирпени, встрѣтилъ непріятеля и долго спорилъ о побѣдѣ; но отборная дружина литовская, ударивъ сбоку на россіянъ, смяла ихъ. Олегъ положилъ голову на мѣстѣ битвы; Левъ также. Станиславъ и Романъ ушли въ Рязань; а Гедиминъ, отдавъ всю добычу воинамъ, осадилъ Кіевъ. Еще жители не теряли надежды и мужественно отразили нѣсколько приступовъ; наконецъ, не видя помощи ни отъ князя Станислава, ни отъ татаръ и зная, что Гедиминъ щадитъ побѣжденныхъ, отворили ворота. Духовенство вышло со крестами, и вмѣстѣ съ народомъ присягнуло быть вѣрнымъ государю литовскому, который, избавивъ Кіевъ отъ ига моголовъ, оставилъ тамъ намѣстникомъ племянника своего Миндова, князя Голшанскаго, вѣрою христіанина, и скоро завоевалъ всю южную Россію до Путивля и Брянска».

Сіе повѣствованіе историка не весьма основательнаго едва-ли утверждено на какихъ нибудь современныхъ или достовѣрныхъ свидѣтельствахъ. Оно тѣмъ сомнительнѣе, что баскаки ханскіе, какъ видно изъ нашихъ лѣтописей, до самаго 1331 года находились въ Кіевѣ, гдѣ господствовалъ тогда не Миндовъ, а князь

Россійскій. Не зная, когда именно литовцы овладѣли странами Днѣпровскими, знаемъ только, что Кіевъ при Димитріи Донскомъ уже былъ въ ихъ власти (безъ сомнѣнія Черниговская область). Такимъ образомъ наше отечество утратило, и надолго, свою древнюю столицу, мѣста славныхъ воспоминаній, гдѣ оно росло въ величіи подъ щитомъ Олеговымъ, свѣдало Бога истиннаго посредствомъ св. Владиміра, пріяло законы отъ Ярослава Великаго и художества отъ грековъ!.. Что касается до княженія Владиміро-Волынскаго, то оно, въ противность ложному сказанію литовскаго историка, вмѣстѣ съ Галиціею еще нѣсколько лѣтъ хранило свою независимость и силу. Владѣтели его, Андрей и Левъ, преставились около 1324 года. Объ нихъ-то король польскій, Владиславъ Локетекъ, говоритъ въ письмѣ къ папѣ Іоанну XXII: «Извѣщаю Ваше Святѣйшество о кончинѣ двухъ послѣднихъ князей россійскихъ, бывшихъ для насъ твердою защитою отъ свирѣпости татаръ. Сіи жестокіе враги христіанства безъ сомнѣнія пожелаютъ нынѣ овладѣть Россіею, смежною съ нашими землями, и мы будемъ въ величайшей опасности». Но Андрей и Левъ оставили малолѣтняго наслѣдника, именемъ Георгія, праправнука Даніилова. Въ дружескихъ латинскихъ грамотахъ къ великимъ магистрамъ ордена Нѣмецкаго, скрѣпленныхъ печатями епископа, княжескаго пѣстуна и воеводъ бельзскаго, перемышльскаго, львовскаго, луцкаго, онъ писался природнымъ княземъ и государемъ всей Малой Россіи, обязываясь предохранять землю рыцарей отъ набѣга моголовъ; употреблялъ печать Юрія Львовича, своего дѣда, и жилъ то во Владимірѣ, то во Львовѣ. Бояре, въ малолѣтство его, управляя княжествомъ, не дерзнули остановить гибельныхъ для южной Россіи успѣховъ литовскаго оружія, довольные тѣмъ, что Гедиминъ не отнималъ собственныхъ областей у Георгія (Любартова шурина, какъ вѣроятно) и надѣясь, можетъ быть, что сей честолюбивый завоеватель, расширяя свои владѣнія къ Востоку и сближаясь съ татарскими, обратитъ на себя грозную силу хана, или погибнетъ, или счастливымъ противоборствомъ ослабитъ ее; то и другое слѣдствіе могло казаться благопріятнымъ для нашего отечества.

Судьба южной и западной Россіи.

Послѣдній князь Галицкій.

Но хитрый Гедиминъ умѣлъ снискать дружбу моголовъ; по крайней мѣрѣ никогда не воевалъ съ ними и не платилъ имъ дани. Властвуя надъ Литвою и завоеванною частію Россіи, онъ именовалъ себя великимъ княземъ Литовскимъ и Россійскимъ; жилъ въ Вильнѣ, имъ основанной; правилъ новыми подданными благоразумно, уважая ихъ древнія гражданскія обыкновенія, покровительствуя вѣру греческую и не мѣшая народу зависѣть въ

Характеръ Гедимина.

церковныхъ дѣлахъ отъ митрополита московскаго; украшалъ новую столицу свою, ловилъ звѣрей въ дремучихъ лѣсахъ и, желая прекратить всегдашнюю, кровопролитную и безполезную войну съ Нѣмецкимъ орденомъ, писалъ къ папѣ Іоанну: «Одолѣвая христіанъ въ битвахъ, я не хочу истреблять вѣры ихъ, а только защищаюсь отъ враговъ, подобно всѣмъ другимъ государямъ. Монахи доминиканскіе и францисканскіе окружаютъ меня: даю имъ волю учить и крестить людей въ моемъ государствѣ; самъ вѣрю святой Троицѣ, желая повиноваться тебѣ, главѣ церкви и пастырю царей: ручаюсь и за моихъ вельможъ, только усмири злобу нѣмцевъ», и проч. Іоаннъ, обрадованный столь благословеннымъ извѣстіемъ, отправилъ въ Литву епископа алетскаго Варѳоломея и Бернарда, игумена Пюйскаго; но Гедиминъ, вновь раздраженный непріятельскими дѣйствіями и вѣроломствомъ Прусскаго ордена, вдругъ перемѣнилъ мысли, встрѣтилъ пословъ Іоанновыхъ весьма немилостиво, и сказалъ имъ: «Я не знаю вашего папы и знать не желаю. Исповѣдую вѣру моихъ предковъ и не измѣню ей до гроба». Потупивъ глаза въ землю, они должны были удалиться; и съ того времени Гедиминъ слылъ въ Европѣ коварнымъ обманщикомъ. Впрочемъ исторія отдаетъ справедливость многимъ его достохвальнымъ дѣламъ и качествамъ. Онъ старался образовать народъ свой; дозволялъ Ганзейскимъ купцамъ торговать въ Литвѣ безъ всякой пошлины; призывалъ людей ремесленныхъ, серебрениковъ, каменьщиковъ, механиковъ; на десять лѣтъ освобождалъ всѣхъ новыхъ поселенцовъ отъ дани, ручаясь имъ за безопасность личную и цѣлость собственности, которую они пріобрѣтутъ своимъ трудолюбіемъ; давалъ имъ гражданское право Риги и всѣ возможныя выгоды; построилъ для христіанъ церкви въ Вильнѣ и Новогродкѣ и, не терпя монаховъ, подъ видомъ набожности скрывающихъ злое корыстолюбіе и сердце развратное, любилъ иноковъ добродѣтельныхъ, не мѣшая имъ распространять вѣру Іисусову; любилъ хвалиться вѣрностію своихъ обѣщаній и ставилъ себя христіанамъ въ примѣръ честности. Сіи обстоятельства извѣстны намъ по грамотѣ, данной имъ въ 1323 году любекскимъ, ростовскимъ, штетинскимъ и другимъ нѣмцамъ, за его княжескою печатію.

Нѣтъ сомнѣнія, что древняя область Кривская или нынѣшняя Бѣлоруссія уже совершенно зависѣла отъ Гедимина; но, держась правилъ умѣренности въ своемъ властолюбіи, онъ не хотѣлъ изгнать тамошнихъ князей и, довольствуясь ихъ покорностію, оставлялъ имъ удѣлы наслѣдственные. Такъ (въ 1326 году) съ братомъ его Воиномъ пріѣзжали изъ Литвы въ Новгородъ для заключенія мира князь Полоцкій Василій и Минскій Ѳеодоръ Святославичъ, вѣроятно потомки св. Владиміра отъ племени Рогнѣдина сына Изяслава.

ГЛАВА X.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ІОАННЪ ДАНІИЛОВИЧЪ, ПРОЗВАНІЕМЪ КАЛИТА.

Г. 1328—1340.

Сѣверная Россія отдыхаетъ.—Москва глава Россіи.—Предсказаніе митрополита.—Милость хана къ Іоанну.—Великодушіе псковитянъ.—Особенный епископъ во Псковѣ. — Происшествія новогородскія.—Закамское серебро.—Политика Новагорода. — Ханъ прощаетъ Александра.—Іоаннъ повелѣваетъ князьями. — Несчастіе Александра. — Миръ съ Норвегіею.— Непріязнь шведовъ.—Разбои литовскіе.—Ссора Іоаннова съ Новымгородомъ. — Походъ къ Смоленску.—Кончина и достоинства Іоанновы.—Прозваніе Калиты.—Кремникъ. — Торгъ на Мологѣ.—Завѣщаніе великаго князя.—Ярославская грамота.—Судьба Галича.

Г. 1328.

Сѣверная Россія отдыхаетъ.

Лѣтописцы говорятъ, что съ восшествіемъ Іоанна на престолъ великаго княженія миръ и тишина воцарились въ сѣверной Россіи; что моголы престали наконецъ опустошать ея страны и кровію бѣдныхъ жителей орошать пепелища; что христіане на сорокъ лѣтъ опочили отъ истомы и насилій долговременныхъ—то есть, Узбекъ и преемники его, довольствуясь обыкновенною данію, уже не посылали воеводъ своихъ грабить великое княженіе, занятые дѣлами Востока и внутренними безпокойствами орды, или устрашаемые примѣромъ Твери, гдѣ Шевкалъ былъ жертвою ожесточеннаго народа. Отечество наше сѣтовало въ уничиженіи; головы князей все еще падали въ ордѣ по единому мановенію хановъ: но земледѣльцы могли спокойно трудиться на поляхъ, купцы ѣздить изъ города въ городъ съ товарами, бояре наслаждаться избыткомъ; кони татарскіе уже не топтали младенцевъ, дѣвы хранили невинность, старцы не умирали на снѣгу. Первое добро государственное есть безопасность и покой; честь драгоцѣнна для народовъ благоденствующихъ: угнетенные желаютъ только облегченія, и славятъ Бога за оное.

Москва глава Россіи.

Сія дѣйствительно благословенная по тогдашнимъ обстоятельствамъ перемѣна ознаменовала возвышеніе Москвы, которая со временъ Іоанновыхъ сдѣлалась истинною главою Россіи. Мы видѣли, что и прежніе великіе князья любили свои удѣльные или наслѣдственные города болѣе Владиміра, совершая въ немъ только обрядъ восшествія на главный престолъ россійскій: Димитрій Александровичъ жилъ въ Переславлѣ-Залѣсскомъ, Михаилъ Ярославичъ въ Твери; слѣдуя той же естественной привязанности къ родинѣ, Іоаннъ Даніиловичъ не хотѣлъ выѣхать изъ Москвы, гдѣ находилась уже и ка-

чай быть въ семъ городѣ, полюбилъ его красивое мѣстоположеніе и добраго князя, оставилъ знаменитую столицу Андрея Боголюбскаго, правимую тогда уже одними намѣстниками княжескими, и переселился къ Іоанну. «Если ты»,—говорилъ онъ князю въ духѣ пророчества, какъ пишетъ митрополитъ Кипріянъ въ житіи св. Петра,—«если ты успокоишь мою старость и воздвигнешь здѣсь храмъ, достойный Богоматери, то будешь славнѣе всѣхъ иныхъ князей и родъ твой возвеличится; кости мои останутся въ семъ градѣ; святители захотятъ обитать въономъ, и руки его взыдутъ на плеща враговъ нашихъ». Іоаннъ исполнилъ желаніе старца и, въ 1326 году, 4 августа, заложилъ въ Москвѣ на площади первую церковь каменную во имя Успенія Богоматери, при великомъ стеченіи народа. Святый митрополитъ, собственными руками построивъ себѣ каменный гробъ въ ея стѣнѣ, зимою преставился; надъ прахомъ его въ слѣдующемъ году освятилъ сію церковь епископъ ростовскій и новый митрополитъ, именемъ Ѳеогностъ, родомъ грекъ, основалъ свою каѳедру также въ Москвѣ, къ неудовольствію другихъ князей: ибо они предвидѣли, что наслѣдники Іоанновы, имѣя у себя главу духовенства, захотятъ исключительно присвоить себѣ достоинство великокняжеское. Такъ и случилось, ко счастію Россіи. Въ то время, когда она достигла высшей степени бѣдствія, видя лучшія свои области отторженныя Литвою, всѣ другія истерзанныя моголами,—въ то самое время началось ея государственное возрожденіе, и въ городкѣ, дотолѣ маловажномъ, созрѣла мысль благодѣтельнаго единодержавія, открылась мужественная воля прервать цѣпи ханскія, изготовились средства независимости и величія государственнаго. Новгородъ знаменитъ бывшею въ немъ колыбелію монархіи, Кіевъ купѣлію христіанства для россіянъ; но въ Москвѣ спаслися отечество и вѣра.—Сіе время великихъ подвиговъ и славныхъ усилій еще далеко; обратимся къ происшествіямъ.

Предсказаніе митрополита.

Первымъ дѣломъ великаго князя было ѣхать въ орду вмѣстѣ съ меньшимъ братомъ Александра Тверскаго, Константиномъ Михайловичемъ, и съ чиновниками новогородскими. Узбекъ призналъ Константина Тверскимъ княземъ; изъявилъ милость Іоанну: но отпуская ихъ, требовалъ, чтобы они представили ему Александра. Вслѣдствіе того послы великаго князя и новогородскіе, архіепископъ Моисей и тысячскій Аврамъ, прибывъ во Псковъ, именемъ отечества убѣждали Александра явиться на судъ къ хану, и тѣмъ укротить его гнѣвъ, страшный для всѣхъ россіянъ. «И такъ, вмѣсто защиты»—отвѣтствовалъ князь Тверскій,—«я нахожу въ васъ гонителей!

Милость хана къ Іоанну.

христіане помогаютъ невѣрнымъ, служатъ имъ и предаютъ своихъ братьевъ! Жизнь суетная и горестная не прельщаетъ меня: я готовъ жертвовать собою для общаго спокойствія». Но добрые псковитяне, умиленные его несчастнымъ состояніемъ, сказали ему единодушно: «Останься съ нами: клянемся, что тебя не выдадимъ; по крайней мѣрѣ умремъ съ тобою». Они велѣли посламъ удалиться, и вооружились. Такъ народъ дѣйствуетъ иногда по внушенію чувствительности, забывая свою пользу, и стремится на опасность, плѣненный славою великодушія. Чѣмъ рѣже бываютъ сіи случаи, тѣмъ они достопамятнѣе въ лѣтописяхъ. Раздѣляя съ Новымгородомъ выгоды нѣмецкой торговли, псковитяне славились въ сіе время и богатствомъ, и воинственнымъ духомъ. Подъ защитою высокихъ стѣнъ они готовились къ мужественной оборонѣ, и построили еще новую каменную крѣпость въ Изборскѣ, на горѣ Жеравѣ.

Великодушіе псковитянъ.

Іоаннъ, боясь казаться хану ослушникомъ или нерадивымъ исполнителемъ его воли, пріѣхалъ въ Новгородъ съ митрополитомъ и многими князьями россійскими, въ числѣ коихъ находились и братья Александровы, Константинъ и Василій, также князь Суздальскій Александръ Васильевичъ. Ни угрозы, ни воинскія приготовленія Іоанновы не могли поколебать твердости псковитянъ: въ надеждѣ, что они одумаются, великій князь шелъ медленно къ ихъ границамъ, и чрезъ три недѣли расположился станомъ близъ Опоки; но видя, что надобно сражаться или уступить, прибѣгнулъ къ иному способу, необыкновенному въ древней Россіи: склонилъ митрополита наложить проклятіе на Александра и на всѣхъ жителей Пскова, если они не покорятся. Сія духовная казнь, соединенная съ отлученіемъ отъ церкви, устрашила народъ. Однакожъ граждане все еще не хотѣли предать несчастнаго сына Михаилова. Самъ Александръ великодушно отказался отъ ихъ помощи. «Да не будетъ проклятія на моихъ друзьяхъ и братьяхъ ради меня!» сказалъ онъ имъ со слезами: «иду изъ вашего града, освобождая васъ отъ данной мнѣ клятвы». Александръ уѣхалъ въ Литву, поручивъ имъ свою печальную юную супругу. Горесть была общая: ибо они искренно любили его. Посадникъ ихъ, именемъ Сологa, объявилъ Іоанну, что изгнанникъ удалился. Великій князь былъ доволенъ и митрополитъ, разрѣшивъ псковитянъ, далъ имъ благословеніе. Хотя Іоаннъ въ семъ случаѣ казался только невольнымъ орудіемъ ханскаго гнѣва, но добрые россіяне не хвалили его за то, что онъ въ угодность невѣрнымъ гналъ своего родственника и заставилъ Ѳеогноста возложить церковное проклятіе на усердныхъ христіанъ, коихъ вина состояла въ великодушіи.—Новогородцы также не охотно участвовали въ семъ походѣ и спѣшили домой, чтобы смирить нѣмцевъ

Г. 1329.

и князей Устюжскихъ: первые убили въ Дерптѣ ихъ посла, а вторые купцевъ и промышленниковъ на пути въ землю Югорскую. Лѣтописцы не говорятъ, какимъ образомъ новогородское правительство отмстило за то и другое оскорбленіе.

Г. 1330—32.

Страхъ, наведенный Іоанномъ на Псковъ, не имѣлъ желаемаго дѣйствія: ибо Александръ, принятый дружелюбно Гедиминомъ литовскимъ, обнадеженный имъ въ защитѣ и влекомый сердцемъ къ добрымъ псковитянамъ, чрезъ 18 мѣсяцевъ возвратился. Они приняли его съ радостію и

Особенный епископъ во Псковѣ.

назвали своимъ княземъ, то есть отложились отъ Новагорода, и, выбравъ даже особеннаго для себя епископа, именемъ Арсенія, послали его ставиться къ митрополиту, бывшему тогда въ Волыніи. Александръ Михайловичъ и самъ Гедиминъ убѣждали Ѳеогноста исполнить волю псковитянъ; однакожъ митрополитъ съ твердостію отказалъ имъ, и въ то же время — съ епископами полоцкимъ, владимірскимъ, галицкимъ, перемышльскимъ, холмскимъ — посвятилъ архіепископа Василія, избраннаго новогородцами, коего епархія, согласно съ древнимъ обыкновеніемъ, долженствовала заключать въ себѣ и Псковскую область. Гедиминъ стерпѣлъ сіе непослушаніе отъ митрополита, уважая въ немъ главу духовенства, но хотѣлъ перехватить архіепископа Василія и бояръ новогородскихъ на ихъ возвратномъ пути изъ Волыніи, такъ что они едва могли спастися, избравъ иную дорогу, и принуждены были откупиться отъ кіевскаго неизвѣстнаго намъ князя Ѳеодора, который гнался за ними до Чернигова съ татарскимъ баскакомъ.

Происшествія новогородскія.

Между тѣмъ какъ Іоаннъ, частыми путешествіями въ орду доказывая свою преданность хану, утверждалъ спокойствіе въ областяхъ великаго княженія, Новгородъ былъ въ непрестанномъ движеніи отъ внутреннихъ раздоровъ, или отъ внѣшнихъ непріятелей, или ссорясь и мирясь съ великимъ княземъ. Зная, что новогородцы, торгуя на

Закамское серебро.

границахъ Сибири, доставали много серебра изъ-за Камы, Іоаннъ требовалъ онаго для себя и, получивъ отказъ, вооружился, собралъ всѣхъ князей низовскихъ, Рязанскихъ; занялъ Бѣжецкъ, Торжекъ и разорялъ окрестности. Тщетно новогородцы звали его къ себѣ, чтобы дружелюбно прекратить взаимное неудовольствіе:

Г. 1333.

онъ не хотѣлъ слушать пословъ, и самъ архіепископъ Василій, пріѣздивъ къ нему въ Переславль, не могъ его умилостивить. Новогородцы давали великому князю 500 рублей серебра, съ условіемъ, чтобы онъ возвратилъ села и деревни, беззаконно имъ пріобрѣтенныя въ ихъ области; но Іоаннъ не согласился, и въ гнѣвѣ уѣхалъ тогда къ хану.

Сія опасность заставила новогородцевъ примириться съ кня-

земъ Александромъ Михайловичемъ. Уже семь лѣтъ псковитяне не видали у себя архипастыря: святитель Василій, забывъ ихъ строптивость, пріѣхалъ къ нимъ съ своимъ клиросомъ, благословилъ народъ, чиновниковъ и крестилъ сына у князя. Желая имѣть еще надежнѣйшую опору, новогородцы подружились съ Гедиминомъ, не смотря на то, что онъ въ сіе же время вступилъ въ родственный союзъ съ Іоанномъ Даніиловичемъ, выдавъ за его сына, юнаго Симеона, дочь или внучку свою Августу (названную въ крещеніи Анастасіею). Еще въ 1331 году (какъ разсказываетъ одинъ лѣтописецъ), Гедиминъ, остановивъ архіепископа Василія и бояръ новогородскихъ, ѣхавшихъ въ Волынію, принудилъ ихъ дать ему слово, что они уступятъ Нариманту, его сыну, Ладогу съ другими мѣстами въ вѣчное и потомственное владѣніе. Обстоятельство весьма сомнительное: въ достовѣрнѣйшихъ лѣтописяхъ нѣтъ онаго; и могло ли обѣщаніе, вынужденное насиліемъ, быть дѣйствительнымъ обязательствомъ? Гораздо вѣроятнѣе, что Гедиминъ единственно изъявилъ новогородцамъ желаніе видѣть Нариманта ихъ удѣльнымъ княземъ, обѣщая имъ защиту, или они сами вздумали такимъ образомъ пріобрѣсти оную, опасаясь Іоанна столько же, сколько и внѣшнихъ враговъ: политика не весьма согласная съ общимъ благомъ государства Россійскаго; но заботясь исключительно о собственныхъ выгодахъ — думая, можетъ быть, и то, что Россія, истерзанная моголами, стѣсняемая Литвою, должна скоро погибнуть, новогородцы искали способовъ устоять въ ея паденіи съ своею гражданскою вольностію и частнымъ избыткомъ. Какъ бы то ни было, Наримантъ, дотолѣ язычникъ, извѣстилъ новогородцевъ, что онъ уже христіанинъ и желаетъ поклониться святой Софіи. Народное вѣче отправило за нимъ пословъ и, взявъ съ него клятву быть вѣрнымъ Новугороду, отдало ему Ладогу, Орѣховъ, Кексгольмъ, всю землю Корельскую и половину Копорья въ отчину и въ дѣдину, съ правомъ наслѣдственнымъ для его сыновей и внуковъ. Сіе право состояло въ судебной и воинской власти, соединенной съ нѣкоторыми опредѣленными доходами.

Политика Новагорода.

Однакожъ новогородцы все еще старались утишить гнѣвъ великаго князя, и наконецъ въ томъ успѣли посредствомъ, кажется, митрополита Ѳеогноста, съ коимъ дѣятельный архіепископъ Василій имѣлъ свиданіе въ Владимірѣ. Іоаннъ, возвратясь изъ орды въ Москву, выслушалъ милостиво ихъ пословъ и самъ пріѣхалъ въ Новгородъ. Всѣ неудовольствія были преданы забвенію. Въ знакъ благоволенія за оказанную ему почесть и привѣтливость жителей, умѣвшихъ иногда ласкать князя, Іоаннъ позвалъ въ Москву архіепископа и главныхъ ихъ чиновниковъ, чтобы за роскошное уго-

г. 1334.

г. 1335.

щеніе отплатить имъ такимъ же. Въ сихъ взаимныхъ изъявленіяхъ доброжелательства онъ согласился съ новогородцами вторично изгнать Александра Михайловича изъ Россіи и смирить псковитянъ, исполняя волю татаръ или слѣдуя движенію личной на него злобы. Условились въ мѣрахъ, но отложили походъ до иного времени.

Спокойные съ одной стороны, новогородцы искали враговъ въ стѣнахъ своихъ. Еще и прежде, смѣняя посадника, народъ ограбилъ домы и села нѣкоторыхъ бояръ: въ семъ году рѣка Волховъ была какъ бы границею между двумя непріятельскими станами. Несогласіе въ дѣлахъ внутренняго правленія, основаннаго на опредѣленіяхъ вѣча или на общей волѣ гражданъ, естественнымъ образомъ рождало сіи частые мятежи, бывающіе главнымъ зломъ свободы, всегда безпокойной и всегда любезной народу. Половина жителей возстала на другую; мечи и копья сверкали на обоихъ берегахъ Волхова. Къ счастію, угрозы не имѣли слѣдствія кровопролитнаго, и зрѣлище ужаса скоро обратилось въ картину трогательной братской любви. Примиренные ревностію благоразумныхъ посредниковъ, граждане дружески обнялися на мосту и скромный лѣтописецъ, умалчивая о винѣ сего междоусобія, говоритъ только, что оно было доказательствомъ и гнѣва и милосердія небеснаго, ибо прекратилось столь счастливо—хотя и не надолго. Чрезъ нѣсколько времени опять упоминается въ новогородской лѣтописи о возмущеніи, въ коемъ по-
г. 1337. страдалъ одинъ архимандритъ, запертый и стрегомый народомъ въ церкви какъ въ темницѣ.

Согласіе съ великимъ княземъ было вторично нарушено походомъ его войска въ Двинскую область. Истощая казну свою частыми путешествіями въ корыстолюбивую орду, и видя, что новогородцы не расположены добровольно подѣлиться съ нимъ сокровищами сибирской торговли, онъ хотѣлъ вооруженною рукою перехватить оныя. Полки Іоанновы шли зимою: изнуренные трудностями пути и встрѣченные сильнымъ отпоромъ двинскихъ чиновниковъ, они не имѣли успѣха, и возвратились, потерявъ множество людей. Сіе непріятельское дѣйствіе заставило новогородцевъ опять искать дружбы псковитянъ чрезъ ихъ общаго духовнаго пастыря: архіепископъ Василій отправился во Псковъ; но жители, считая новогородцевъ своими врагами, уже не хотѣли союза съ ними: приняли владыку холодно и не дали ему обыкновенной такъ называемой судной пошлины или десятой части изъ судебныхъ казенныхъ доходовъ. Напрасно Василій грозилъ чиновникамъ именемъ церкви и, слѣдуя примѣру митрополита Θеогноста, объявилъ проклятіе всему ихъ городу. Псковитяне на сей разъ выслушали оное спокойно и разгнѣванный архіепископъ уѣхалъ, видя, что они не вѣрятъ дѣйствію

клятвы, внушенной ему корыстолюбіемъ или политикою и несогласной съ духомъ христіанства.

Впрочемъ великій князь, испытавъ неудачу, оставилъ новогородцевъ въ покоѣ, встревоженный перемѣною въ судьбѣ Александра Михайловича. Живъ около десяти лѣтъ во Псковѣ, Александръ непрестанно помышлялъ о своей отчизнѣ и средствахъ возвратиться съ безопасностію въ ея нѣдра. «Если умру въ изгнаніи», — говорилъ онъ друзьямъ, — «то и дѣти мои останутся безъ наслѣдія». Псковитяне любили его, но сила не соотвѣтствовала ихъ усердію: онъ предвидѣлъ, что новогородцы не откажутся отъ древней власти надъ ними, воспользуются первымъ случаемъ смирить сихъ ослушниковъ, выгонятъ его или оставятъ тамъ изъ милости своимъ намѣстникомъ. Покровительство Гедимина не могло возвратить ему тверского престола: ибо сей литовскій князь избѣгалъ войны съ ханомъ. Александръ могъ бы обратиться къ великому князю; но, будучи имъ издавна ненавидимъ, надѣялся скорѣе умилостивить грознаго Узбека, и послалъ къ нему юнаго сына своего, Ѳеодора, который (въ 1336 году) благополучно возвратился въ Россію съ посломъ могольскимъ. Привезенныя вѣсти были таковы, что Александръ рѣшился самъ ѣхать въ орду и, взявъ заочно благословеніе отъ митрополита Ѳеогноста, отправился туда съ боярами. Его немедленно представили Узбеку. «Царь верховный!» — сказалъ онъ хану съ видомъ покорности, но безъ робости и малодушія: — «я заслужилъ гнѣвъ твой и вручаю тебѣ мою судьбу. Дѣйствуй по внушенію неба и собственнаго сердца. Милуй или казни; въ первомъ случаѣ прославлю Бога и твою милость. Хочешь ли головы моей? она предъ тобою». Свирѣпый ханъ смягчился, взглянулъ на него милостиво и съ удовольствіемъ объявилъ вельможамъ своимъ, что «князь Александръ смиренною мудростію избавляетъ себя отъ казни». Узбекъ, осыпавъ его знаками благоволенія, возвратилъ ему достоинство князя тверского.

Ханъ прощаетъ Александра.

Александръ съ восхищеніемъ прибылъ въ свою отечественную столицу, гдѣ братья и народъ встрѣтили его съ такою же искреннею радостію. Тверь, въ 1327 году опустошенная моголами, уже возникла изъ своего пепла трудами и попеченіемъ Константина Михайловича; разсѣянные жители собралися, и церкви, вновь украшенныя ихъ ревностію къ святынѣ, сіяли въ прежнемъ велелѣпіи. Добрый Константинъ, возстановитель сего княженія, охотно сдалъ правленіе старшему брату, коего безразсудная пылкость была виною столь великаго несчастія, и желалъ, чтобы онъ превосходствомъ опытнаго ума своего возвратилъ ихъ отчизнѣ знаменитость и силу, пріобрѣтенныя во дни Михаиловы. Александръ призвалъ супругу и дѣтей

г. 1338.

изъ Пскова, велѣлъ объявить его добрымъ гражданамъ вѣчную благодарность за ихъ любовь и надѣялся жить единственно для счастія подданныхъ. Но судьба готовила ему иную долю.

Благоразумный Іоаннъ, видя, что всѣ бѣдствія Россіи произошли отъ несогласія и слабости князей, съ самаго восшествія на престолъ старался присвоить себѣ верховную власть надъ князьями древнихъ удѣловъ Владимірскихъ, и дѣйствительно въ томъ успѣлъ, особенно по кончинѣ Александра Васильевича Суздальскаго, который, будучи внукомъ старшаго сына Ярославова, имѣлъ законное право на достоинство великокняжеское, и хотя уступилъ оное Іоанну, однакожъ, господствуя въ своей частной области, управлялъ и Владиміромъ: такъ говоритъ одинъ лѣтописецъ, сказывая, что сей князь перевезъ было оттуда и древній вѣчевой колоколъ Успенской соборной церкви въ Суздаль, но возвратилъ оный, устрашенный его глухимъ звукомъ. Когда-жъ Александръ (въ 1333 году) преставился бездѣтнымъ, Іоаннъ не далъ Владиміра его меньшему брату, Константину Васильевичу, и, пользуясь благосклонностію хана, началъ смѣлѣе повелѣвать князьями: выдалъ дочь свою за Василія Давидовича Ярославскаго, другую—за Константина Васильевича Ростовскаго и, дѣйствуя какъ глава Россіи, предписывалъ имъ законы въ собственныхъ ихъ областяхъ. Такъ московскій бояринъ или воевода, именемъ Василій Кочева, уполномоченный Іоанномъ, жилъ въ Ростовѣ и казался истиннымъ государемъ: свергнулъ тамошняго градоначальника, старѣйшаго боярина Аверкія, вмѣшивался въ суды, въ расправу; отнималъ и давалъ имѣніе. Народъ жаловался, говоря, что слава Ростова исчезла, что князья его лишились власти и что Москва тиранствуетъ! Самые владѣтели рязанскіе долженствовали слѣдовать за Іоанномъ въ походахъ; а Тверь, сѣтуя въ развалинахъ и сиротствуя безъ Александра Михайловича, уже не смѣла помышлять о независимости. Но обстоятельства перемѣнились, какъ скоро сей князь возвратился, бодрый, дѣятельный, честолюбивый. Бывъ нѣкогда самъ на престолѣ великокняжескомъ, могъ ли онъ спокойно видѣть на ономъ врага своего? могъ ли не думать о мести, снова увѣренный въ милости ханской? Владѣтели удѣльные хотя и повиновались Іоанну, но съ неудовольствіемъ, и рады были взять сторону Тверскаго князя, чтобы ослабить страшное для нихъ могущество перваго: такъ и поступилъ Василій Ярославскій, начавъ изъявлять недоброжелательство тестю и заключивъ союзъ съ Александромъ. Боясь утратить первенство и лестное для властолюбія, и нужное для спокойствія государства, Іоаннъ рѣшился низвергнуть опаснаго совмѣстника.

Іоаннъ повелѣваетъ князьями.

Въ сіе время многіе бояре тверскіе, недовольные своимъ государемъ, переѣхали въ Москву съ семействами и слугами: что

было тогда не безчестною измѣною, но дѣломъ весьма обыкновеннымъ. Произвольно вступая въ службу князя великаго или удѣльнаго, бояринъ всегда могъ оставить оную, возвративъ ему земли и села, отъ него полученныя. Вѣроятно, что Александръ, бывъ долгое время внѣ отчизны, возвратился туда съ новыми любимцами, коимъ старые вельможи завидовали: напримѣръ, мы знаемъ, что къ нему выѣхалъ изъ Курляндіи во Псковъ какой-то знаменитый нѣмецъ, именемъ Доль, и сдѣлался первостепеннымъ чиновникомъ двора его. Сіе могло быть достаточнымъ побужденіемъ для тверскихъ бояръ искать службы въ Москвѣ, гдѣ они, безъ сомнѣнія, не старались успокоить великаго князя въ разсужденіи мнимыхъ или дѣйствительныхъ замысловъ несчастнаго Александра Михайловича.

Іоаннъ не хотѣлъ прибѣгнуть къ оружію, ибо имѣлъ иное безопаснѣйшее средство погубить Тверского князя; отправивъ юнаго сына, Андрея, къ новогородцамъ, чтобы прекратить раздоръ съ ними, онъ спѣшилъ въ орду и взялъ съ собою двухъ старшихъ сыновей, Симеона и Іоанна; представилъ ихъ величавому Узбеку какъ будущихъ надежныхъ, ревностныхъ слугъ его рода; искуснымъ образомъ льстилъ ему, сыпалъ дары и, совершенно овладѣвъ довѣренностію хана, могъ уже смѣло приступить къ главному дѣлу, то есть, къ очерненію Тверского князя. Нѣтъ сомнѣнія, что Іоаннъ описалъ его закоснѣлымъ врагомъ моголовъ, готовымъ возмутить противъ нихъ всю Россію и новыми непріятельскими дѣйствіями изумить легковѣрное милосердіе Узбеково. Царь, устрашенный опасностію, послалъ звать въ орду Александра, Василія Ярославскаго и другихъ князей удѣльныхъ, коварно обѣщая каждому изъ нихъ, и въ особенности первому, отмѣнные знаки милости. Іоаннъ же, чтобы отвести отъ себя подозрѣніе, немедленно возвратился въ Москву ожидать слѣдствій.

Г. 1339.

Хотя посолъ татарскій всячески увѣрялъ Александра въ благосклонномъ къ нему расположеніи Узбековомъ, однакожъ сей князь, опасаясь злыхъ внушеній Іоанновыхъ въ ордѣ, послалъ туда напередъ сына своего, Ѳеодора, чтобы узнать мысли хана; но, получивъ вторичный зовъ, долженъ былъ немедленно повиноваться. Мать, братья, вельможи, граждане трепетали, воспоминая участь Михаилову и Димитріеву. Казалось, что самая природа остерегала несчастнаго князя: въ то время, какъ онъ сѣлъ въ ладію, зашумѣлъ противный вѣтеръ и гребцы едва могли одолѣть стремленіе волнъ, которыя несли оную назадъ къ берегу. Сей случай казался народу бѣдственнымъ предзнаменованіемъ. Василій Михайловичъ проводилъ брата на нѣсколько верстъ отъ города, а Константинъ лежалъ тогда въ тяжкой болѣзни: чувствительный Александръ всего

Несчастіе Александра.

болѣе жалѣлъ о томъ, что не могъ дождаться его выздоровленія.—Вмѣстѣ съ Тверскимъ княземъ поѣхали въ орду Романъ Михайловичъ Бѣлозерскій и двоюродный его братъ, Василій Давыдовичъ Ярославскій. Ненавидя послѣдняго и зная, что онъ будетъ защищать Александра передъ ханомъ, великій князь тайно отправилъ 500 воиновъ схватить его на пути; но Василій отразилъ ихъ и ѣхалъ въ орду съ намѣреніемъ жаловаться Узбеку на Іоанна, своего тестя.

Юный Ѳеодоръ Александровичъ, встрѣтивъ родителя въ улусахъ, со слезами извѣстилъ его о гнѣвѣ хана. »Да будетъ воля Божія!»—сказалъ Александръ, и понесъ богатые дары Узбеку и всему его двору. Ихъ приняли съ мрачнымъ безмолвіемъ. Прошелъ мѣсяцъ: Александръ молился Богу и ждалъ суда. Нѣкоторые вельможи татарскіе и царица вступались за сего князя; но прибытіе въ орду сыновей Іоанновыхъ рѣшило дѣло: Узбекъ, подвигнутый ими или друзьями хитраго ихъ отца, безъ всякихъ изслѣдованій объявилъ, что мятежный, неблагодарный князь Тверскій долженъ умереть. Еще Александръ надѣялся: ждалъ вѣстей отъ царицы, и, сѣвъ на коня, спѣшилъ видѣть своихъ доброжелателей; узнавъ же, что казнь его неминуема, возвратился домой, вмѣстѣ съ сыномъ причастился Святыхъ Таинъ, обнялъ вѣрныхъ слугъ и бодро вышелъ на встрѣчу къ убійцамъ, которые, отрубивъ голову ему и юному Ѳеодору,
Октября 28. розняли ихъ по составамъ! Сіи истерзанные остатки несчастныхъ князей были привезены въ Россію, отпѣты въ Владимірѣ митрополитомъ Ѳеогностомъ и преданы землѣ въ Тверской соборной церкви, подлѣ Михаила и Димитрія: четыре жертвы Узбекова тиранства, оплаканныя современниками и отмщенныя потомствомъ! Никто изъ хановъ не умертвилъ столько россійскихъ владѣтелей, какъ сей: въ 1330 году онъ казнилъ еще князя Стародубскаго, Ѳеодора Михайловича, думая, что сіи страшныя дѣйствія гнѣва царскаго утвердятъ господство моголовъ надъ Россіею. Оказалось слѣдствіе противное и не ханъ, но великій князь воспользовался бѣдственною кончиною Александра, присвоивъ себѣ верховную власть надъ Тверскимъ княженіемъ: ибо Константинъ и Василій Михайловичи уже не дерзали ни въ чемъ ослушаться Іоанна, и какъ бы въ знакъ своей зависимости должны были отослать въ Москву вещь по тогдашнему времени важную: соборный колоколъ отмѣнной величины, коимъ славились тверитяне. Узбекъ не зналъ, что слабость нашего отечества происходила отъ раздѣленія силъ онаго, и что, способствуя единовластію князя Московскаго, онъ готовитъ свободу Россіи и паденіе царства Капчакскаго.

Новогородцы, столь безжалостно отвергнувъ Александра въ несчастіи и способствовавъ его изгнанію, тужили о погибели

сего князя: ибо предвидѣли, что Іоаннъ, не имѣя опаснаго соперника, будетъ менѣе уважать ихъ вольность. Между тѣмъ они старались обезпечить себя со стороны внѣшнихъ непріятелей. Миръ, въ 1323 году заключенный со шведами, продолжался около пятнадцати лѣтъ. Король Магнусъ, владѣя тогда Норвегіею, распространилъ его и на сію землю, нерѣдко тревожимую новогородцами, которые издавна господствовали въ восточной Лапландіи. Такъ они, по лѣтописямъ норвежскимъ, въ 1316 и 1323 году опустошили предѣлы Дронтгеймской области, и папа Іоаннъ XXII уступилъ Магнусу часть церковныхъ доходовъ, чтобы онъ могъ взять дѣйствительнѣйшія мѣры для защиты своихъ границъ сѣверныхъ отъ россіянъ. Вельможа сего короля, именемъ Гаквинъ, въ 1326 году, іюня 3, подписалъ въ Новѣгородѣ особенный мирный договоръ, по коему россіяне и норвежцы на десять лѣтъ обѣщались не безпокоить другъ друга набѣгами, возстановить древній рубежъ между обоюдными владѣніями, забыть прежнія обиды и взаимно покровительствовать людей торговыхъ. Но въ 1337 году шведы нарушили миръ: дали убѣжище въ Выборгѣ мятежнымъ россійскимъ кореламъ; помогли имъ умертвить купцовъ ладожскихъ, новогородскихъ и многихъ христіанъ греческой вѣры, бывшихъ въ Кореліи; грабили на берегахъ Онежскихъ, сожгли предмѣстіе Ладоги и хотѣли взять Копорье. Въ сей опасности новогородцы увидѣли худое къ нимъ усердіе Нариманта и безполезность оказанной ему чести, еще и прежде (въ 1335 году)—не смотря на его княженіе въ ихъ области и народственный союзъ Іоанновъ съ Гедиминомъ — шайки литовскихъ разбойниковъ злодѣйствовали въ предѣлахъ Торжка: за что великій князь приказалъ своимъ воеводамъ сжечь въ сосѣдственной Литвѣ нѣсколько городовъ: Рясну, Осѣченъ и другіе, принадлежавшіе нѣкогда къ Полоцкому княженію. Хотя сіи непріятельскія дѣйствія тѣмъ и кончились, однакожъ доказывали, что дружба Гедимина съ россіянами была только мнимая. Когда же новогородцы, встревоженные нечаянною ратію шведскою, потребовали Наримланта (бывшаго тогда въ Литвѣ) предводительствовать ихъ войскомъ, онъ не хотѣлъ ѣхать къ нимъ и даже вывелъ сына своего, именемъ Александра, изъ Орѣхова, оставивъ тамъ одного намѣстника. Но шведы имѣли болѣе дерзости, нежели силы: гордо отвергнувъ благоразумныя предложенія новогородскаго посадника Ѳеодора, ушли отъ Копорья и не могли защитить самыхъ окрестностей Выборга, гдѣ россіяне истребили все огнемъ и мечемъ. Скоро начальникъ сей крѣпости далъ знать новогородцамъ, что предмѣстникъ его самъ собою началъ войну, и что король желаетъ мира. Написали договоръ, согласный съ орѣховскимъ и

Миръ съ Норвегіею.

Непріязнь шведовъ.

Разбои въ Ливоніи.

чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ клятвенно утвержденный въ Лундѣ, гдѣ послы россійскіе нашли Магнуса. Они требовали еще, чтобы шведы выдали имъ всѣхъ бѣглыхъ кореловъ; но Магнусъ не согласился, отвѣтствуя, что сіи люди уже приняли вѣру латинскую, и что ихъ число весьма не велико. «Корелы», — сказалъ онъ,—«бываютъ обыкновенно виною раздоровъ между нами; и такъ возьмемъ строгія мѣры для отвращенія сего зла: впредь казните безъ милости нашихъ бѣглецовъ; а мы будемъ казнить вашихъ, чтобы они своими злобными навѣтами не мѣшали намъ жить въ согласіи».

Ссора Іоаннова съ Новымгородомъ.

Окончивъ дѣло съ шведами, новогородцы отправили обыкновенную ханскую дань къ Іоанну; но великій князь, не довольный ею, требовалъ съ нихъ еще вдвое болѣе серебра, будто бы для Узбека. Они ссылались на договорныя грамоты и на древнія Ярославовы, по коимъ отечество ихъ было свободно отъ всякихъ чрезвычайныхъ налоговъ княжескихъ. «Чего не бывало отъ начала міра, того и не будетъ»,—отвѣтствовалъ народъ посламъ московскимъ: «Князь, цѣловавъ святый крестъ въ соблюденіи нашихъ уставовъ, долженъ исполнить клятву». Прошло нѣсколько времени: великій князь ждалъ вѣстей изъ орды. Когда же ханъ отпустилъ его сыновей съ честію, и всѣхъ другихъ князей съ грознымъ повелѣніемъ слушаться московскаго: тогда Іоаннъ объявилъ гнѣвъ Новугороду и вывелъ оттуда своихъ намѣстниковъ, думая, подобно Андрею Боголюбскому, что время унизить гордость сего величаваго народа и рѣшить вѣчную прю его вольности со властію княжескою. Къ счастію новогородцевъ, онъ долженъ былъ обратить силы свои къ иной цѣли.

Хотя мы не видимъ по лѣтописямъ, чтобы князья Смоленскіе когда нибудь ѣздили въ орду и платили ей дань: но сему причиною то, что повѣствователи нашихъ государственныхъ дѣяній, живъ въ другихъ областяхъ, вообще рѣдко упоминаютъ о Смоленскѣ и его происшествіяхъ. Возможно ли, чтобы княженіе столь малосильное, одно въ Россіи спаслося отъ ига, когда и Новгородъ, еще отдаленнѣйшій, долженствовалъ повиноваться царю капчакскому? Въ Смоленскѣ господствовалъ тогда Іоаннъ Александровичъ, внукъ Глѣбовъ, съ коимъ Димитрій, князь Брянскій, въ 1334 году имѣлъ войну. Татары помогали Димитрію: однакожъ ни въ чемъ не успѣли, и князья, проливъ много крови, заключили миръ. Вѣроятно, что ханъ не участвовалъ въ предпріятіи Димитрія, и что сему послѣднему служила за деньги одна вольница татарская; но Іоаннъ Александровичъ ободрился счастливымъ опытомъ своего мужества и, вступивъ въ союзъ съ Гедиминомъ, захотѣлъ, кажется, совершенной независимости. По крайней мѣрѣ Узбекъ объявилъ его мятежникомъ, от-

рядилъ въ Россію могольскаго воеводу, именемъ Товлубія, и далъ повелѣніе всѣмъ нашимъ князьямъ идти на Смоленскъ. Владѣтель рязанскій, Коротополъ, выступилъ съ одной стороны, а съ другой сильная рать великокняжеская. Подъ знаменами московскими шли Константинъ Васильевичъ Суздальскій, Константинъ Ростовскій, Іоаннъ Ярославичъ Юрьевскій, князь Іоаннъ Друцкій, выѣхавшій изъ Витебской области, и Θеодоръ Θоминскій, князь Смоленскаго удѣла. Не имѣя особенной склонности къ воинскимъ дѣйствіямъ, Іоаннъ Даніиловичъ остался въ столицѣ и ввѣрилъ начальство двумъ своимъ воеводамъ. Казалось, что соединенные полки моголовъ и князей россійскихъ должны были однимъ ударомъ сокрушить державу Смоленскую; но, подступивъ къ городу, они только взглянули на стѣны и, не сдѣлавъ ничего, удалились! Вѣроятно, что россіяне не имѣли большаго усердія истреблять своихъ братьевъ и что воевода Узбековъ, смягченный дарами смолянъ, взялся умилостивить хана.

Г. 1340. Походъ въ Смоленску.

Симъ заключилось достопамятное правленіе Іоанна Даніиловича: остановленный въ важныхъ его намѣреніяхъ внезапнымъ недугомъ, онъ промѣнялъ княжескую одежду на мантію схимника и кончилъ жизнь въ лѣтахъ зрѣлаго мужества, указавъ наслѣдникамъ путь къ единовластію и къ величію. Но, справедливо хваля Іоанна за сіе государственное благодѣяніе, простимъ ли ему смерть Александра Тверскаго, хотя она и могла утвердить власть великокняжескую? Правила нравственности и добродѣтели святѣе всѣхъ иныхъ, и служатъ основаніемъ истинной политики. Судъ исторіи, единственный для государей — кромѣ суда Небеснаго—не извиняетъ и самаго счастливаго злодѣйства: ибо отъ человѣка зависитъ только дѣло, а слѣдствіе отъ Бога.

Марта 31. Кончина и достоинства Іоанновы.

Не смотря на коварство, употребленное Іоанномъ къ погибели опаснаго совмѣстника, москвитяне славили его благость и, прощаясь съ нимъ во гробѣ, орошаемомъ слезами народными, единогласно дали ему имя собрателя земли русской и государя-отца: ибо сей князь не любилъ проливать крови ихъ въ войнахъ безполезныхъ, освободилъ великое княженіе отъ грабителей внѣшнихъ и внутреннихъ, возстановилъ безопасность собственности и личную, строго казнилъ татей и былъ вообще правосуденъ. Жители другихъ областей россійскихъ, отъ него независимыхъ, завидовали устройству, тишинѣ Іоанновыхъ, будучи волнуемы злодѣйствами малодушныхъ князей или гражданъ своевольныхъ: такъ въ Козельскѣ одинъ изъ потомковъ Михаила Черниговскаго, князь Василій Пантелеймоновичъ, умертвилъ дядю родного, Андрея Мстиславича; такъ, владѣтель рязанскій, Коротополъ, возвращаясь изъ орды передъ смоленскимъ походомъ,

схватилъ на дорогѣ родственника своего, Александра Михайловича Пронскаго, ѣхавшаго къ хану съ данію, ограбилъ его и лишилъ жизни въ нынѣшней Рязани; такъ, брянцы, вслѣдствіе мятежнаго вѣча, умертвили (въ 1340 году) князя Глѣба Святославича въ самый великій для россіянъ праздникъ, въ день св. Николая, не смотря на всѣ благоразумныя убѣжденія бывшаго тамъ митрополита Ѳеогноста.

Отмѣнная набожность, усердіе къ строенію храмовъ и милосердіе къ нищимъ не менѣе иныхъ добродѣтелей помогли Іоанну въ снисканіи любви общей. Онъ всегда носилъ съ собою мѣшокъ или калиту, наполненную деньгами для бѣдныхъ: отчего и прозванъ Калитою.

Прозваніе Калиты.

Кромѣ собора Успенскаго, имъ построены еще каменный Архангельскій (гдѣ стояла его гробница и гдѣ съ того времени погребали всѣхъ князей московскихъ), церковь Іоанна Лѣствичника (на площади Кремлевской) и св. Преображенія, древнѣйшая изъ существующихъ нынѣ и бывшая тогда архимандритіею, которую основалъ еще отецъ Іоанновъ на берегу Москвы-рѣки при созданной имъ деревянной церкви св. Даніила: Іоаннъ же перевелъ сію обитель къ своему дворцу, любилъ болѣе всѣхъ иныхъ, обогатилъ доходами; кормилъ, одѣвалъ тамъ нищихъ, и въ ней постригся предъ кончиною.—Украшая столицу каменными храмами, онъ окружилъ ее (1339 году) дубовыми стѣнами и возобновилъ сгорѣвшій въ его время Кремникъ, или Кремль, бывшій внутреннею крѣпостію или, по старинному именованію, Дѣтинцемъ. Въ княженіе Іоанна два раза горѣла Москва; были и другія несчастія: ужасное наводненіе отъ сильнаго дождя и голодъ, названный въ лѣтописяхъ рускою рожью. Но подданные, благотворенные дѣятельнымъ, отеческимъ правленіемъ Калиты, не смѣли жаловаться на бѣдствія случайныя и славили его счастливое время.

Кремникъ.

Тишина Іоаннова княженія способствовала обогащенію Россіи сѣверной. Новгородъ, союзникъ Ганзы, отправлялъ въ Москву и другія области работу нѣмецкихъ фабрикъ. Востокъ, Греція, Италія (чрезъ Кафу и нынѣшній Азовъ) присылали намъ свои товары. Уже купцы не боялись въ окрестностяхъ Владиміра или Ярославля встрѣтиться съ шайками татарскихъ разбойниковъ: милостивыя грамоты Узбековы, данныя великому князю, служили щитомъ для путешественниковъ и жителей. Открылись новые способы мѣны, новыя торжища въ Россіи: такъ въ Ярославской области, на устьѣ Мологи, гдѣ существовалъ Холопій городокъ, съѣзжались купцы нѣмецкіе, греческіе, итальянскіе, персидскіе, и казна въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ собирала множество пошлиннаго серебра, какъ увѣряетъ одинъ писатель XVII вѣка: безчислен-

Торгъ на Мологѣ.

ныя суда покрывали Волгу, а шатры прекрасный, необозримый лугъ Моложскій, и народъ веселился въ семидесяти питейныхъ домахъ. Сія ярмонка слыла первою въ Россіи до самаго XVI столѣтія.

Добрая слава Калиты привлекла къ нему людей знаменитыхъ: изъ орды выѣхалъ въ Москву татарскій мурза Четъ, названный въ крещеніи Захаріею, отъ коего произошелъ царь Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ; а изъ Кіева вельможа Родіонъ Несторовичъ, предокъ Квашниныхъ, который былъ вызванъ Іоанномъ еще во время Михаила Тверскаго и привелъ съ собою 1,700 отроковъ или дѣтей боярскихъ. Лѣтописецъ разсказываетъ, что сей Родіонъ, возведенный Московскимъ княземъ на первую степень боярства, возбудилъ зависть во всѣхъ другихъ вельможахъ; что одинъ изъ нихъ, Акинѳъ Гавриловичъ, не хотѣвъ уступить ему старшинства, бѣжалъ къ Михаилу Тверскому, съ сыновьями своими, оставивъ въ челяднѣ, или въ людской избѣ, новорожденнаго внука Михаила, прозваннаго Челяднею; что усердный Родіонъ спасъ Іоанна Даніиловича въ битвѣ съ тверитянами подъ городомъ Переславлемъ, въ 1304 году, зашедши имъ въ тылъ и собственною рукою отрубивъ голову Акинѳу, привезъ оную на копьѣ къ князю; что Іоаннъ наградилъ его половиною Волока, а Родіонъ отнялъ другую у новогородцевъ, выгнавъ ихъ намѣстника, и получилъ за то отъ великаго князя еще иную волость въ окрестностяхъ рѣки Восходни. Сіи обстоятельства прописаны также въ челобитной Квашнина, поданной царю Іоанну Васильевичу на Бутурлиныхъ, потомковъ боярина Акинѳа, во время несчастныхъ споровъ о боярскомъ старѣйшинствѣ.

Мурза Четъ.

Древняя русская пословица: близъ царя, близъ смерти, родилась, думаю, тогда, какъ наше отечество носило цѣпи моголовъ. Князья ѣздили въ орду какъ на страшный судъ: счастливъ, кто могъ возвратиться съ милостію царскою или, по крайней мѣрѣ, съ головою! Такъ Іоаннъ Даніиловичъ, въ началѣ своего великокняженія отправляясь къ Узбеку, написалъ завѣщаніе и распорядилъ наслѣдіе между тремя сыновьями и супругою, именемъ Еленою, которая преставилась монахинею въ 1332 году. Сія древнѣйшая изъ подлинныхъ духовныхъ грамотъ княжескихъ, намъ извѣстныхъ, свидѣтельствуетъ какіе города принадлежали тогда къ Московской области, и какъ велико было достояніе князей. Послѣ обыкновенныхъ словъ: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа», Іоаннъ говоритъ: «Не зная, что Всевышній готовитъ мнѣ въ ордѣ, куда ѣду, оставляю сію душевную грамоту, написанную мною добровольно, въ цѣломъ умѣ и совершенномъ здравіи. Приказываю, въ случаѣ смерти, сыновьямъ моимъ городъ

Завѣщаніе великаго князя.

Москву: отдаю Симеону Можайскъ, Коломну съ волостями, Ивану Звенигородъ и Рузу; Андрею Лопастну, Серпуховъ, Перемышль; княгинѣ моей съ меньшими дѣтьми села, бывшія въ ея владѣніи» (слѣдуютъ имена ихъ)... «также оброкъ городскихъ волостей; а купеческія пошлины, въ оныхъ собираемыя, остаются доходомъ нашихъ сыновей. Ежели татары отнимутъ волость или село у кого изъ васъ, любезныя дѣти, то вы обязаны снова уравнять свои части или удѣлы. Люди численые—то есть вольные, окладные, платившіе дань государственную—«должны быть подъ общимъ вашимъ вѣдѣніемъ, а въ раздѣлъ идутъ единственно купленные мною. Еще при жизни далъ я сыну Симеону изъ золота четыре цѣпи, три пояса, двѣ чаши, блюдо съ жемчугомъ, и два ковша, а серебромъ три блюда; Ивану изъ золота четыре цѣпи, два пояса съ жемчугомъ и съ каменьями, третій сердоликовый, два ковша, двѣ круглыя чаши, а серебромъ три блюда; Андрею изъ золота четыре цѣпи, поясъ фряжскій жемчужный, другой съ крюкомъ на червленомъ шелку, третій ханскій, два ковша, двѣ чарки, а серебромъ три блюда. Золото княгинино отдалъ я дочери Фетиньѣ: четырнадцать колецъ, новый сдѣланный мною складень, ожерелье матери ея, чело и гривну; а мое собственное золото и коробочку золотую отказываю княгинѣ своей съ меньшими дѣтьми. Изъ одеждъ моихъ назначаю Симеону шубу червленую съ жемчугомъ и шапку золотую, Ивану желтую объяринную шубу съ жемчугомъ и мантію съ бармами, Андрею шубу соболью съ наплечками низанными жемчугомъ и портище алое съ нашитыми бармами, а двѣ новыя шубы, низанныя жемчугомъ, меньшимъ дѣтямъ, Марьѣ и Өедосьѣ. Серебряные поясы и другія одежды мои раздать священникамъ, а 100 рублей, оставленныхъ мною у казначея, по церквамъ. Большое серебряное блюдо о четырехъ кольцахъ отослать въ храмъ Владимірской Богоматери. Прочее серебро и княжескія стада—кромѣ двухъ, отданныхъ мною Симеону и Ивану—раздѣлить моей супругѣ и дѣтямъ. Тебѣ, Симеонъ, какъ старшему, приказываю меньшихъ братьевъ и княгиню съ дочерями: будь имъ по Богѣ главнымъ защитникомъ.—Грамоту писалъ дьякъ великокняжескій Кострома, при духовныхъ отцахъ моихъ, священникахъ Ефремѣ, Өеодосіи и Давидѣ; кто нарушитъ оную, тому Богъ судія».—Къ грамотѣ привѣшены двѣ печати: одна серебряная вызолоченная съ изображеніемъ Спасителя и св. Іоанна Предтечи, и съ надписью: печать великаго князя Ивана; а другая свинцовая.—Въ семъ завѣщаніи не сказано ни слова о Владимірѣ, Костромѣ, Переславлѣ и другихъ городахъ, бывшихъ достояніемъ великокняжескаго сана: Іоаннъ, располагая только своею отчиною, не могъ ихъ отказать сыновьямъ, ибо назначеніе его преемника зависѣло отъ хана.

Исчисляя свои села, великій князь упоминаетъ о купленныхъ или вымѣненныхъ имъ въ Новѣгородѣ, Владимірѣ, Костромѣ и Ростовѣ: такимъ образомъ онъ старался пріобрѣтать наслѣдственную собственность и внѣ Московской области, къ неудовольствію другихъ князей и вопреки условію, заключенному съ новогородцами. Но еще несравненно важнѣйшимъ пріобрѣтеніемъ были города Угличъ, Бѣлозерскъ и Галичъ, купленные Іоанномъ Даніиловичемъ: первые два у потомковъ Константина I, а третій у наслѣдниковъ Константина Ярославича Галицкаго, какъ сказано въ одной изъ грамотъ Димитрія Донскаго: чему надлежало случиться незадолго до преставленія Калиты. Однакожъ сіи удѣлы до временъ Донскаго считались Великокняжескими, а не Московскими: потому не упоминается объ нихъ въ завѣщаніяхъ сыновей Калитиныхъ.

Ярославская грамота.

Мы имѣемъ еще иную достопамятную грамоту временъ Іоанновыхъ, данную Василіемъ Давидовичемъ Ярославскимъ архимандриту Спасской обители. Сей князь пишетъ, что онъ, слѣдуя примѣру дѣда Θеодора Чернаго, опредѣляетъ жалованье монастырскимъ людямъ, въ годъ по два рубля; освобождаетъ ихъ отъ всѣхъ налоговъ, также отъ яма или подводъ, отъ постоя и стражи; далѣе говоритъ: «Судіи мои, намѣстники и тіуны, да не шлютъ дворянъ своихъ за людьми св. Спаса безъ вѣдома игумена, который одинъ судитъ ихъ, или вмѣстѣ съ моимъ судіею, буде истецъ или отвѣтчикъ не есть человѣкъ монастырскій; въ послѣднемъ случаѣ часть денежной пени, налагаемой на виновнаго, идетъ въ казну св. Спаса, а другая въ княжескую. Жители иныхъ областей, перезванные игуменомъ въ его вѣдомство, считаются людьми монастырскими; но работники ихъ, приписанные къ моимъ селеніямъ, остаются подъ судомъ княжескимъ. Черноризцы и крылошане спасскіе, торгуя въ пользу святой обители, увольняются отъ пошлинъ: что однакожъ не уничтожаетъ древняго устава о перевозахъ и бобровыхъ рѣкахъ». Сія харатейная грамота скрѣплена черною восковою печатію и свидѣтельствуетъ, какими гражданскими выгодами пользовались монастыри въ Россіи, согласно съ уваженіемъ нашихъ добрыхъ предковъ къ иноческому сану и въ противность намѣренію, съ коимъ были учреждены первыя христіанскія обители, основанныя единственно для трудовъ душеспасительныхъ и чуждыя міру.

Судьба Галича.

Наконецъ, описавъ княженіе Іоанново, должны мы въ послѣдній разъ упомянуть о Галиціи какъ о россійской области. Внукъ Юрія Львовича, князь Георгій, скончался около 1336 года, не оставивъ дѣтей, и ханъ прислалъ своихъ намѣстниковъ въ Галицію; но жители, по сказанію одного современнаго историка, тайно умертвили ихъ, и съ дозволенія

ханскаго поддался Болеславу, сыну Тройдена, князя Мазовскаго, и Маріи, сестры Георгіевой, зятю Гедиминову, обязавъ его клятвою не отмѣнять ихъ уставовъ, не касаться сокровищъ государственныхъ или церковныхъ, и во всѣхъ дѣлахъ важныхъ требовать согласія народнаго или боярскаго: безъ чего городъ Львовъ— гдѣ находилось сильное войско, составленное отчасти изъ моголовъ, армянъ, и другихъ иностранцевъ — не хотѣлъ покориться сему князю. Но Болеславъ не сдержалъ слова. Воспитанный въ греческомъ исповѣданіи, онъ въ угодность папѣ и королю польскому, своему родственнику, сдѣлался католикомъ: ибо вѣра нашего отечества, утѣсненнаго, растерзаннаго, казалась ему уже несогласною съ мірскими выгодами. Сего мало: измѣнивъ православію, Болеславъ хотѣлъ обратить и подданыхъ въ латинскую вѣру; сверхъ того угнеталъ ихъ налогами, окружилъ себя нѣмцами, ляхами, богемцами и, слѣдуя прихотямъ гнуснаго сластолюбія, отнималъ женъ у супруговъ, дочерей у родителей. Такія злодѣянія возмутили народъ, и Болеславъ умеръ скоропостижно, отравленный столь жестокимъ ядомъ, какъ увѣряютъ лѣтописцы, что тѣло его распалось на части. Казиміръ, своякъ Болеславовъ, умѣлъ воспользоваться симъ случаемъ и (въ 1340 году) завладѣлъ Галиціею, обѣщавъ жителямъ не тѣснить ихъ вѣры. Львовъ, Перемышль, Галичъ, Любачевъ, Санокъ, Теребовль, Кременецъ присягнули ему какъ законному государю, и сокровища древнихъ князей Галицкихъ—богатыя одежды, сѣдла, сосуды, два креста золотые съ частію Животворящаго Древа и двѣ короны, осыпанные алмазами — были отвезены изо Львова въ Краковъ. Довольный симъ успѣхомъ, король ограничилъ на время свое властолюбіе, и заключивъ мирный договоръ съ Литвою, уступилъ Кестутію, сыну Гедиминову, Брестъ, а Любарту, женатому на княжнѣ владимірской, Холмъ, Луцкъ и Владиміръ, какъ бы законное наслѣдство его супруги. Такъ рушилось совершенно знаменитое княженіе или королевство Даніилово, и древнее достояніе Россіи, пріобрѣтенное оружіемъ св. Владиміра, долго называемое городами Червенскими, а послѣ Галичемъ, было раздѣлено между иноплеменниками.

ГЛАВА XI.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ СИМЕОНЪ ІОАННОВИЧЪ, ПРОЗВАНІЕМЪ ГОРДЫЙ.

Г. 1340—1353.

Корыстолюбіе моголовъ.—Твердость Симеона Гордаго.—Свойства Ольгердовы.—Сношенія папы съ ордою.—Убіеніе Коротопола.—Дѣла псковскія и новогородскія.—Постыдное дѣло новогородцевъ.—Война съ Магнусомъ.—Псковъ, братъ Новагорода. — Хитрость Ольгердова.—Браки.—Раздѣлъ западной Россіи.—Ссора псковитянъ съ Литвою.—Ольгердъ миротворецъ.—Черная смерть.—Земный рай.—Бѣлый клобукъ. — Кончина Симеона. — Великій князь всея Руси.—Привидѣніе.—Завѣщаніе.—Св. Алексій.—Ссоры удѣльныхъ князей.—Обновленіе Мурома.—Начало Троицкой Лавры.—Художества въ Россіи.

Смерть Іоаннова была важнымъ происшествіемъ для князей россійскихъ: они спѣшили къ хану. Два Константина, Тверскій и Суздальскій, могли искать великаго княженія: другіе желали имъ успѣха, боясь исключительнаго первенства московскихъ владѣтелей. Но Симеонъ Іоанновичъ (во время кончины родителя бывъ въ Нижнемъ Новѣгородѣ) также поѣхалъ съ братьями въ орду; представилъ Узбеку долговременную вѣрность отца своего, обѣщалъ заслужить милость царскую, и былъ объявленъ великимъ княземъ: прочіе долженствовали ему повиноваться какъ главѣ или старѣйшему. Безъ сомнѣнія не краснорѣчіе юнаго Симеона и не дружба ханова къ его родителю произвела сіе дѣйствіе, но другая сильнѣйшая для варваровъ причина: корысть и подкупъ. Моголы, нѣкогда ужасные своею дикостію въ снѣжныхъ степяхъ Татаріи, измѣнились характеромъ на берегахъ Чернаго моря, Дона и Волги, узнавъ пріятности роскоши, доставляемыя имъ торговлею образованной Европы и Азіи; уже менѣе любили опасности битвъ и тѣмъ болѣе удовольствіе нѣги, соединенной съ грубою пышностію: обольщались золотомъ какъ главнымъ средствомъ наслажденія. Любимцы прежнихъ хановъ искали завоеваній: любимцы Узбековы требовали взятокъ и продавали его милости; а князья Московскіе, умноживъ свои доходы пріобрѣтеніемъ новыхъ областей и новыми торговыми сборами, находили ревностныхъ друзей въ ордѣ, ибо могли удовлетворять алчному корыстолюбію ея вельможъ и, называясь смиреннымъ именемъ слугъ ханскихъ, сдѣлались могущественными государями.

Г. 1340.

Мая 29.

Корыстолюбіе моголовъ.

Симеонъ, въ бодрой юности достигнувъ великокняжескаго сана, умѣлъ пользоваться властію, не уступалъ въ благоразуміи

отцу и слѣдовалъ его правиламъ: ласкалъ хановъ до уничиженія, но строго повелѣвалъ князьями россійскими и заслужилъ имя Гордаго. Торжественно возсѣвъ на престолъ въ соборномъ храмѣ Владимірскомъ, онъ при гробѣ отца клялся братьямъ жить съ ними въ любви, имѣть всегда однихъ друзей и враговъ; взялъ съ нихъ такую же клятву, и скоро имѣлъ случай доказать твердость своего правленія. Считая себя законнымъ государемъ Новагорода, онъ послалъ намѣстниковъ въ Торжокъ для собранія дани. Недовольные симъ дѣйствіемъ самовластія, тамошніе бояре призвали новогородцевъ, которые, заключивъ намѣстниковъ княжескихъ въ цѣпи, объявили Симеону, что онъ только государь Московскій; что Новгородъ избираетъ князей и не терпитъ насилія. Симеонъ, не споря съ ними о правахъ, готовилъ войско. Новогородцы также вооружились; но чернь требовала мира, а жители Торжка взбунтовались: выгнали отъ себя новогородскихъ чиновниковъ и бояръ своихъ, убивъ одного знатнѣйшаго и разломавъ домы прочихъ; освободили намѣстниковъ Симеоновыхъ, и съ усердными восклицаніями приняли великаго князя, окруженнаго полками московскими, суздальскими, ярославскими и другими. Всѣ удѣльные князья и бояре ихъ составляли его дворъ воинскій. Тутъ же былъ и митрополитъ Ѳеогностъ. Встревоженные новогородцы велѣли областнымъ жителямъ идти въ столицу для ея защиты; послали архіепископа съ боярами въ Торжокъ требовать мира; уступили Симеону всю народную дань, собираемую въ области сего пограничнаго города, или 1,000 рублей серебра, и были довольны тѣмъ, что великій князь, слѣдуя обыкновенію, грамотою обязался наблюдать ихъ древніе уставы.

Твердость Симеона Гордаго. Октября 1.

Согласивъ честь княжескую съ обычаемъ народа вольнаго, Симеонъ распустилъ войско и вдругъ услышалъ, что Ольгердъ, сынъ Гедиминовъ, князь Витебскій, осадилъ Можайскъ, съ намѣреніемъ завоевать его для владѣтеля смоленскаго, союзника Литвы. Великій князь не успѣлъ сразиться съ непріятелемъ: Ольгердъ выжегъ предмѣстіе; но видя крѣпость города и мужество защитниковъ, отступилъ, можетъ быть, и для того, что въ сіе время умеръ славный Гедиминъ, отказавъ каждому изъ семи сыновей особенный удѣлъ. Ольгердъ, вторый сынъ, превосходилъ братьевъ умомъ и славолюбіемъ; велъ жизнь трезвую, дѣятельную; не пилъ ни вина, ни крѣпкаго меду; не терпѣлъ шумныхъ пиршествъ, и когда другіе тратили время въ суетныхъ забавахъ, онъ совѣтовался съ вельможами или съ самимъ собою о способахъ распространить власть свою.

г. 1341.

Свойства Ольгердовы.

Въ тотъ же годъ умеръ и знаменитый ханъ капчакскій Узбекъ, памятный въ нашей исторіи разореніемъ Твери и бѣдстві-

ями Михаилова рода, союзникъ и пріятель папы Венедикта XII, который надѣялся склонить его къ христіанству, и коему онъ дозволялъ утверждать вѣру латинскую въ странахъ черноморскихъ, особенно въ землѣ яссовъ, обращенныхъ монахомъ римскимъ Іоною Валентомъ: жена ханова и сынъ присылали дары Венедикту, и генуэзцы, жители Кафы, ѣздили къ нему въ качествѣ пословъ татарскихъ. Но Узбекъ не думалъ измѣнить Алкорану, терпя христіанъ единственно какъ политикъ благоразумный. Сынъ его, Чанибекъ, подобно отцу ревностный служитель Магометовой вѣры, открылъ себѣ путь къ престолу убіеніемъ двухъ братьевъ, и князья Россійскіе вмѣстѣ съ митрополитомъ долженствовали немедленно ѣхать въ орду, чтобы смиренно пасть предъ окровавленнымъ ея трономъ. Съ честію и милостію отпустивъ Симеона, ханъ долго держалъ митрополита, требуя, чтобы онъ, богатый доходами, серебромъ и золотомъ, ежегодно платилъ церковную дань татарамъ; но Ѳеогностъ ссылался на льготныя грамоты хановъ и Чанибекъ удовольствовался, наконецъ, шестью стами рублей, даромъ единовременнымъ: ибо — что достойно замѣчанія—не дерзнулъ самовольно отмѣнить устава своихъ предковъ; а Ѳеогностъ, за его твердость, былъ прославленъ нашимъ духовенствомъ. Все осталось, какъ было при Узбекѣ; одинъ князь Пронскій, Ярославъ, сынъ убіеннаго Александра, милостію новаго хана распространилъ свое владѣніе. Гнусный убійца, Іоаннъ Коротополъ, лишился престола и жизни. Провождаемый Киндякомъ, вельможею Чанибека, Ярославъ осадилъ Іоанна въ столицѣ: сей злодѣй ночью бѣжалъ, однакожъ не избавился отъ казни; его умертвили чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Къ сожалѣнію, татары, будучи орудіями справедливой мести, не могли дѣйствовать безкорыстно: они хотѣли добычи и плѣнили многихъ жителей Переславля Рязанскаго. Ярославъ княжилъ съ того времени въ Ростиславлѣ (нынѣ селѣ на берегу Оки) и чрезъ два года умеръ; а наслѣдники его—кажется, добровольно—уступили послѣ сіе пріобрѣтеніе сыну Коротопола, Олегу.

Сношенія папы съ ордою.

Г. 1342.

Убіеніе Коротопола.

Въ отсутствіе Симеона псковитяне воевали съ ливонскими нѣмцами, которые убили въ Летгаліи пословъ ихъ. Во Псковѣ начальствовалъ князь Александръ Всеволодовичъ, коего родъ намъ не извѣстенъ: отмстивъ нѣмцамъ разореніемъ селъ въ юго-восточной Ливоніи, онъ уѣхалъ въ Новгородъ, и псковитяне тщетно убѣждали его возвратиться, представляя ему свою опасность; тщетно молили и новогородское правительство дать имъ намѣстника и войско. Такъ говоритъ ихъ собственный лѣтописецъ, прибавляя, что нѣмцы заложили крѣпость Нейгаузенъ въ границахъ Россіи на бе-

Дѣла псковскія и новогородскія.

регу рѣки Пижвы; что псковитяне, взявъ предмѣстіе Ругодива или Нарвы (города основаннаго датчанами въ 1223 году) и слыша о сильныхъ вооруженіяхъ ордена, отправили въ Витебскъ пословъ, которые сказали Ольгерду: «Братья наши, новогородцы, въ злобѣ своей не помогаютъ намъ. Государь! вступись за утѣсненныхъ». Но лѣтописецъ новогородскій обвиняетъ псковитянъ въ вѣроломствѣ: они сами, по его извѣстію, выслали князя Александра Всеволодовича и, встрѣтивъ новогородцевъ, шедшихъ защитить ихъ отъ рыцарей, совѣтовали имъ возвратиться, увѣряя, что опасность миновалась и что нѣмцы строятъ крѣпости на своей землѣ. Сіе было въ началѣ весны: 20 іюля Ольгердъ какъ союзникъ явился во Псковѣ съ дружиною и съ братомъ Кестутіемъ. Они думали идти въ Ливонію; но рыцари, истребивъ ихъ передовый отрядъ, вдругъ осадили Изборскъ и, схвативъ племянника Гедиминова, Любка, изрубили его въ куски. Огорченные смертію сего князя, Ольгердъ и Кестутій отказались дѣйствовать для спасенія осажденныхъ, и жители, не имѣя ни капли воды, долженствовали бы сдаться, еслибы нѣмцы не отступили отъ города, испуганные, какъ вѣроятно, слухомъ о литовской силѣ. Хотя псковитяне не могли быть весьма довольны союзникомъ, однакожъ молили Ольгерда снова принять вѣру христіанскую, имъ отверженную, и княжить въ ихъ области, надѣясь, что въ такомъ случаѣ онъ будетъ уже вѣрнымъ ея защитникомъ. Вмѣсто себя Ольгердъ далъ имъ сына, именемъ Андрея, и позволилъ ему креститься; но какъ сей юный князь, оставивъ у нихъ намѣстника, вслѣдъ за отцомъ уѣхалъ въ Литву, то граждане для своей безопасности старались помириться съ Новымгородомъ и признали верховную власть его надъ ними.

Въ сіе время Новгородъ самъ находился въ обстоятельствахъ неблагопріятныхъ. Пожары истребили большую часть онаго: конецъ Неревскій, Людинъ и Славянскій; не уцѣлѣли ни домъ архіепископа, ни мостъ, ни богатыя церкви: Софійская, Борисоглѣбская и Сорока Мучениковъ. Люди бѣжали изъ домовъ и жили внѣ города, на полѣ, даже въ лодкахъ, непрестанно ожидая новыхъ пожаровъ, такъ что архіепископъ едва успокоилъ ихъ церковными ходами и молебнами. Другого рода несчастіе состояло въ дерзости и междоусобіи гражданъ. Въ началѣ Симеонова княженія толпа ихъ удальцевъ опустошила Устюжну и волости Бѣлозерскія, которыя зависѣли отъ великаго князя. Еще въ 1294 году одинъ изъ знатныхъ бояръ новогородскихъ, построивъ крѣпость близъ границъ эстонскихъ, хотѣлъ тамъ властвовать независимо: оскорбленное правительство велѣло срыть оную и сжечь его село. Сей примѣръ должнаго наказанія не могъ обуздать своевольныхъ: сынъ умершаго посадника Вороломея, именемъ Лука, набралъ шайку бродягъ и, разоривъ множество

деревень въ Заволочьѣ, по Двинѣ и Вагѣ, основалъ для своей безопасности городокъ Орлецъ на рѣкѣ Емцѣ. Его умертвили жители какъ разбойника; но чернь новогородская, преданная ему, думала, что онъ убитъ слугами посадника Өеодора, и требовала мести. Граждане раздѣлились на два вѣча: одно было у св. Софіи за Луку, другое на дворѣ Ярослава за посадника. Архіепископъ и намѣстникъ княжескій едва отвратили кровопролитіе.

Однакожъ новогородцы были готовы стоять всѣми силами за псковитянъ, которые, въ надеждѣ на ихъ дружбу, рѣшились смѣлѣе воевать Ливонію, предводимые какимъ-то княземъ Іоанномъ и Евстафіемъ Изборскимъ. Они пять дней не сходили съ коней, опустошая села вокругъ Оденпе. Магистръ Бурхардъ гнался зъ ними до границы, и съ жаромъ г. 1343. началъ битву, въ коей россіяне, утомленные и гораздо слабѣйшіе числомъ, купили побѣду кровію нѣкоторыхъ лучшихъ бояръ своихъ, а нѣмцы лишились славнѣйшаго изъ ихъ витязей, Іоанна Левенвольда. Между тѣмъ въ Изборскѣ и Псковѣ народъ былъ въ ужасѣ: одинъ священникъ, прибѣжавъ съ мѣста битвы, объявилъ, что нѣмцы умертвили всѣхъ россіянъ, но отправленные гонцы псковскіе нашли рать свою уже подъ стѣнами Изборска, гдѣ князья и воины отдыхали, среди плѣнниковъ и трофеевъ. Орденъ заключилъ миръ съ городомъ Псковомъ, ибо имѣлъ опасныхъ непріятелей внутри собственныхъ владѣній. Историкъ Ливоніи говоритъ, что сія земля могла тогда справедливо назваться «небомъ дворянъ, раемъ духовенства, золотымъ рудникомъ иностранцевъ и адомъ утѣсненныхъ земледѣльцевъ». Въ 1343 году открылось всеобщее возмущеніе въ Эстоніи: народъ умертвилъ множество датчанъ и нѣмцевъ, осадилъ Ревель, взялъ крѣпость Эзельскую. Около двухъ лѣтъ продолжалась война кровопролитная: мечъ и голодъ истребили большую часть бѣдныхъ жителей, и король датскій за 19,000 марокъ серебра уступилъ нѣмецкому ордену всѣ права свои на Эстонію.

Въ Литвѣ сдѣлалась перемѣна. Сынъ Гедиминовъ Евнутій княжилъ въ Вильнѣ, Наримантъ въ Пинскѣ, Кестутій въ Трокахъ. Послѣдній вступилъ въ тѣсный союзъ съ Ольгердомъ; будучи оба властолюбивы, они условились соединить раздробленное отечество и неожидаемо взяли Вильну съ другими г. 1345. городами. Евнутій ушелъ въ Смоленскъ, Наримантъ къ хану татарскому. Ольгердъ же, присвоивъ себѣ господство надъ прочими братьями, сдѣлался владыкою единодержавнымъ. Устроивъ порядокъ внутри государства, сей князь обратилъ глаза на Россію: онъ слышалъ, что новогородцы явно поносятъ честь его; сверхъ того изгнанникъ Евнутій прибѣгнулъ къ великому князю Симеону, крестился въ Москвѣ, названный христіанскимъ именемъ Іоанна, и хвалился дружбою россіянъ. Оль-

гердъ вступилъ въ область Шелонскую: завоевалъ Опоку и берега Луги, взялъ 300 рублей дани съ Порхова и велѣлъ сказать новогородцамъ: «вашъ посадникъ Евстафій осмѣлился всенародно назвать меня псомъ: обида столь наглая требуетъ мести; иду на васъ». Они вооружились, чтобы сразиться съ Литвою. Но посадникъ имѣлъ враговъ между согражданами, утверждавшихъ, что безразсудно лить кровь многихъ за нескромность одного чиновника; что лучше принести его въ жертву отечеству и тѣмъ удовольствовать раздраженнаго Ольгерда. Другіе, уже будучи въ походѣ, согласились съ ними и, возвратясь съ пути, умертвили Евстафія на вѣчѣ. Сіе дѣло, противное народной чести, противное всѣмъ законамъ, есть одно изъ постыднѣйшихъ въ исторіи новогородской, буде лѣтописцы не скрыли нѣкоторыхъ обстоятельствъ, уменьшающихъ его гнусность. Ольгердъ былъ доволенъ уничиженіемъ гордѣйшаго изъ народовъ россійскихъ и согласился на миръ, чтобы воевать съ Нѣмецкимъ орденомъ, коего великій магистръ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ одержалъ надъ Литвою блестящую побѣду, горестную для Витебска, Полоцка и Смоленска: ибо жители сихъ городовъ сражались подъ знаменами Ольгерда.

г. 1346.

Постыдное дѣло новогородцевъ.

г. 1347.

Гораздо лучше и великодушнѣе поступили Новогородцы въ дѣлахъ съ Швеціею. Король Магнусъ, легкомысленный, надменный, вздумалъ загладить грѣхи своего нескромнаго сластолюбія, услужить папѣ и прославиться подвигомъ благочестивымъ, собралъ въ Стокгольмѣ государственный совѣтъ и предложилъ ему силою обратить россіянъ въ латинскую вѣру, требуя людей и денегъ. Сіе намѣреніе казалось совѣту достохвальнымъ; но Швеція, истощенная корыстолюбіемъ духовенства, могла только дать людей Магнусу. Король дерзнулъ прикоснуться къ церковнымъ сокровищамъ или д о х о д а м ъ св. П е т р а; презрѣлъ неудовольствіе епископовъ и нанялъ многихъ нѣмецкихъ воиновъ. Въ сіе время славилась тамъ пророчествами и святостію вдовствующая супруга вельможи Гудмарсона, дочь Биргерова, именемъ Бригитта: она, какъ вдохновенная Пиѳія, заклинала Магнуса не брать съ собою развратныхъ иноземцевъ, но идти на Россію съ одними набожными шведами и готами, достойными воевать для успѣховъ истины: въ противномъ случаѣ грозила ему бѣдствіемъ. Король смѣялся надъ ея предсказаніемъ и, съ войскомъ многочисленнымъ приплывъ къ острову Березовому или Біорку, послалъ объявить новогородцамъ, чтобы они избрали русскихъ ф и л о с о ф о в ъ для пренія со шведскими о вѣрѣ и приняли латинскую, если она будетъ найдена лучшею, или готовились воевать съ нимъ. Архіепископъ Василій, посадникъ, всѣ чинов-

Война съ Магнусомъ.

г. 1348.

ники и граждане, изумленные такимъ предложеніемъ, благоразумно отвѣтствовали: «Ежели король хочетъ знать, какая вѣра лучше, греческая или римская, то можетъ для состязанія отправить людей ученыхъ къ патріарху цареградскому: ибо мы приняли законъ отъ грековъ, и не намѣрены входить въ суетные споры. Когда же Новгородъ чѣмъ нибудь оскорбилъ шведовъ, то Магнусъ да объявитъ свои неудовольствія нашимъ посламъ». Бояринъ Козьма Твердиславичъ поѣхалъ для свиданія съ королемъ; но Магнусъ сказалъ ему, что онъ, не имѣя никакихъ причинъ къ неудовольствію, желаетъ только обратить россіянъ на путь душевнаго спасенія, добровольно или оружіемъ. Война началася. Шведы приступили къ Орѣхову, предлагая окрестнымъ жителямъ на выборъ смерть или папу. Сіе безумное насиліе воспалило гнѣвъ и мужество въ новогородцахъ. Воины стекались къ нимъ изъ областей въ Ладогу. Хотя Орѣховъ (гдѣ былъ еще намѣстникъ сына Гедиминова, Нариманта) сдался Магнусу; но потерявъ 500 человѣкъ въ битвѣ на берегахъ Ижеры, имѣя недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, видя множество больныхъ въ своемъ войскѣ, и зная, что россіяне идутъ со всѣхъ сторонъ окружить его флотъ на рѣкѣ Невѣ, сей легкомысленный король увѣрился въ истинѣ Бригиттина предсказанія, оставилъ нѣсколько полковъ въ Невской крѣпости и возвратился въ отечество съ однимъ стыдомъ и съ десятью плѣнниками, въ числѣ коихъ были Аврамъ тысячскій и Козма Твердиславичъ, взятые въ Орѣховѣ. Шведскіе лѣтописцы говорятъ, что Магнусъ, овладѣвъ симъ городкомъ и неволею крестивъ жителей по обрядамъ Римской церкви, великодушно освободилъ ихъ; что они дали ему клятву склонить всѣхъ своихъ единоземцевъ къ принятію латинской вѣры, но коварно обманули его и дѣйствовали послѣ какъ самые злѣйшіе непріятели шведовъ и папы.

Великій князь, повидимому, мало заботился о новогородцахъ, и только однажды (въ 1347 году) жилъ у нихъ три недѣли, призванный ими чрезъ архіепископа. Слыша о нападеніи шведовъ, онъ долго медлилъ; наконецъ выступилъ съ войскомъ, но возвратился въ Москву за какимъ-то ханскимъ дѣломъ и вмѣсто себя велѣлъ идти въ Новгородъ брату своему Іоанну съ Константиномъ Ростовскимъ; а сіи князья — свѣдавъ, что Орѣховъ завоеванъ Магнусомъ—немедленно ушли назадъ, не принявъ, какъ говоритъ лѣтописецъ, архіепископскаго благословенія, ни челобитья новогородскаго. Вѣроятно, что не робость, но хитрыя намѣренія политическія были тому причиною: Симеонъ хотѣлъ, кажется, довести сей величавый народъ до крайности и воспользоваться ею для утвержденія своей власти надъ онымъ.—«Князь оставляетъ насъ»», — говорили новогородцы:—«возложимъ упованіе на Бога и на святую Софію». Вспомо-

гательная дружина псковская была въ ихъ станѣ подъ Ладогою: они хотѣли доказать свою благодарность за сіе усердіе, и торжественно объявили, что знаменитый городъ Псковъ долженъ впредь называться младшимъ братомъ Новагорода. «Одна любовь и вѣра да утвердятъ искренній, вѣчный союзъ между нами!» сказали новогородцы псковитянамъ: «не будемъ давать вамъ посадниковъ; не будемъ требовать вамъ на судъ къ св. Софіи; правьте и рядите сами; а для суда церковнаго архіепископъ изберетъ намѣстника изъ вашихъ согражданъ». Такимъ образомъ отчизна св. Ольги иріобрѣла гражданскую независимость—и, къ сожалѣнію, запятнала себя чернымъ дѣломъ неблагодарности. Когда новогородцы въ августѣ мѣсяцѣ приступили къ Орѣхову и, видя упорство шведовъ, рѣшились зимовать въ станѣ: псковитяне, не захотѣвъ терпѣть ненастья и холода, объявили, что идутъ обратно въ землю свою, разоряемую нѣмцами. Ливонскіе рыцари дѣйствительно, нарушивъ тогда миръ, выжгли села на границѣ въ области Изборской, Островской и самое предмѣстіе Пскова: слѣдственно обстоятельства извиняли псковитянъ, и новогородцы, согласные на ихъ отступленіе, желали единственно, чтобы оно было ночью, и чтобы непріятель не видалъ его; но чиновники псковскіе, въ досаду великодушнымъ благодѣтелямъ, вывели рать свою изъ стана въ самый полдень, затрубили въ трубы, ударили въ бубны и тѣмъ порадовали шведовъ, которые, стоя на валу, громко смѣялись. Оставленные великимъ княземъ и союзниками, новогородцы не уныли, сдѣлали приметъ къ стѣнамъ крѣпости, взяли оную 24 февраля, убивъ или плѣнивъ 800 непріятелей, и торжествовали сей успѣхъ какъ славное происшествіе для отечества и вѣры. Они положили употребить отнятое ими у шведовъ серебро и украшеніе церкви Бориса и Глѣба, отправили плѣнниковъ въ Москву къ Симеону; и, не смотря на худую вѣрность псковитянъ, сдержали данное имъ слово, считая ихъ съ того времени уже не подданными, а совершенно вольными въ избраніи гражданскихъ правителей.—Чтобы озаботить Магнуса съ другой стороны его владѣній, новогородцы изъ двинской земли ходили воевать Норвегію; разбили также шведовъ подъ Выборгомъ; наконецъ, заключивъ съ ними миръ въ Дерптѣ, размѣнялись плѣнниками, съ условіемъ, чтобы область Яскиская, Эграпская и часть Саволакса принадлежали Россіи: Спстербекъ остался границею. Договоръ былъ подписанъ королемъ, графомъ Генрикомъ Голштейнскимъ, вельможами Турсономъ, Гейннигомъ, священникомъ Вамундомъ и двумя голландскими купцами; также новогородскимъ посадникомъ Юріемъ, тысяцкимъ Авраамомъ и другими боярами. Хотя король въ 1351 году замышлялъ новую войну противъ россіянъ и папа въ угодность ему дозволилъ его ви-

Псковъ братъ Новагорода.

г. 1349—50.

тязямъ ознаменоваться святымъ крестомъ, но внутренніе раздоры и несчастія Швеціи не допустили сего вѣтреннаго монарха вторично безумствовать для мнимаго душевнаго спасенія.

Между тѣмъ великій князь былъ занятъ иными дѣлами. Узнавъ, что Ольгердъ, тѣснимый нѣмцами, прислалъ къ хану брата своего, Коріяда, требовать помощи, Симеонъ внушилъ Чанибеку, что сей коварный язычникъ есть врагъ Россіи, подвластной татарамъ, слѣдственно и самихъ татаръ; а ханъ, убѣжденный представленіями московскихъ бояръ, выдалъ имъ Коріяда съ другими послами литовскими. Столь беззаконное дѣйствіе могло справедливо раздражить Ольгерда; но, вмѣсто злобы, онъ изъявилъ Симеону желаніе быть его другомъ: ибо тогдашнія обстоятельства Литвы не позволяли ему искать новыхъ непріятелей. Мы упоминали о мирномъ договорѣ Казимира Польскаго съ Литвою, отдавшаго Любарту и Кестутію всю западную Волынію съ городомъ Брестомъ: перемѣнивъ мысли, Казимиръ, въ 1349 году, отнялъ у нихъ сіе владѣніе, изъ милости давъ Любарту одинъ Луцкъ, а нѣкоторыхъ частныхъ князей россійскихъ, потомковъ св. Владиміра, оставивъ господствовать въ ихъ удѣлахъ какъ своихъ присяжниковъ. Сіе происшествіе заставило Ольгерда и братьевъ его искать дружбы Симеоновой, тѣмъ естественнѣе, что король польскій, ободренный успѣхами, вздумалъ быть гонителемъ церкви Греческой, тѣснилъ духовенство въ Волыніи и православныя церкви обращалъ въ латинскія. Граждане стенали: утративъ государственную независимость, они еще умѣли крѣпко стоять за вѣру отцовъ и, гнушаясь насиліемъ папистовъ, славили терпимость литовскаго правленія; а гласъ народа единокровнаго громко отзывался въ Москвѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что и митрополитъ ревностно ходатайствовалъ за князей литовскихъ—которые не мѣшали ему повелѣвать духовенствомъ въ Волыніи—особенно же за Любарта, усерднаго сына нашей церкви. И такъ, великій князь, согласно съ общимъ желаніемъ, не только освободилъ Коріяда, взявъ за него окупъ, но вступилъ и въ тѣсную связь съ сыновьями Гедимина, утвержденную свойствомъ; Любартъ женился на ростовской княжнѣ, племянницѣ Симеона; язычникъ Ольгердъ на его своячинѣ Іуліаніи, дочери Александра Михайловича Тверскаго. Сіе второе бракосочетаніе затрудняло совѣсть великаго князя; но митрополитъ Ѳеогностъ благословилъ оное, въ надеждѣ, какъ вѣроятно, что Ольгердъ рано или поздно будетъ христіаниномъ, и съ условіемъ, чтобы его дѣти воспитывались въ истинной вѣрѣ. Изгнанникъ Евнутій, покровительствуемый Россіею, могъ безопасно возвратиться въ отечество: братья дали ему удѣлъ въ Минской области.

Хитрость Ольгердова.

Браки.

Въ то время, когда государь польскій веселился и торжество-

валъ свои успѣхи въ Краковѣ, литовскіе князья въ тишинѣ собирали войско, имѣли тайныя сношенія съ жителями Волыніи и, желая еще болѣе усыпить Казиміра, обѣщали ему принять Римскую вѣру, такъ что папа, Климентъ VI, уже готовился послать имъ знаки королевскаго сана. Но хитрость обнаружилась: увѣренные въ дружбѣ Московскаго князя и пользуясь его содѣйствіемъ для умноженія своихъ ревностныхъ доброжелателей въ юго-западной Россіи, Ольгердъ, Кестутій и Любартъ ударили на поляковъ и выгнали ихъ изъ Волыніи.—Съ сего времени четыре

Раздѣлъ западной Россіи.

народа спорили о древнемъ достояніи нашего отечества: о Галиціи, Подоліи и землѣ Волынской. Моголы, по сказанію флорентійскаго современнаго историка, изгнанные изъ своихъ жилищъ голодомъ, около 1351 года ворвались въ землю брацлавскую, гдѣ властвовалъ одинъ изъ Россійскихъ князей. Людовикъ, король венгерскій, его покровитель, старался вытѣснить ихъ оттуда: въ 1354 году, вмѣстѣ съ Казиміромъ Великимъ, перешелъ за Бугъ и взялъ въ плѣнъ юнаго князя татарскаго. Однакожъ моголы еще нѣсколько лѣтъ держались въ окрестностяхъ Днѣстра. Венгрія хотѣла присвоить себѣ Галицію и, наконецъ, долженствовала уступить оную Польшѣ; а князья Литовскіе удерживали въ своемъ подданствѣ большую часть другихъ западныхъ областей Россійскихъ, до самаго XVI вѣка, когда Литва и Польша составили одно государство.

Ссора псковитянъ съ Литвою.

Не смотря на союзъ Гедиминовыхъ сыновей съ великимъ княземъ, псковитяне сдѣлались непріятелями Литвы: намѣстникомъ Андрея Ольгердовича былъ у нихъ вельможа княжескаго рода, именемъ Юрій Витовтовичъ, въ 1349 году убитый нѣмцами, въ нечаянномъ набѣгѣ, подъ стѣнами Изборска: мужъ храбрый и благочестивый христіанинъ, оплаканный народомъ и погребенный въ соборной церкви. Его кончина прервала связь гражданъ псковскихъ съ Литвою. Взявъ крѣпость, заложенную нѣмцами на берегу Наровы, и гордясь сею удачею, они велѣли сказать князю Андрею: «ты не хотѣлъ самъ управлять нами: мы же не хотимъ теперь ни твоихъ намѣстниковъ, ни тебя». Вслѣдствіе чего Ольгердъ задержалъ купцовъ псковскихъ, отнявъ у нихъ товары; а сынъ его, Андрей, княжившій тогда въ Полоцкѣ, опустошилъ нѣсколько селъ на рѣкѣ Великой.

Ольгердъ миротворецъ. Г. 1352.

Но хитрый Ольгердъ пользовался дружбою Симеона. Свѣдавъ, что великій князь, недовольный смоленскимъ владѣтелемъ, союзникомъ Литвы, намѣренъ ему объявить войну, Ольгердъ желалъ быть ихъ миротворцемъ. Послы литовскіе нашли Симеона, провождаемаго братьями и другими князьями, въ Вышегородѣ на берегу Протвы.

и вручили ему богатые дары вмѣстѣ съ дружескимъ письмомъ отъ своего государя. Великій князь уважилъ его ходатайство, но шелъ далѣе къ рѣкѣ Угрѣ: тамъ, встрѣтивъ пословъ смоленскихъ, онъ заключилъ миръ и возвратился въ Москву, быть свидѣтелемъ и, какъ вѣроятно, жертвою ужаснаго гнѣва Небеснаго.

Еще въ 1346 году былъ моръ въ странахъ Каспійскихъ, Черноморскихъ, въ Арменіи, въ землѣ Абазинской, Ясской и Черкесской, въ Орнѣ при устьяхъ Дона, въ Бездежѣ, въ Астрахани и въ Сараѣ. Пишутъ, что сія жестокая язва, извѣстная въ лѣтописяхъ подъ именемъ черной смерти, началась въ Китаѣ, истребила тамъ около тринадцати милліоновъ людей и достигла Греціи, Сиріи, Египта. Генуэзскіе корабли привезли оную въ Италію, гдѣ, равно какъ и во Франціи, въ Англіи, въ Германіи, цѣлые города опустѣли. Въ Лондонѣ на одномъ кладбищѣ было схоронено 50,000 человѣкъ. Въ Парижѣ отчаянный народъ требовалъ казни всѣхъ жидовъ, думая, что они сыплютъ ядъ въ колодези. Въ 1349 году началась зараза и въ Скандинавіи; оттуда, или изъ нѣмецкой земли, перешла она во Псковъ и Новгородъ: въ первомъ открылась весною 1352 года и свирѣпствовала до зимы съ такою силою, что едва осталась треть жителей. Болѣзнь обнаруживалась желѣзами въ мягкихъ впадинахъ тѣла; человѣкъ харкалъ кровію, и на другой или на третій день издыхалъ. Нельзя, говорятъ лѣтописцы, вообразить зрѣлища столь ужаснаго: юноши и старцы, супруги, дѣти, лежали въ гробахъ другъ подлѣ друга; въ одинъ день исчезали семейства многочисленныя. Каждый іерей по утру находилъ въ своей церкви 30 усопшихъ и болѣе; отпѣвали всѣхъ вмѣстѣ, и на кладбищахъ уже не было мѣста для новыхъ могилъ; погребали за городомъ, въ лѣсахъ. Сперва люди корыстолюбивые охотно служили умирающимъ, въ надеждѣ пользоваться ихъ наслѣдствомъ; когда же увидѣли, что язва сообщается прикосновеніемъ, и что въ самомъ имуществѣ зараженныхъ таится жало смерти, тогда и богачи напрасно искали помощи: сынъ убѣгалъ отца, братъ брата. Напротивъ того, нѣкоторые изъявляли великодушіе: не только своихъ, но и чужихъ мертвецовъ носили въ церковь; служили панихиды и съ усердіемъ молились среди гробовъ. Другіе спѣшили оставить міръ, заключились въ монастыряхъ, или отказывали церквамъ свое богатство, села, рыбныя ловли; питали, одѣвали нищихъ и благодѣяніями готовились къ вѣчной жизни. Однимъ словомъ, думали, что всѣмъ умереть должно. — Въ сихъ обстоятельствахъ несчастные псковитяне звали къ себѣ архіепископа Василія благословить ихъ и вмѣстѣ съ ними принести жертву моленія Всевышнему: какъ достойный пастырь церкви, онъ спѣшилъ ихъ утѣшить, презирая опасность. Встрѣченный народомъ со изъявленіями живѣйшей благодарности, Василій облачился въ ризы свя-

Черная смерть.

тительскія; взялъ крестъ и, провождаемый духовенствомъ, всѣми гражданами, самыми младенцами, обошелъ вокругъ города. Іереи пѣли божественныя пѣсни: иноки несли мощи; народъ молился громогласно, и не было такого каменнаго сердца, по словамъ лѣтописи, которое не изливалось бы въ слезахъ предъ Всевидящимъ Окомъ. Еще смерть не насытилась жертвами; но архіепископъ успокоилъ души, и псковитяне, вкусивъ сладость христіанскаго умиленія, терпѣливѣе ожидали конца своему бѣдствію: оно прекратилось въ началѣ зимы.

Василій, безъ сомнѣнія, зараженный язвою, на возвратномъ пути скончался, къ великому сожалѣнію новогородцевъ и примиренныхъ съ нимъ псковитянъ. Сей архіепископъ былъ отмѣнно любимъ первыми: бралъ всегда ревностное участіе въ дѣлахъ правленія; строилъ не только храмы, но и мосты, нужные для удобнаго сообщенія людей, и собственными руками заложилъ новую городскую стѣну на другой сторонѣ Волхова; украсилъ Софійскую церковь мѣдными, вызолоченными вратами и живописью греческою; славился также разумомъ: былъ учителемъ крестнаго сына своего, Михаила Александровича Тверскаго, и въ образецъ тогдашнихъ богословскихъ понятій оставилъ намъ письмо къ епископу тверскому Θеодору, доказывая въ ономъ, что рай и адъ дѣйствительно существуетъ на землѣ, вопреки мнѣнію новыхъ еретиковъ, которые признаютъ ихъ мысленными или духовными. Уважая гражданскія и пастырскія достоинства Василія, великодушно умершаго для облегченія страждущихъ псковитянъ, осудимъ ли сего знаменитаго мужа за то, что онъ искалъ рая на Бѣломъ морѣ и вѣрилъ, что нѣкоторые путешественники новогородскіе видѣли оный издали?—Василій первый изъ архіепископовъ получилъ отъ митрополита крещатыя ризы въ знакъ отличія и бѣлый клобукъ, какъ пишутъ, отъ патріарха цареградскаго, донынѣ хранимый въ новогородской софійской ризницѣ и прежде носимый въ Греціи тѣми святителями, которые бывали поставляемы изъ бѣлаго духовенства.

Земный рай.

Бѣлый клобукъ.

Скоро язва посѣтила и Новгородъ, гдѣ отъ 15 августа до Пасхи умерло множество людей. То же было и въ другихъ областяхъ россійскихъ: въ Кіевѣ, Черниговѣ, Смоленскѣ, Суздалѣ. Въ Глуховѣ и Бѣлозерскѣ не осталось ни одного жителя. Такимъ образомъ отъ Пекина до береговъ Евфрата и Ладоги нѣдра земныя наполнились милліонами труповъ, и государства опустѣли. Иностранные историки сего бѣдствія сообщаютъ намъ два примѣчанія: 1) вездѣ гибло болѣе молодыхъ людей, нежели старыхъ; 2) вездѣ, когда зараза миновалась, родъ человѣческій необыкновенно размножался: столь чудесна природа, всегда готовая за-

мѣнять убыль въ ея царствахъ новою дѣятельностію плодотворной силы!

Лѣтописцы наши сказываютъ, что вся Россія испытала тогда гнѣвъ Небесный: слѣдственно и Москва, хотя они не упоминаютъ объ ней въ особенности. Сіе тѣмъ вѣроятнѣе, что въ короткое время скончались тамъ митрополитъ Ѳеогностъ, великій князь, два сына его и братъ Андрей Іоанновичъ.

Г. 1355. Кончина Симеонова.

Симеонъ имѣлъ не болѣе тридцати-шести лѣтъ отъ рожденія. Сей государь, хитрый, благоразумный, пять разъ ѣздилъ въ орду, чтобы соблюсти тишину въ государствѣ; пользуясь отмѣнною благосклонностію хана, исходатайствовалъ для разореннаго Тверскаго княженія свободу не платить дани моголамъ, и первый, кажется, именовалъ себя великимъ княземъ всея Руси, какъ то вырѣзано на его печати. Видя внезапную смерть предъ собою, онъ постригся (названный именемъ Созонта) и духовнымъ завѣщаніемъ распорядилъ свое достояніе.

Великій князь всея Руси.

По кончинѣ первой супруги въ 1345 году, Симеонъ сочетался бракомъ съ Евпраксіею, дочерію одного изъ Смоленскихъ князей, Ѳеодора Святославича, управлявшаго Волокомъ въ санѣ намѣстника; но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ отослалъ ее къ отцу, будто бы для того, что «она на свадьбѣ была испорчена и всякую ночь казалась супругу мертвецомъ». Къ общему неудовольствію и соблазну правовѣрныхъ, Евпраксія вышла за князя Ѳоминскаго, Ѳеодора Краснаго, а Симеонъ женился въ третій разъ на княжнѣ Тверской, Маріи Александровнѣ, прижилъ съ нею четырехъ сыновей, умершихъ въ дѣтствѣ, и въ знакъ любви отказалъ ей наслѣдственныя и купленныя имъ волости, Можайскъ, Коломну, всѣ сокровища, золото, жемчугъ и пятьдесятъ верховыхъ коней.

Привидѣніе.

«Кто изъ бояръ»—пишетъ великій князь—«захочетъ служить моей княгинѣ, тотъ, владѣя нашими селами, обязанъ давать ей половину дохода. Всѣмъ людямъ купленнымъ или за вину взятымъ мною въ рабство: сельскимъ тіунамъ (прикащикамъ), старостамъ, ключникамъ, или женатымъ на ихъ дочеряхъ, объявляю вѣчную свободу.—Вамъ, любезные братья» (ибо Андрей жилъ еще около шести недѣль), «поручаю супругу и бояръ моихъ, и приказываю то же, что намъ отецъ приказывалъ: живите согласно, не перемѣняйте уставленнаго мною въ дѣлахъ государственныхъ или судныхъ; не внимайте клеветникамъ и ссорщикамъ; слушайтесь добрыхъ, старыхъ бояръ и нашего владыки Алексія».

Завѣщаніе.

Св. Алексій.

Сей знаменитый святитель былъ крестникъ Іоанна Даніиловича, сынъ черниговскаго боярина, Ѳеодора Бяконта, служившаго еще отцу его и назывался мірскимъ именемъ Елевѳерія: въ самой цвѣтущей юности воз-

ненавидѣвъ свѣтъ, къ огорченію родителей онъ постригся въ московской обители св. Богоявленія, за добродѣтель свою получилъ санъ митрополитова намѣстника и жилъ въ одномъ домѣ съ Ѳеогностомъ, 12 лѣтъ управляя всѣми дѣлами церковными, между тѣмъ, какъ митрополитъ ѣздилъ въ Царьградъ, въ орду и въ отдаленныя епархіи россійскія. Сіи путешествія иногда не дѣлали чести Ѳеогносту: епископы обязывались щедро дарить его, сверхъ угощенія, весьма для нихъ тягостнаго. Но Алексій не думалъ о мздѣ и съ неутомимою дѣятельностію занимался только общимъ церковнымъ благоустройствомъ. Поставленный епископомъ Владиміру, онъ гласомъ народа и двора княжескаго былъ назначенъ заступить мѣсто Ѳеогноста, который, готовясь къ смерти, писалъ о томъ къ патріарху, а Симеонъ къ императору Іоанну Кантакузину. Митрополитъ отправилъ послами въ Царьградъ Артемія Воробьина и Михаила Грека, Симеонъ Дементія Давидовича и Юрія Воробьина: они возвратились уже по кончинѣ великаго князя съ благопріятнымъ отвѣтомъ, чтобы Алексій ѣхалъ въ столицу имперіи для поставленія. Еще при жизни Ѳеогноста терновскій патріархъ самовольно объявилъ митрополитомъ Россіи какого-то инока Ѳеодорита и прислалъ его въ Кіевъ съ грамотою; но тамошнее духовенство не хотѣло имѣть никакого дѣла съ симъ новымъ патріархомъ и единодушно отвергнуло Ѳеодорита, какъ самозванца.

Ссоры удѣльныхъ князей.

Хотя Симеонъ умѣлъ быть дѣйствительно главою князей удѣльныхъ, однакожъ власть его не могла отвратить нѣкоторыхъ раздоровъ между ими. Константинъ Тверскій ссорился съ невѣсткою Анастасіею, вдовствующею супругою Александра Михайловича, и сыномъ ея Всеволодомъ Холмскимъ, насильственно захватывая ихъ бояръ и доходы. Огорченный Всеволодъ поѣхалъ съ жалобами къ великому князю и въ орду, вслѣдъ за дядею, который тамъ и скончался. Ханъ—согласно, можетъ быть, съ волею Симеона—отдалъ Всеволоду Тверское княженіе, а Василій Михайловичъ Кашинскій, братъ Константиновъ, взявъ дань съ Холма, спѣшилъ къ моголамъ съ богатыми дарами. Дядя и племянникъ встрѣтились въ городѣ Бездежѣ какъ непріятели: вторый ограбилъ перваго и, зная, что никто съ пустыми руками не бываетъ правъ въ ордѣ, покойно сѣлъ на престолѣ Тверского княженія; но тамошній епископъ Ѳеодоръ убѣдилъ его примириться съ дядею, уступить ему Тверь и довольствоваться Холмомъ. Тишина возстановилась: Симеонъ равно покровительствовалъ того и другого князя, будучи зятемъ Всеволода и тестемъ Михаила, сына Василіева; однакожъ Василій не могъ забыть своей обиды, изъявлялъ ненависть къ племяннику и тѣснилъ его владѣніе.

Въ государствованіе Симеона князь Юрій Ярославичъ Му-

ромскій обновилъ древній Муромъ, издавна запустѣвшій, какъ сказываютъ лѣтописцы: то есть онъ перенесъ сей городъ на его древнее мѣсто (въ 1351 году), построивъ тамъ дворецъ и многія церкви; бояре, купцы начали селиться вокругъ дворца и народъ слѣдовалъ ихъ примѣру. Сей Юрій, по святомъ Глѣбѣ, есть достопамятнѣйшій изъ Муромскихъ князей, о коихъ наша исторія говоритъ мало: ибо они жили тихо отъ недостатка въ силахъ и со временъ Андрея Боголюбскаго зависѣли болѣе отъ великихъ князей Владимірскихъ, нежели Рязанскихъ, хотя ихъ удѣлъ издревле былъ областію Рязани.

Обновленіе Мурома.

Къ церковнымъ достопамятностямъ сего времени принадлежитъ начало Троицкой лавры, столь знаменитой и по важнымъ государственнымъ дѣяніямъ, коихъ она была ѳеатромъ. Одинъ изъ бояръ ростовскихъ, Кириллъ, съ неудовольствіемъ видя уничиженіе своего князя и самовольство московскихъ чиновниковъ въ его землѣ при Калитѣ, не хотѣлъ быть свидѣтелемъ онаго и переѣхалъ въ городокъ Радонежъ, удѣлъ меньшаго брата Симеонова, Андрея. Тамъ охотно селились люди неизбыточные: ибо намѣстникъ княжескій давалъ имъ льготу и выгоды: Кириллъ-же, нѣкогда богатый, отъ разныхъ несчастій оскудѣлъ. Двое изъ юныхъ сыновей его, Стефанъ и Варѳоломей (названный въ монашествѣ Сергіемъ) искали убѣжища отъ мірскихъ печалій, въ трудахъ святости: первый сдѣлался игуменомъ Богоявленской обители въ Москвѣ, а вторый, живъ долго пустынникомъ въ лѣсахъ дремучихъ, среди безмолвнаго уединенія и дикихъ звѣрей, близь деревянной церкви св. Троицы, имъ созданной, основалъ нынѣшнюю лавру: ибо слава о добродѣтели его привлекала къ нему многихъ иноковъ. Строгая набожность и христіанское смиреніе возвеличили св. Сергія между современниками: митрополитъ, князья, бояре изъявляли къ нему отмѣнное уваженіе, и мы увидимъ сего благочестиваго мужа исполнителемъ трудныхъ государственныхъ порученій.

Начало Троицкой лавры.

Чѣмъ рѣже находимъ въ лѣтописяхъ извѣстія о состояніи художествъ въ древней Россіи, тѣмъ оныя любопытнѣе для историка. Въ княженіе Симеоново были расписаны въ Москвѣ три церкви: соборъ Успенскій, Архангельскій и храмъ Преображенія; первый греческими живописцами Ѳеогноста митрополита, вторый россійскими придворными, Захаріею, Іосифомъ и Николаемъ съ товарищами, а третій иностранцемъ Гойтаномъ. Въ сіе-же время отличался въ литейномъ искусствѣ россіянинъ Борисъ: онъ лилъ колокола въ Москвѣ и Новѣгородѣ для церквей соборныхъ. Греція все еще имѣла тѣсную связь съ Россіею,

Художества въ Россіи.

присылая намъ не только митрополитовъ, но и художниковъ, которые учили русскихъ. Образованная Германія могла также способствовать успѣху гражданскихъ искусствъ въ нашемъ отечествѣ. Замѣтимъ, что при Симеонѣ начали употреблять въ Россіи бумагу, на коей писанъ договоръ его съ братьями и духовное завѣщаніе. Вѣроятно, что она шла къ намъ изъ нѣмецкой земли чрезъ Новгородъ.

ГЛАВА XII.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ІОАННЪ II ІОАННОВИЧЪ.

Г. 1353—1359.

Характеръ великаго князя.—Жестокость Олегова.—Властолюбіе Ольгерда.—Междоусобія.—Дѣйствія духовной власти въ Новгородѣ.—Убійство въ Москвѣ.—Дѣла церковныя.—Добродѣтели св. Алексія.—Слова юнаго Димитрія.—Смерть и завѣщаніе великаго князя.—Начало княжества Молдавскаго и Волошскаго.

Г. 1353—1355. Всѣ князья Россійскіе поѣхали въ орду, узнать, кто будетъ ихъ главою; а новогородцы особенно послали туда боярина своего Судокова, просить хана, чтобы онъ удостоилъ сей чести Константина Суздальскаго, благоразумнаго и твердаго. Вопреки имъ, Чанибекъ избралъ Іоанна Іоанновича Московскаго, тихаго, миролюбиваго и слабаго.

Характеръ великаго князя.

Еще новый государь не возвратился изъ орды, когда юный Олегъ Рязанскій, сынъ Коротопола, овладѣвъ всѣмъ княженіемъ своего отца, дерзнулъ возстать на Московское. Онъ хотѣлъ быть совершенно независимымъ; хотѣлъ также отмстить за убіеніе въ Москвѣ предка его, Константина, и снова присоединить къ Рязани берега Лопасни, гдѣ уже давно и безспорно господствовали Калитины наслѣдники. Сей предлогъ войны могъ казаться отчасти справедливымъ; но юноша Олегъ, преждевременно зрѣлый въ порокахъ жестокаго сердца, дѣйствовалъ какъ будущій достойный союзникъ Мамаевъ: жегъ, грабилъ и, плѣнивъ лопаснинскаго намѣстника Іоаннова, не устыдился мучить его тѣлесно; наконецъ далъ ему свободу, взявъ окупъ, и заслуживъ ненависть москвитянъ, хвалился любовію рязанцевъ, которые, примѣтивъ въ немъ смѣлость и рѣшительность, въ самомъ дѣлѣ ожидали отъ него геройскихъ подвиговъ.

Жестокость Олегова.

Кроткій Іоаннъ уклонился отъ войны съ Олегомъ, довольный освобожденіемъ своего намѣстника, и терпѣливо сносилъ ослу-

шаніе новогородцевъ, не хотѣвшихъ быть ему подчиненными, до самого того времени, какъ Суздальскій князь, Константинъ Васильевичъ, ими любимый, скончался: тогда, уже не видя достойнаго соперника для великаго князя, они приняли намѣстниковъ Іоанновыхъ, а Чабинекъ утвердилъ Нижній Городецъ и Суздаль за сыномъ Константиновымъ, Андреемъ: ибо самое ближайшее право наслѣдственное для владѣтелей россійскихъ не имѣло силы безъ ханскаго согласія. Такъ Іоаннъ Ѳеодоровичъ Стародубскій, по кончинѣ старшаго брата, Димитрія, ждалъ цѣлый годъ грамоты Чанибековой, безъ коей онъ не могъ назваться княземъ сего удѣла.

Г. 1354—1359.

Властолюбіе Ольгердово.

Время государей тихихъ рѣдко бываетъ спокойно: ибо мягкосердечіе ихъ имѣетъ видъ слабости, благопріятной для внѣшнихъ враговъ и мятежниковъ внутреннихъ. Ольгердъ, выдавъ дочь свою за Бориса Константиновича Суздальскаго, брата Андреева, и женивъ племянника, Димитрія Коріядовича, на дочери великаго князя, старался, не смотря на то, болѣе и болѣе стѣснять Россію. Смоленскъ и Брянскъ уже давно зависѣли нѣкоторымъ образомъ отъ Литовскаго княженія, какъ союзникъ слабый обыкновенно зависитъ отъ сильнаго: еще недовольный симъ правомъ, Ольгердъ хотѣлъ совершенно овладѣть ими и взялъ въ плѣнъ юнаго князя Іоанна Васильевича, коего отецъ получилъ тогда отъ хана грамоту на удѣлъ Брянскій. Василій скоро умеръ и сей несчастный городъ, бывъ долгое время жертвою мятежнаго безначалія, наконецъ (въ 1356 году) поддался Литвѣ. Чтобы открыть себѣ путь къ Тверскому и Московскому княженію, Ольгердъ занялъ было своимъ войскомъ и городокъ Ржевъ; но тверитяне и жители Можайска, встревоженные столь опаснымъ намѣреніемъ, спѣшили вооружиться и выгнали оттуда литовцевъ. Съ другой стороны Андрей Ольгердовичъ, князь Полоцкій, все еще злобствовалъ на Псковитянъ, называя ихъ вѣроломными измѣнниками: они также мстили ему за разбой разбоями въ его области, предводимые мужественнымъ Евстафіемъ Изборскимъ.

Междоусобіе.

Внутри Россіи Муромъ, Тверь и Новгородъ страдали отъ междоусобія. Мы упоминали о князѣ Юріи Ярославичѣ Муромскомъ: родственникъ его Ѳеодоръ Глѣбовичъ, собравъ многочисленную толпу людей (въ 1355 году), изгналъ Юрія, обольстилъ бояръ и вмѣстѣ съ знатнѣйшими изъ нихъ поѣхалъ искать милости ханской. Князь Юрій чрезъ недѣлю возвратился въ Муромъ, взялъ остальныхъ бояръ и также отправился къ Чанибеку. Въ ордѣ былъ торжественный судъ между ими. Ѳеодоръ превозмогъ: ханъ отдалъ ему не только княженіе, но и самого Юрія, скоро умершаго въ несчастіи. Симъ первымъ и послѣднимъ раздоромъ князей Муромскихъ заключи-

лась ихъ краткая исторія; родъ оныхъ исчезъ и столица, какъ увидимъ, присоединилась къ великому княженію.

Вражда между Василіемъ Михайловичемъ Тверскимъ и племянникомъ его Всеволодомъ Александровичемъ Холмскимъ не могла быть прекращена ни великимъ княземъ, ни митрополитомъ Алексіемъ, желавшимъ усовѣстить ихъ въ Владимірѣ, гдѣ они для того съѣзжались (въ 1357 году). Василій, особенно покровительствуемый Іоанномъ, угнеталъ Всеволода, къ огорченію добраго тверскаго епископа Θеодора, хотѣвшаго даже оставить свою епархію, чтобы не быть свидѣтелемъ сей несправедливости. Дядя требовалъ суда въ ордѣ, узнавъ, что племянникъ, остановленный на пути великокняжескими намѣстниками, проѣхалъ туда черезъ Литву—и ханъ (въ 1358 году) безъ всякаго изслѣдованія выдалъ бѣднаго Всеволода посламъ Василія, который уже обходился съ нимъ какъ съ невольникомъ, отнималъ имѣніе у бояръ холмскихъ и налагалъ тяжкія дани на чернь.

Въ Новѣгородѣ былъ великій мятежъ по случаю смѣны посадника. Мы видѣли, что и Симеонъ мало входилъ въ дѣла тамошняго внутренняго правленія: Іоаннъ еще менѣе, и народъ тѣмъ болѣе самовольствовалъ, не уважая намѣстниковъ княжескихъ. Граждане конца Славянскаго, изъ всѣхъ пяти знаменитѣйшаго, вопреки общей волѣ отставили посадника Андреяна; пришли въ доспѣхахъ на дворъ Ярославовъ, разогнали другихъ гражданъ невооруженныхъ, даже умертвили нѣкоторыхъ бояръ, и выбрали Сильвестра на мѣсто Андреяново. Софійская сторона хотѣла отмстить Славянской; обѣ готовились къ войнѣ.

Дѣйствіе духовной власти въ Новѣгородѣ.

Въ такихъ случаяхъ одна духовная власть еще не теряла правъ своихъ и могла смягчать сердца, ожесточенныя злобою. Владыко Моисей, схимникъ, просьбою народа изведенный изъ двадцатилѣтняго уединенія, чтобы вторично править церковію, и за болѣзнію принужденный возвратиться въ оное; новый архіепископъ Алексій, по жребію избранный изъ ключниковъ софійскихъ; архимандритъ юрьевскій, игумены явились среди шумнаго стана воинскаго: ибо таковымъ казался весь городъ. Старецъ Моисей, опасностію отечества какъ бы вызванный уже изъ гроба, благословлялъ народъ, именуя всѣхъ своими любезными дѣтьми духовными, и молилъ ихъ не проливать крови братьевъ. Мятежъ утихъ; самые неистовые съ умиленіемъ внимали гласу святаго отшельника, стоявшаго на прагѣ смерти, и не дерзнули быть ослушными. Но справедливость требовала наказать виновниковъ дѣйствія насильственнаго и беззаконнаго: села честолюбиваго Сильвестра и другихъ вельможъ Славянскаго конца были взяты на щитъ, то есть, разорены по опредѣленію вѣча. Пострадали и невинные: ибо осторожная разсмотрительность несвойственна мятежному суду народ-

ному. На мѣсто Сильвестра избрали новаго посадника, и городъ успокоился.

Въ самой тихой Москвѣ, незнакомой съ бурями гражданскаго своевольства, открылось дерзкое злодѣяніе и дремлющее правительство оставило виновниковъ подъ завѣсою тайны. Тысячскій столицы, именемъ Алексій Петровичъ, важнѣйшій изъ чиновниковъ и подобно князю окруженный благородною, многочисленною дружиною, былъ въ часъ заутрени найденъ мертвый среди городской площади со всѣми признаками убіеннаго—кѣмъ? неизвѣстно. Говорили явно, что онъ имѣлъ участь Андрея Боголюбскаго и что ближніе бояре, подобно Кучковичамъ, умертвили его вслѣдствіе заговора. Народъ встревожился: угадывали злодѣевъ; именовали ихъ и требовали суда. Въ самое то время нѣкоторые изъ московскихъ вельможъ—опасаясь, какъ вѣроятно, торжественнаго обвиненія—уѣхали съ семействами въ Рязань къ Олегу, врагу ихъ государя, и слабый Іоаннъ, давъ время умолкнуть общему негодованію, снова перезвалъ оныхъ къ себѣ въ службу.

Смертоубійство въ Москвѣ.

Даже и церковь россійская въ Іоанново время представляла зрѣлище неустройства и соблазна для христіанъ вѣрныхъ. Въ годъ Симеоновой кончины архіепископъ новогородскій Моисей отправилъ посольство къ греческому царю и къ патріарху жаловаться на беззаконное самовластіе митрополита: вѣроятно, что дѣло шло о церковныхъ сборахъ, коими наши митрополиты отягчали духовенство, называя оные учтивымъ именемъ даровъ. Послы, принятые весьма благосклонно, возвратились съ дружественными грамотами отъ императора Іоанна Кантакузина и патріарха Филоѳея, украшенными золотою печатію, какъ сказано въ лѣтописи. Содержаніе грамотъ намъ неизвѣстно; но кажется, что Филоѳей, какъ хитрый грекъ, отдѣлался только ласковыми словами: ибо не хотѣлъ ссориться съ россійскими митрополитами, которые никогда не ѣздили въ Царьградъ безъ даровъ богатыхъ. Въ знакъ особеннаго уваженія къ святителю Моисею онъ прислалъ ему крещатыя ризы или полиставріонъ.

Дѣла церковныя.

Сія жалоба новогородскаго духовенства на главу церкви—вынужденная сребролюбіемъ предмѣстника Алексіева Ѳеогноста—оскорбила достоинство митрополитовъ. Другое происшествіе сдѣлало еще болѣе соблазна. Патріархъ Филоѳей, вмѣсто одного законнаго митрополита для Россіи, поставилъ въ Константинополѣ двухъ: Св. Алексія, избраннаго великимъ княземъ, и какого-то Романа (вѣроятно, грека). Сія новость изумила наше духовенство; оно не знало, кому повиноваться, ибо митрополиты были не согласны между собою; Романъ обязанный святительствомъ дѣйствію корысти, всего болѣе думалъ о своихъ доходахъ

и требовалъ серебра отъ епископовъ. Св. Алексій — не искавъ чести, по словамъ лѣтописи, но отъ чести взысканный—вторично отправился въ Константинополь съ жалобами на безпорядокъ дѣлъ церковныхъ и Филоѳей, желая примирить совмѣстниковъ, объявилъ его митрополитомъ кіевскимъ и владимірскимъ, а Романа литовскимъ и волынскимъ. Не смотря на то, сей послѣдній безъ дозволенія Алексіева жилъ нѣсколько времени въ Твери и вмѣшивался въ дѣла епархіи, призванный, кажется, Всеволодомъ холмскимъ, который самъ ѣздилъ тогда въ Литву. Романъ заслужилъ его благодарность, убѣдивъ (въ 1360 году) князя Василія Михайловича отдать племянникамъ третью часть Тверскаго княженія; былъ осыпанъ почестями и дарами при дворѣ, но не могъ склонить на свою сторону епископа Ѳеодора, не хотѣвшаго имѣть съ нимъ никакого сношенія.

Добродѣтели св. Алексія.

Алексій же, болѣе и болѣе славясь добродѣтелями, имѣлъ случай оказать важную услугу отечеству. Жена Чанибекова, Тайдула, страдая въ тяжкой болѣзни, требовала его помощи. Ханъ писалъ къ великому князю: «мы слышали, что небо ни въ чемъ не отказываетъ молитвѣ главнаго попа вашего: да испроситъ же онъ здравіе моей супругѣ!» Св. Алексій поѣхалъ въ орду съ надеждою на Бога и не обманулся: Тайдула выздоровѣла, и старалась всячески изъявить свою благодарность. Въ сіе время ханскій посолъ Кошакъ обременялъ россійскихъ князей беззаконными налогами: милость царицы прекратила зло; но добрый Чанибекъ,—какъ называютъ его наши лѣтописцы,— жилъ недолго. Завоевавъ въ Персіи городъ Таврисъ (основанный любимою супругою славнаго калифа Гарунъ-аль-Рашида Зебеидою) и навьючивъ 400 верблюдовъ взятыми въ добычу драгоцѣнностями, сей ханъ былъ (въ 1357 году) злодѣйски убитъ сыномъ Бердибекомъ, который, слѣдуя внушеніямъ вельможи Товлубія, умертвилъ и 12 братьевъ. Митрополитъ, очевидецъ столь ужаснаго происшествія, едва успѣлъ возвратиться въ Москву, когда Бердибекъ прислалъ вельможу Иткара съ угрозами и съ насильственными требованіями ко всѣмъ князьямъ россійскимъ. Они трепетали, слыша о жестокомъ нравѣ его: св. Алексій взялъ на себя укротить сего тигра: снова поѣхалъ въ столицу Капчакскую и посредствомъ матери Бердибековой, Тайдулы, исходатайствовалъ милость для государства и церкви. Великій князь, его семейство, бояре, народъ, встрѣтили добродѣтельнаго митрополита какъ утѣшителя небеснаго, и—что было всего трогательнѣе—осмилѣтній сынъ Іоанновъ, Димитрій, въ коемъ расцвѣтала надежда отечества, умиленный знаками всеобщей любви къ Алексію, проливая слезы, говорилъ ему съ необыкновенною для своего нѣжнаго возраста силою: «о, Владыко! ты даровалъ намъ житіе мирное: чѣмъ изъявимъ тебѣ

свою признательность?» Столь рано открылась въ Димитріи чувствительность къ заслугамъ и къ благодѣяніямъ государственнымъ!—Успокоивъ Россію, митрополитъ жилъ два года въ Кіевѣ, оставленномъ его предмѣстниками, среди развалинъ и печальныхъ слѣдовъ долговременнаго запустѣнія, стараясь обновить церковное устройство и великолѣпіе храмовъ.

Слова юнаго Димитрія.

Іоаннъ надѣялся княжить мирно; но скоро царевичъ татарскій, Мамать-Хожа, пріѣхалъ въ Рязань и велѣлъ объявить ему, что время утвердить законный рубежъ между княженіемъ Олеговымъ и Московскимъ: то есть, корыстолюбивый царевичъ, уже славный злодѣяніями насилія, хотѣлъ грабить въ обѣихъ земляхъ подъ видомъ размежеванія оныхъ. Великій князь, ссылаясь на грамоты ханскія, отвѣтствовалъ, что онъ не впустить посла въ Московскія области, коихъ границы извѣстны и несомнительны. Отвѣтъ смѣлый; но Іоаннъ зналъ, что Мамать-Хожа дѣйствуетъ самовольно, безъ особеннаго ханскаго повелѣнія; зналъ, можетъ быть, и то, что Бердибекъ уже недоволенъ самъ вельможею, который скоро долженствовалъ возвратиться въ орду и заплатилъ тамъ жизнію за убіеніе какого-то любимца царева.

Княживъ 6 лѣтъ, Іоаннъ скончался монахомъ на тридцать-третьемъ году отъ рожденія, оставивъ по себѣ имя Кроткаго, не всегда достохвальное для государей, если оно не соединено съ иными правами на общее уваженіе. — Подобно отцу и брату, онъ написалъ духовную, въ коей приказываетъ Москву двумъ юнымъ сыновьямъ, Димитрію и Іоанну, уступая треть ея доходовъ шестилѣтнему племяннику Владиміру Андреевичу и веля имъ вообще блюсти, судить и рядить земледѣльцевъ свободныхъ или численыхъ людей; отдаетъ супругѣ Александрѣ разныя волости и часть московскихъ доходовъ, а Димитрію Можайскъ и Коломну съ селами, Іоанну Звенигородъ и Рузу; утверждаетъ за Владиміромъ Андреевичемъ удѣлъ отца его, за вдовствующею княгинею Симеона и Андреевою, именемъ Іуліаніею, данныя имъ отъ супруговъ волости, съ тѣмъ, чтобы послѣ Іуліаніи наслѣдовали сыновья великаго князя и Владиміръ Андреевичъ, а послѣ Маріи одинъ Димитрій. Изъ драгоцѣнностей оставляетъ Димитрію икону св. Александра, золотую шапку, бармы, жемчужную серьгу, коробку сердоликовую, саблю и шишакъ золотые; Іоанну также саблю и шишакъ, жемчужную серьгу, стаканъ цареградскій, а двумъ будущимъ зятьямъ по золотой цѣпи и поясу; отказываетъ, вмѣсто руги, нѣкоторую долю княжескихъ прибытковъ церквамъ Богоматери на Крутицахъ, Успенской и Архангельской въ Москвѣ; даетъ волю казначеямъ

Г. 1359. Ноября 13.

Смерть и завѣщаніе великаго князя.

своимъ, сельскимъ тіунамъ, дьякамъ, всѣмъ купленнымъ людямъ, и проч.

Достопамятнымъ случаемъ Іоанновыхъ временъ, связаннымъ съ нашею исторіею, было происхожденіе нынѣшней Молдавской области, гдѣ въ теченіе семи вѣковъ, отъ третьято до десятаго, толпились полудикіе народы Азіи и Европы, изгоняя другъ друга и стремясь грабить имперію Греческую.

Начало княжества Молдавскаго и Волошскаго.

Несторъ говоритъ, что славяне россійскіе, лутичи и тиверцы, издавна жили по Днѣстру до самаго моря и Дуная, имѣя селенія г о р о д а. Князья Галицкіе въ XII вѣкѣ безъ сомнѣнія владѣли частію Бессарабіи и Молдавіи, гдѣ обитали тогда, подъ именемъ волоховъ, остатки древнихъ готовъ, смѣшенныхъ съ римскими поселенцами перваго столѣтія, также нѣкоторые печенѣги и половцы. Замѣтимъ еще, что въ Россійской географіи XIV вѣка именованы Бѣлгородъ (или Акерманъ), Романовъ, Сучава, Серетъ, Хотинъ въ числѣ н а ш и х ъ с т а р и н н ы х ъ городовъ. Паденіе Галицкаго княженія оставило Молдавію въ жертву татарамъ, и сія земля, граждански образованная россіянами, снова обратилась въ печальную степь: города и селенія опустѣли. Когда же моголы, устрашенные счастливымъ оружіемъ Людовика Венгерскаго, около половины XIV вѣка удалились отъ Дуная: тогда волохи, предводимые Богданомъ или Драгошемъ, живъ прежде въ Венгріи, въ Мармаросскомъ графствѣ, явились на берегахъ Прута, нашли тамъ еще многихъ р о с с і я н ъ и поселились между ими на рѣкѣ М о л д а в ѣ; сперва угождали имъ и сообразовались съ ихъ гражданскими обычаями, для своей безопасности; наконецъ же сіи гости столь размножились, что вытѣснили хозяевъ и, возобновивъ древніе наши города, составили особенную независимую державу, названную М о л д а в і е ю, коею управляли наслѣдники Богдановы подъ именемъ воеводъ и гдѣ языкъ нашъ до самаго XVII вѣка былъ не только церковнымъ, но и судебнымъ, какъ-то свидѣтельствуютъ подлинныя грамоты молдавскихъ господарей. Такимъ же образомъ произошло и княженіе Волошское, но еще ранѣе: Нигеръ, если вѣрить преданію, въ XII или XIII столѣтія вышедши изъ Трансильваніи со многими своими единоземцами, волохами, основалъ Терговисто, Бухарестъ и властвовалъ тамъ до конца жизни; преемниками его были другіе избираемые народомъ воеводы, которые зависѣли иногда отъ сильныхъ государей венгерскихъ.

ГЛАВА XIII.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ДИМИТРІЙ КОНСТАНТИНОВИЧЪ.

Г. 1359—1362.

Царевичи могольскіе христіанской вѣры.—Наслѣдственное право.—Пріобрѣтенія Ольгердовы.—Мятежи въ ордѣ.—Судъ князей съ болгарами.—Москва удерживаетъ право великаго княженія.—Отрокъ Димитрій.

Въ одно время съ великимъ княземъ Іоанномъ Іоанновичемъ умеръ и ханъ Бердибекъ, бывъ жертвою своего гнуснаго распутства, и Кульпа, родственникъ его, воцарился, имѣя двухъ сыновей христіанской вѣры, Іоанна и Михаила, обращенныхъ, можетъ быть, римскими миссіонаріями или нашимъ епископомъ Сарайскимъ. Сіе важное обстоятельство казалось весьма благопріятнымъ для христіанъ; но Кульпа властвовалъ только 5 мѣсяцевъ и погибъ вмѣстѣ съ сыновьями, убитый Наврусомъ, однимъ изъ потомковъ Чингисова сына, Туши-хана. Князья Россіи явились въ ордѣ съ дарами и новый царь далъ великое княженіе Димитрію Суздальскому, меньшему брату Андрея Константиновича: ибо Андрей, какъ сказано въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ, не захотѣлъ сей чести. Современники удивились такой несправедливости, разсуждая, что сынъ и еще меньшій не можетъ требовать достоинства, коего не имѣли ни отецъ, ни дѣдъ его, и что оно принадлежитъ роду князей московскихъ: мнѣніе, основанное единственно на обычаѣ; въ самомъ же дѣлѣ Андрей и Димитрій Константиновичи были колѣномъ ближе къ Ярославу II, нежели внуки Калитины, и малолѣтство послѣднихъ также удаляло ихъ главнаго престола россійскаго, окруженнаго опасностями и заботами.

Г. 1359. | Царевичи могольскіе христіанской вѣры. | Г. 1360—1361. | Наслѣдственное право.

Избранный ханомъ великій князь въѣхалъ въ Владиміръ, къ удовольствію жителей обѣщая снова возвысить достоинство сей падшей столицы. Онъ надѣялся, какъ вѣроятно, перезвать туда и митрополита: но Алексій, благословивъ его на княженіе, возвратился въ Москву, чтобы исполнить обѣтъ святителя Петра и жить близъ его чудотворнаго гроба.— Новгородъ, не любя и боясь самовластія князей Московскихъ,

22 іюня.

охотно принялъ намѣстниковъ Димитрія Константиновича; а Димитрій, желая только пользоваться княжескими доходами, согласился на всѣ предложенныя ему тамъ условія.—Въ сіе время новогородцы не имѣли войны, однакожъ старались болѣе и болѣе укрѣплять столицу: взяли казну софійскую, собранную архіепископомъ Моисеемъ, и поправили каменныя городскія стѣны. Духовенство не роптало на такое употребленіе церковнаго серебра, разсуждая благоразумно, что отечество и святая Софія неразделѣны и что безопасность перваго утверждаетъ благосостояніе Церкви. Нѣмцы и шведы не тревожили Новагорода; но хищный Ольгердъ устрашалъ его и всю Россію, непрестанно думая о завоеваніяхъ. По кончинѣ Іоанна Александровича Смоленскаго онъ взялъ городъ Мстиславль и Ржевъ; овладѣлъ еще прежде Бѣлымъ, осаждалъ даже въ Смоленскѣ Іоаннова сына князя Святослава и безпокоилъ Тверскую область. Россія, съ тайнымъ удовольствіемъ видя междоусобіе моголовъ, въ то же время опасалась быть жертвою литовскаго завоевателя.

Пріобрѣтенія Ольгердовы.

Царство Капчакское явно клонилось къ паденію: смятеніе, измѣны, убійства изнуряли его внутреннія силы. Одинъ изъ полководцевъ, именемъ Хидырь, кочевавъ за рѣкою Ураломъ, пришелъ на берегъ Волги, обольстилъ вельможъ Ординскихъ, убилъ Навруса, царицу Тайдулу, и сдѣлался великимъ ханомъ. Еще князья наши рабски повиновались симъ хищникамъ: Константинъ Ростовскій выходилъ въ ордѣ грамоту на всю наслѣдственную область свою, а Димитрій Іоанновичъ, внукъ Давида Галицкаго, на Галичъ, хотя сей удѣлъ былъ купленъ Іоанномъ Даніиловичемъ Калитою. Великій князь, братъ его Андрей Нижегородскій и Константинъ Ростовскій долженствовали предъ ханскимъ посломъ судиться въ Костромѣ съ болгарами, ограбленными шайкою нашихъ разбойниковъ: князья, отыскавъ виновныхъ, выдали ихъ и сами поѣхали въ орду съ данію. Но Хидырь уже плавалъ въ крови своей, убіенный сыномъ Темиръ-Хожею. Сей злодѣй царствовалъ спокойно только шесть дней; въ седьмый открылся бунтъ: Темникъ Мамай, сильный и грозный, возмутилъ орду, умертвилъ Темиръ-Хожу, перешелъ съ луговой на правую сторону Волги и назвалъ ханомъ какого-то Авдула. Явились и другіе цари: Кальдибекъ, мнимый сынъ Чапибековъ, хотѣлъ заступить мѣсто отца, но скоро погибъ; многіе вельможи заключились въ Сараѣ съ ханомъ Мурутомъ, братомъ Хидыревымъ; князь Булакъ-Темиръ овладѣлъ землею болгарскою; а Тагай Бездежскій Мордовскою (гдѣ нынѣ городъ Наровчатъ). Они рѣзались между собою въ ужасномъ остервененіи; тысячи падали въ битвахъ или гибли въ степяхъ отъ голода.—

Мятежи въ ордѣ.

Судъ князей съ болгарами.

г. 1361.

Князья наши не знали, кто останется повелителемъ или тираномъ Россіи, и спѣшили удалиться отъ ѳеатра убійствъ; нѣкоторые были ограблены въ столицѣ ханской, другіе на возвратномъ пути, и едва спасли жизнь свою.

Юный Димитрій Іоанновичъ Московскій также находился въ ордѣ, но успѣлъ выѣхать оттуда еще до Хидыревой смерти и мятежа. Мать, вдовствующая княгиня Александра, митрополитъ Алексій и вѣрные бояре пеклися о благѣ отечества и государя: дѣйствуя по ихъ внушеніямъ, сей отрокъ объявилъ себя тогда соперникомъ Димитрія Суздальскаго въ достоинствѣ великокняжескомъ, и звалъ его на ханскій судъ, чтобы рѣшить дѣло безъ кровопролитія. Царство Капчакское уже раздѣлилось; но кто господствовалъ въ Сараѣ, тотъ казался еще законнымъ ханомъ орды; и бояре московскіе вмѣстѣ съ суздальскими отправились къ Муруту. Вѣроятно, что сія честь удивила его: угрожаемый со всѣхъ сторонъ опасностями, тѣснимый свирѣпымъ Мамаемъ и будучи на тронѣ Батыевомъ только призракомъ могущества, имѣлъ ли онъ право располагать иными державами? Однакожъ, представляя лицо древнихъ хановъ, Мурутъ, судилъ пословъ и призналъ малолѣтняго Димитрія Іоанновича главою князей Россійскихъ, для того, какъ вѣроятно, что, соединяя знаменитую московскую державу съ областями великаго княженія, надѣялся воспользоваться его силами для утвержденія собственнаго престола.

г. 1362.

Москва удерживаетъ право великаго княженія.

Но какъ сей ханъ могъ послать только грамоту, а не войско въ Россію, то князь Суздальскій не уважилъ его суда и не хотѣлъ выѣхать ни изъ Владиміра, ни изъ Переславля-Залѣсскаго. Надлежало прибѣгнуть къ оружію. Всѣ бояре московскіе, одушевленные ревностію, сѣли на коней и выступили подъ начальствомъ трехъ юныхъ князей, Димитрія Іоанновича, меньшаго брата его и Владиміра Андреевича. Бывшій великій князь не ожидалъ того: по крайней мѣрѣ не дерзнулъ обнажить меча, и бѣжалъ въ Суздаль; а Димитрій Московскій занялъ Переславль, съ обыкновенными обрядами сѣлъ на тронъ Андрея Боголюбскаго въ Владимірѣ, жилъ тамъ нѣсколько дней, и, возвратясь въ Москву, распустилъ войско: ибо не думалъ гнать своего предмѣстника въ удѣлѣ наслѣдственномъ

Такимъ образомъ слабая рука двѣнадцати-лѣтняго отрока взяла кормило государства, раздробленнаго, тѣснимаго извнѣ, возмущаемаго междоусобіемъ внутри. Іоаннъ Калита и Симеонъ Гордый начали спасительное дѣло единодержавія,—Іоаннъ Іоанновичъ и Димитрій Суздальскій остановили успѣхи онаго, и снова дали частнымъ владѣтелямъ надежду быть независимыми отъ престола великокняжескаго. Над-

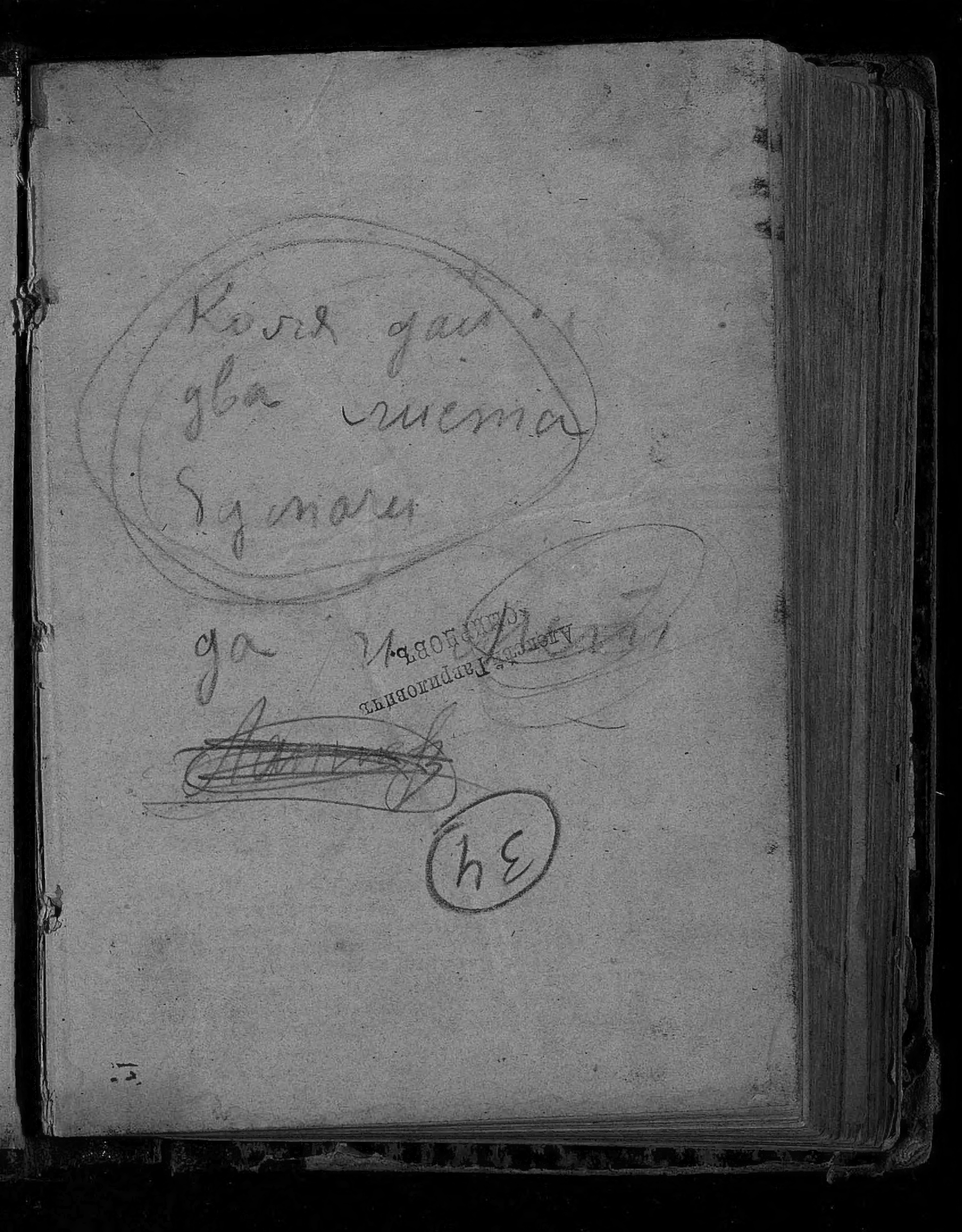
Отрокъ Димитрій.

лежало поправить растроенное сими двумя князьями и дѣйствовать съ тѣмъ осторожнымъ благоразуміемъ, съ тою смѣлою рѣшительностію, коими не многіе государи славятся въ исторіи. Природа одарила внука Калитина важными достоинствами; но требовалось не мало времени для приведенія ихъ въ зрѣлость и государство успѣло бы между тѣмъ погибнуть, еслибы Провидѣніе не даровало Димитрію пѣступовъ и совѣтниковъ мудрыхъ, воспитавшихъ и юнаго князя, и величіе Россіи.

Алексѣй Гаврилович

СМИРНОВЪ.

Коля дай
два листа
бумаги
да
Гавриловичъ
34

